

ОБРАЗ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

ISBN 978-5-7417-0839-2

Изображение создано при помощи генеративного интеллекта в универсальном фоторедакторе Pixlr по промту: в стиле Сальвадора Дали; в синих и голубых тонах (не более 70%); образ будущего, искусственный интеллект, виртуальный помощник, эксперт (<https://pixlr.com/image-generator/663358b34d21d3fed7c5c02e/>)

Москва
МФТИ, Физтех
2024

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)»
(МФТИ, Физтех)

**ОБРАЗ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО РОССИИ:
ФОРМИРОВАНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ**

Монография

Под общей редакцией
В.В. Зотова, Г.Р. Консона, С.В. Володенкова

Москва
МФТИ, Физтех
2024

УДК 316.422.42

ББК 60.524.19

О 23

Авторы:

В.В. Зотов, Г.Р. Консон, С.В. Володенков, А.В. Аментес, К.Э. Гаврильченко,
А.В. Губанов, О.Н. Гуров, Д.А. Огурцов

Рецензенты:

Василенко Людмила Александровна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Мещерякова Наталия Николаевна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политической социологии и социальных технологий Российского государственного гуманитарного университета.

О23 Образ цифрового будущего России: формирование и репрезентация : монография / В.В. Зотов, Г.Р. Консон, С.В. Володенков, А.В. Аментес, К.Э. Гаврильченко, А.В. Губанов, О.Н. Гуров, Д.А. Огурцов / под общ. ред. В.В. Зотова, Г.Р. Консона, С.В. Володенкова; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Моск. физ.-техн. ин-т. (нац. исслед. ун-т). — Москва : МФТИ, Физтех. — 2024. — 150 с. : ил.

В условиях высокой социальной турбулентности усиливается потребность в выработке объяснительной модели того, как складывается образ цифрового будущего России в публичном пространстве коммуникаций и как он отображается в общественном сознании. В работе определены теоретико-методологические основы исследования образа цифрового будущего российского общества, представлена оценка уровня презентации ключевых образов цифрового будущего в публичном пространстве коммуникаций на базе анализа медиаресурсов, а также посредством социологического опроса раскрыт доминирующий образ цифрового будущего России в общественном сознании и дано научно-методическое обоснование системы формирования его просоциального наполнения.

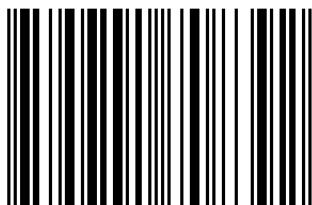
Книга будет интересна и полезна для учёных и преподавателей в сфере общественных дисциплин, государственных и муниципальных служащих, членов общественных организаций и политических партий, и в целом — для всех интересующихся перспективами общественного развития.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (госзадание) № 075-03-2023-106, номер проекта FSMG-2023-0029.

ISBN 978-5-7417-0839-2

УДК 316.422.42

ББК 60.524.19

9 785741 708392 >

© Зотов В.В., Консон Г.Р., Володенков С.В.,
Аментес А.В., Гаврильченко К.Э.,
Губанов А.В., Гуров О.Н., Огурцов Д.А.,
2024

© МФТИ, Физтех, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Теоретико-методологические основы исследования образа цифрового будущего России.....	8
2. Актуальные образы цифрового будущего России в публичном пространстве коммуникаций (на основе данных веб-аналитики и семантического анализа).....	33
3. Доминирующий образ цифрового будущего России в общественном сознании (на основе результатов социологического опроса)	56
4. Концепт просоциального образа цифрового будущего России (на основе результатов экспертного опроса).....	85
5. Сценарии презентации / репрезентации образа цифрового будущего России: от многообразия к просоциальности	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
Список использованных источников	140

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация российского общества, базовых принципов его функционирования на этапе перехода к цифровому этапу связана с установлением новых границ частного и публичного, нахождением баланса между цифровым контролем и личной свободой, развитием новых антропотехнических и социотехнических систем, изменением архитектуры современного государства. Неблагоприятным фактором выступает современная внешнеполитическая конъюнктура, связанная с усилением информационного противоборства в мире, конструированием рядом стран негативного имиджа РФ в глазах мирового сообщества.

Все вышеобозначенные обстоятельства порождают многочисленные вызовы, риски, неблагоприятные тенденции, проецируемые на процессы отражения в общественном сознании будущего российского общества, вступившего в цифровой период своего развития. Это усиливает потребность в выработке научно обоснованной объяснительной модели того, как складывается образ цифрового будущего России, соединяющий в себе представления о вероятных сценариях развития и желания какого-то конкретного будущего в мире цифровых технологий. Российское общество должно подготовиться к будущим вызовам, согласовав, среди прочего, этические принципы и обеспечив проведение ориентированных на будущее исследований. Научная актуальность изучения образа цифрового будущего состоит в том, что это обязательный элемент в системе управления обществом, его устойчивым развитием.

Большое количество медиаматериалов формирует сегодня неоднозначный образ будущего: от общества всеобщего благоденствия, ориентированного на человека, до оруэлловского общества «большого брата». В условиях превалирования социальных медиа в публичном пространстве коммуникаций этот образ нередко становится неустойчивым, ситуативным, а процесс репрезентации — более сложным из-за возрастающего числа акторов публичного пространства коммуникаций и связей между ними. Анализируя актуальные образы в медиaprостранстве, их доминирующие варианты в общественном сознании и необходимые просоциальные образы с по-

зиций экспертов, можно определить взаимосвязь футурологического дискурса с формированием общественных целей технико-технологического развития страны.

В этих условиях важным представляются выявление, систематизация и анализ образов цифрового будущего России в публичном пространстве коммуникаций, а также их репрезентация в общественном сознании. Поэтому в наше время очевидна необходимость создания концепции, позволяющей адекватно описать не только суть происходящих общественно-технологических трансформаций, но и изменения массового сознания, чтобы определить перспективы развития российского общества в пору ценностно-нормативной нестабильности. При этом, как это определяет Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений надо проводить с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт. Формирование просоциального образа цифрового будущего России, способствующего сохранению и творческому воссозданию базисных ценностей российского общества, позволит своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохранив при этом общероссийскую гражданскую идентичность. Такой образ будущего задаёт вектор культурного движения и выступает как проект дальнейшего общественного развития РФ с учётом перспектив её технико-технологического развития.

Цель проекта — разработка научно обоснованной концепции презентации просоциального образа цифрового будущего России в публичном пространстве коммуникаций и его репрезентации в общественном сознании. Данная концепция определяет перспективные диалого-партнёрские модели взаимодействий власти и основных заинтересованных сторон (стейкхолдеров), обеспечивающие возможность консолидировать российское общество, предотвращать и разрешать социальные конфликты и существенно минимизировать девиации. В рамках проекта решались следующие задачи:

а) раскрытие теоретико-методологических основ исследования образа цифрового будущего России;

б) определение актуальных образов цифрового будущего России в публичном пространстве коммуникаций на основе данных веб-аналитики и семантического анализа;

в) выявление доминирующего образа цифрового будущего России в общественном сознании на основе результатов социологического опроса;

г) определение параметров концепта просоциального образа цифрового будущего России на основе результатов экспертного опроса;

д) раскрытие приоритетных направлений и методов репрезентации просоциального образа цифрового будущего России.

Для поиска ответа на исследовательские вопросы был использован системно-аналитический подход, который позволяет рассматривать общество как взаимосвязанную и взаимодействующую сложную многоуровневую систему, каждый элемент которой влияет на другие аспекты и на будущее в целом.

В работе были использованы следующие эмпирические методы, синхронизированные по времени в силу крайне высокой динамичности процессов в предметной области:

а) для анализа количественных и качественных характеристик информационных поводов в медиaprостранстве, связанных с маркерами цифрового будущего, был сделан информационный срез за фиксированный период продолжительностью 3 месяца (июль — сентябрь 2023 года) по всей базе ресурсов, индексируемых аналитической системой «Медиалогия» (более 86 000 открытых источников массмедиа и 2,5 млрд аккаунтов соцмедиа), с локализацией пользователей из Москвы и Курской области;

б) для определения уровня знания населения о цифровых технологиях и оценки населением информации о цифровом будущем использовался массовый социологический опрос среди граждан РФ старше 14 лет с выборкой 482 респондента, социально-демографические характеристики которых совпадают с социально-демографическими характеристиками населения страны, что подтверждает представительность полученных результатов по отношению ко всему населению страны. С вероятностью 95 % реальная доля признака лежит в интервале $\pm 4,5$ %. Социологическое исследование было проведено с использованием онлайн-опроса посредством Google/Yandex Forms и полевого опроса методом личного интервью.

Данные полевого опроса помогли заполнить «вакантные» места в половозрастных квотах выборки. Несмотря на низкую вероятность систематических ошибок при сочетании этих двух форматов опроса, мы посчитали необходимым указать на двойственный характер заполнения анкет как особенность дизайна исследования;

в) для выявления приоритетных медийных инструментов, ключевых акторов (агентов влияния и представителей целевых аудиторий) для презентации образа цифрового будущего в пространстве публичных коммуникаций в сентябре — ноябре 2023 года было проведено экспертное исследование, в котором приняло участие 20 экспертов из академического сообщества и отечественного бизнеса; экспертные ответы были подвергнуты процедуре комплексирования, позволившей объединить мнение экспертов для более полного представления о предмете исследования.

В целом синхронизация предложенных методов исследования позволяет получить более полную и надёжную информацию, углубить понимание и предоставить комплексный подход к изучаемой проблеме, что в то же время не исключает влияние определённых событий на предметную область исследования.

В основу данной монографии положен расширенный материал ранее опубликованных работ¹.

¹ Володенков С.В., Зотов В.В., Консон Г.Р., Гуров О.Н. Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка) // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* 2024. Т. 49, № 1. С. 39–51.

Володенков С.В., Зотов В.В., Консон Г.Р. Образ цифрового будущего как модель конституирования реальности: сценарии формирования и репрезентации // *Журнал политических исследований.* 2023. Т. 7. № 4. С. 33–46.

Зотов В.В., Губанов А.В. Представленность в медиапространстве терминологического кластера «цифровое общество» // *Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всерос. науч. конф. СПб.: ООО ИД «Сциентиа», 2023. С. 813–815.*

Zotov V.V., Konson G.R., Volodenkov S.V., Gubanov A.V. The image of the digital future: formation in media space and representation in the public consciousness // *Nauka Televideniya — The Art and Science of Television.* 2023. Vol. 19, № 4. P. 63–115.

Зотов В.В., Огурцов Д.А., Аментес А.В., Губанов А.В. Образ цифрового будущего в публичном пространстве коммуникаций: анализ тональности медиатекстов на основе социальных дилемм // *Речевые технологии.* 2023. № 4. С. 54–65.

1. Теоретико-методологические основы исследования образа цифрового будущего России

Когда человек принимает будущее как некоторую данность, то он меняет и своё отношение к миру сегодняшнего дня. Поэтому в ситуации, когда всё меняется, выигрывает тот, кто лучше понимает те изменения, которые произойдут завтра, то есть в выигрыше тот, кто имеет определённый образ будущего. Но не в меньшей мере выигрывает тот, кто этот образ будущего формирует. Выявление ожиданий и представлений о будущем оказывается важным компонентом как для оценки актуального состояния социума, так и для принятия решений в ситуации неопределённости и турбулентности. Будущее всегда захватывало человеческое воображение, и видение завтрашнего дня оказывает влияние на развитие и внедрение сегодняшних инноваций. Отметим, что феномен технологических прорывов обусловлен в значительной степени общественными ожиданиями будущего. Изучая взаимодействие между общественными ожиданиями и технологическими инновациями, можно понять, как коллективные представления способствуют развитию целого ряда революционных технологий.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что представления и ожидания, хотя они во многом субъективны по своей природе, во многом воспринимаются их носителями в качестве реальных характеристик и параметров состояния будущего, что, по сути, создаёт набор доступных альтернатив, которым и руководствуется человек (в том числе лица, принимающие решения) в своей деятельности. Существует тесная взаимосвязь между представлениями человека о будущем (включая то, как он видит себя в этом будущем) и его текущим поведением.

По этой причине управление образами будущего на уровне влияния на представления людей в настоящее время становится эффективным инструментом публичного управления применительно как к объектам управления (индивидам, группам людей и обществам в целом), так и к субъектам (тем, кто принимает решения в настоящем на основе своих представлений о будущем). В целом можно констатировать, что актуальные образы, устойчиво цирку-

лирующие в сознании как масс, так и управленческих элит, выступают одним из значимых факторов, определяющих развитие государства и общества в жизненно важных сферах в настоящем.

В связи с этим управляемое извне конструирование нежелательных образов будущего становится одним из направлений ведения современных информационных войн в силу обозначенного выше потенциала влияния субъективных представлений и ожиданий по поводу будущего на актуальные модели человеческой деятельности в реальности. И здесь следует констатировать, что наиболее слабая сторона политики России в информационной сфере — это разработка позитивного образа общественного устройства¹.

Определённые риски может нести и стихийное, непредсказуемое конструирование образов будущего, в ряде случаев сопряжённое с негативными предположениями о нём, что может приводить к социально-политической дестабилизации, массовой аномии, формированию массовых фобий, падению доверия к власти и последующему росту протестных настроений в обществе. Здесь можно привести в качестве примера формирование протестного движения луддитов (изначально противников использования станков в ткацком производстве) в Англии начала XIX века как реакции на промышленный переворот, повлёкший резкое сокращение числа рабочих мест. Безусловно, это движение представляло собой радикальную асоциальную силу. Однако в первый раз именно луддиты подняли вопросы, которые и сегодня остаются актуальными для человека. Речь идёт о влиянии техники и технологий на человеческую жизнь и о том возможном ущербе, который они могут принести обществу. Сегодня можно наблюдать реинкарнацию идей луддизма в формате неолуддизма как современного варианта *«осмысления влияния развития технологий, в особенности компьютеров, на будущее человечества, особенно — в части компьютерных технологий»*².

Данные сценарии нежелательны с позиции успешного развития государства и общества, в связи с чем возникает актуальная задача

¹ Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Васильченко В.А. Идеологическая война против России: анализ идей внешних и внутренних акторов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13, № 3. С. 40–56.

² Емелин В.А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, № 1. С. 103–115.

формирования подходящих, с позиций интересов государства и общества, образов будущего, позволяющих обеспечить необходимую динамику позитивного прогресса. Более того, это даёт повод утверждать, что признаком сильной, «прогрессирующей» нации является её способность производить собственные образы будущего, обеспечивающие необходимое поступательное движение в сторону желаемых целевых показателей национального развития. В противном случае государство и общество становятся заложниками чужих образов, что порождает вероятность и даже неизбежность следования по чужому пути, в чужих интересах и для достижения чужих целей, не основанных на собственных интересах, ценностях и традициях.

Здесь также необходимо отметить актуальность положений закона необходимого разнообразия систем У.Р. Эшби, который убедительно показал, что система управления для успешной реализации своих функций должна обладать по крайней мере равными объекту управления сложностью и разнообразием¹. И если стремительная цифровизация значительным образом увеличила сложность и разнообразие среды, в которой живёт современный человек, обеспечила невиданные ранее возможности доступа к информации и коммуникациям, что привело и к повышению сложности и разнообразия самого общества, то государство как совокупность институтов управления самым необходимым образом вынуждено и обязано реагировать на изменение обстоятельств и повышать собственные сложность и разнообразие.

Данное утверждение представляется верным не только в части цифровизации системы государственного и муниципального управления, но и в части формирования образов будущего, которые на уровне массового сознания могут оказаться значительно более сложными и разнообразными, чем соответствующие образы будущего управленческих элит. *«Проект “желаемого будущего” формируется (предлагается, должен предлагаться) политической и интеллектуальной элитой»*². И если образы будущего, сформированные на «элитарном» уровне, не будут соответствовать сложности и разнообразию аналогичных образов на уровне общества,

¹ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: Иностранная литература, 1959. 432 с.

² Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. № 1. С. 45–50.

это может привести к конфликтам между обществом и властью, падению уровня доверия к государству, саботированию попыток изменить настоящее в связи с неприятием тех образов будущего, которые формируются в системе государственных институтов власти и управления. Поэтому образ цифрового будущего не может формироваться исключительно в среде политиков и интеллектуалов. При его формировании обязательно надо принимать во внимание интересы, настроения и позиции широких слоёв населения, и прежде всего его наиболее продвинутых слоёв — молодёжи, IT-специалистов, трендсеттеров.

Иными словами, сложность и разнообразие образов будущего, предлагаемых государством своим гражданам, должны соответствовать сложности и разнообразию массового сознания и общества в целом. В противном случае, согласно закону Эшби, государственное и общественное стратегическое развитие могут оказаться неэффективными в силу столкновения «сложного» общественного запроса и «простого» государственного предложения. Запрос общества на разнообразии является одним из вызовов современному государству.

В этом смысле будущее есть не у всех, а только у тех, кто представляет себе контуры нового цифрового мира, новые модели и технологии. Поскольку границы технологически возможного продолжают расширяться, в обществе крайне важно поддерживать диалог, в котором стремление к прогрессу уравнивается необходимостью этического и ответственного развития.

Важно отметить, что расширение границ технического оказывает влияние и на границы «человеческого». Общественная жизнь благодаря цифровой трансформации меняется качественно. На наших глазах ряд важных общественных процессов меняет не только свою форму, но и содержание. Это касается всех аспектов человеческой жизни во всех масштабах, и вместе с возможностями перед человечеством встают новые вызовы¹. В последние годы учёные, общественные деятели и представители культуры предлагают разнообразные сценарии будущего, отражающие коллективные опасения по поводу того, что человеческая природа окажется размытой или полностью поглощённой технологическим началом. Понятие

¹ Гуров О.Н., Сафонов М.С. Границы человеческого. М.: ИД «Научная библиотека», 2020. 226 с.

«расчеловечивания» представляется одной из общепринятых угроз для человека при отсутствии должного внимания к развитию технологий и недостаточному контролю интеграции технологических продуктов в экономику, культуру и даже политические процессы¹.

Коллективные усилия по созданию цифрового будущего, которое будет прогрессивным и ориентированным на человека, сыграют решающую роль в ответственном развитии технологий и улучшении общества в целом. Принятие образа будущего как некоторой данности меняет отношение человека к миру сегодняшнего дня. Но если будущие результаты неизвестны либо их достижение предполагает риск или слишком высокую плату, то велика вероятность отказа от перспективы, какой бы привлекательной она ни казалась изначально².

В связи с этим регулирование процессов формирования массовых образов будущего становится неотъемлемым элементом современного государственного управления, которое при этом должно соответствовать сложности и разнообразию общества, которому образы будущего предлагаются. А изучение и анализ содержательных характеристик актуальных образов будущего в России становится важной исследовательской задачей.

Однако прежде, чем перейти к исследованию образов будущего, необходимо рассмотреть содержательные аспекты данного феномена. Можно констатировать, что первую демонстрацию важности ориентации акторов на будущее в контексте понимания рациональности их поведения можно найти в работе А. Шютца, который утверждает, что *«представления о будущем положении дел являются предположениями о том, на что надо надеяться и чего бояться, или, лучше, о том, что можно разумно ожидать»*³. Среди первых работ, посвящённых проблеме образа будущего, следует

¹ Гуров О.Н. Люди, роботы и Чужие: кто паразит в новой парадигме // Вестник гос. ун-та Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2021. № 3. С. 99–109.

² Трофимова И.Н. Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус? // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 37–48.

³ Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 173.

отметить также публикацию Б. Ландхир¹, в которой утверждается, что человек безусловно заинтересован в своём собственном будущем, но лишь косвенно и смутно интересуется будущим общества, в котором он живёт. Это верно, если общество не является динамичным, поскольку человек предполагает, что в будущем всё будет примерно так же, хотя он может считать вероятным, что человечество создаст ещё больше изощрённых технологий и устройств.

Словосочетание «образ будущего» вошло в научный оборот благодаря работам Ф. Полака. Этот исследователь ввёл данное понятие для обозначения такого предвосхищения будущего, которое образуется в настоящем от столкновения прошлого и будущего. Образ будущего есть своеобразный резонансный отклик того, что уже прошло, и того, что только наступит². Согласно взглядам данного исследователя, образ будущего — это присутствующая в обществе фантазия о завтрашнем дне, которая создаётся творческими личностями и постепенно становится феноменом общественного сознания.

Но, несмотря на длительное время употребления данного термина в научном лексиконе, он не получил единой трактовки со стороны исследователей.

Во-первых, обращает на себя внимание, что данный термин ряд исследователей связывает с индивидуальной перспективой развития личности. Отсюда, можно указать на важность формирования образов будущего у подрастающего поколения. Например, как пишет Б. Сингер, образ будущего стремится организовать и придать смысловое значение той модели жизни, на реализацию которой рассчитывает ребёнок³. Эти образы будущего являются неотъемлемой частью системы ценностей и представлений человека о жизни и реальности и формируют основу для его представления о себе⁴. Основными следствиями из исследования подобного рода являются выводы о том,

¹ Landheer B. About the Image of the Future // On the Sociology of International Law and International Society. Springer, Dordrecht. 1966. P. 108–113.

² Polak F. The Image of the Future. Amsterdam, L., N.Y.: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 320 p.

³ Singer B. The Future-Focused Role-Image // Learning for Tomorrow: The Role of the Future in Education. N.Y.: Random House (Vintage Books), 1974. 421 p.

⁴ Plante J.A. Images of the Future and Their Educational Significance. [Washington, D.C.]: Distributed by ERIC Clearinghouse, 1975. 36 p.

что 1) «выраженная оптимистичность образа собственного будущего интерпретируется как предиктор готовности к преодолению кризиса самоопределения»¹; 2) позитивный образ будущего (ожидания будущего) положительно коррелируют с последующими достижениями²; 3) ожидания относительно будущих достижений формируется социальным контекстом³. В этом случае образ будущего — «это субъективное эмоционально-когнитивное образование, являющееся носителем индивидуального видения (в широком смысле) реальности, а, следовательно, и взаимодействующее с ней»⁴. И это направление продолжается в современных исследованиях⁵.

Во-вторых, в современном социогуманитарном дискурсе понятие «образ будущего» стало широко использоваться для обозначения представления о перспективах развития страны в общественном сознании. В данном случае образ будущего — это выражение распространённых в социуме публичных представлений о том, каким может быть будущее. А данные публичные представления формируются путём совпадения ожиданий относительно перспектив развития со стороны больших социальных групп или общества в целом. Здесь образ будущего есть общее представление того, как может в перспективе выглядеть жизнь человека, общества и государства. Например, А.Б. Ананченко пишет: «Образ будущего — это многоуровневая и разносубъектная система представлений и образов в обществе о направлении развития, его содержании, миссии и главных ценностях (целях развития) конкретно-исторического общества, его векторе развития»⁶. В данном случае образ будущего довольно часто отождествляют с понятиями

¹ Андреева А.Д. Образ собственного будущего у старшеклассников и студентов колледжа // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14, № 2. С. 3–18.

² Domina T., Conley A., Farkas G. The link between educational expectations and effort in the college-for-all era // *Sociology of Education*, 2011. Vol. 84, № 2. P. 93–112.

³ Павлов Д.А., Павлова Л.Л. Молодёжь в российском обществе: образ будущего и проблемы социализации // Вестник Сургутского гос. педагог. ун-та. 2019. № 2(59). С. 24.

⁴ Петрова В.Н. К вопросу о возможности интерпретации содержания образа будущего // Сибирский психологический журнал. 2010. № 36. С. 32.

⁵ Ahvenharju S., Lalot F., Minkkinen M., Quiazade A. Individual futures consciousness: Psychology behind the five-dimensional Futures Consciousness scale // *Futures*. 2021. Vol. 128. P. 102708.

⁶ Ананченко А.Б. Образ будущего как конкретно-историческая, теоретическая и политико-прикладная проблема // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14, № 4. С. 153.

прогноза, проекта, модели или картины будущего. Он отличается от научного прогноза, который представляет собой тренды, рассчитанные на основе данных, от проекта и модели, в которые включаются элементы, желательные для будущего, а также от картины будущего, в которой есть изобилие деталей, прорисовка подробностей и нюансов, но только одной из сторон ожидаемого будущего. Образ будущего — это определённое предположение, основанное на результатах жизненного опыта человека или социальной группы.

Обобщая имеющиеся трактовки, образ будущего можно представить как комплекс ожиданий, предположений и представлений, объясняющий, в каком будущем будут действовать и развиваться человек, общество и государство, какими качествами будут характеризовать их. Образ будущего создаётся человеком в сознании и ощущается на эмоциональном (подсознательном) уровне¹. А содержание образа будущего определяется аксиологическим сценарием мира настоящего, репрезентируемого языковыми единицами².

Отметим, что в последние два-три года увеличилось количество публикаций, в которых рассматривается образ будущего в общественном сознании россиян. Особое внимание уделено особенностям формирования образа будущего в условиях политической нестабильности, поскольку на представления граждан о будущем оказывают влияние текущие социальные проблемы и противоречия³. В отношении ближайшей перспективы доминируют тревожные настроения; стабильности ими не ожидается⁴.

Обозначим важность восприятия социальности будущего. Социальность есть *«система исторически складывающихся и постоянно воспроизводящих себя на новой ступени взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности,*

¹ Zheltikova I.V. Studies of the future and the place of the concept “image of the future” in them // Philosophical Thought. 2020. Vol. 2. P. 15–32.

² Кламер И.Е. Дискурсивное конструирование образа будущего: аксиологический аспект // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2023. № 6(476). С. 67–72.

³ Хохлов А.А. Представления о будущем в коллективном сознании россиян // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 6–17.

⁴ Коленникова Н.Д. Образы «России будущего» в представлениях граждан // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 91–103.

*определяющая типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса»*¹. Складывающиеся взаимоотношения могут носить просоциальный характер, то есть быть нацеленными на решение общественно значимых проблем в пользу человека и общества, или же асоциальный, то есть быть враждебными по отношению к человеку и его социальному окружению. В качестве желательных просоциальных качеств будущего большинство россиян называют социальную справедливость, преодоление коррупции, смягчение социальных неравенств, переход к инновационной экономике, укрепление международных позиций страны². В другом исследовании большинство опрошенных россиян репрезентирует желаемое будущее страны как демократическое социальное государство с устойчивыми институтами и сохраняющейся национально-цивилизационной идентичностью³.

Представления о просоциальности / социальности будущего имеют первостепенную важность для организации жизни в окружающей среде⁴, так как понятие о будущем настраивает человека на принятие позитивных или негативных последствий тех или иных событий ещё в их потенциальном состоянии. Именно возможность использовать и наслаждаться открывающимися перспективами формирует уверенность в будущем⁵.

Сегодня во многих сферах общественной жизни влияние новых технологий уже сейчас настолько велико, что представить откат к доцифровой эпохе практически невозможно. А недавняя пандемия COVID-19 только ускорила цифровую трансформацию общества, поскольку продемонстрировала, что негативное влияние на деятельность компаний, которые инвестировали в цифровые технологии до кризиса,

¹ Адуло Т.И. Уяснение сущности социальности — ключ к пониманию глобальных проблем современности // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2019. Т. 4, № 26. С. 33.

² Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д. Представления россиян о будущем России // *Социологические исследования*. 2022. № 10. С. 49–61.

³ Трофимова И.Н. Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус? // *Социологические исследования*. 2022. № 10. С. 37–48.

⁴ Wilson T.D., Gilbert D.T. Affective forecasting // *Advances in experimental social psychology*. 2003. Vol. 35. P. 345–411.

⁵ Poli R. The implicit future orientation of the capability approach // *Futures*. 2015. Vol. 71. P. 105–113.

оказалось значительно меньше¹. В первую очередь активизировалось внедрение уже апробированных технологий, которые стали быстрым и эффективным ответом на ковидные ограничения на перемещения. Возникшая ситуация поставила каждого члена общества в положение, при котором принятие результатов цифровизации стало требованием времени, а не правом свободного выбора². Угроза существованию значительно ускорила процесс цифровизации, практически не оставив вариантов для несогласных, вынудила расширить применение имеющихся информационно-коммуникативных технологий, ускорить создание новых. Население активно экспериментировало во время пандемии с цифровыми услугами, что дало ускорение цифровизации. Безусловно, население продолжит пользование цифровыми сервисам и после завершения пандемии. И есть резон полагать, что изменения в поведении населения, скорее всего, сохранятся надолго. Можно согласиться с мнением, что пандемию можно рассматривать как вынужденный эксперимент, демонстрирующий варианты возможного цифрового будущего³.

Россия занимает далеко не лидирующие позиции в мировых рейтингах цифровизации из-за сравнительно невысокой интенсивности использования организациями передовых цифровых технологий, а также низкой готовности населения к цифровому обществу. По готовности страны к сетевому обществу Россия полнилась с 48-го места на 40-е, но тем не менее, несмотря на рост цифровизации государства и общества, продолжает отставать от лидирующих стран⁴. В рейтинге цифровой конкурентоспособности стран, который рассчитывается по методике ведущего европейского Института менеджмента (Institute of Management

¹ Abidi N., El Herradi M., Sakha S. Digitalization and resilience during the COVID-19 pandemic // *Telecommunications Policy*. 2023. Vol. 47, № 4. P. 102522.

² Kohli G., Gourav K. Transforming the Technologies for Resilient and Digital Future During COVID-19 Pandemic // *Machine Intelligence, Big Data Analytics, and IoT in Image Processing* (Eds A. Kumar, M. Bhushan, J.A. Galindo, L. Garg and Y.-C. Hu). Hoboken, NJ: Beverly, MA: Wiley; Scrivener Publishing, 2023. 512 p.

³ Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Образ цифрового будущего общества через призму пандемии // *Философская мысль*. 2021. № 2. С. 11–23.

⁴ Индикаторы цифровой экономики: 2024: стат. сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. С. 20.

Development, IMD)¹, базирующегося в Лозанне (Швейцария), Россия в 2022 году заняла 36-е место по уровню цифровой трансформации.

Этот рейтинг учитывает три основных фактора, которые авторы описывают следующим образом: 1) уровень развития нематериальной инфраструктуры, необходимый для ноу-хау, их открытия, понимания и разработки (фактор «знания»); 2) уровень развития цифровых технологий (фактор «технологии»); 3) уровень готовности страны к использованию результатов цифровой трансформации (фактор «готовность к будущему»). В рейтинг цифровой конкурентоспособности 2022 года Россия по причине «ограниченной надёжности собранных данных» не была включена. Это говорит о том, что стране необходимо не просто продолжать реализовывать проекты, связанные с цифровизацией и цифровыми технологиями, а готовить общество к тому, чтобы данные технологии были приняты.

Человек живёт в эпоху цифровой трансформации — и технологические изменения влияют не только на сферу производства, но и на его представления о будущем, особенно в среде молодёжи как активных пользователей². Это актуализирует изучение *образа цифрового будущего как комплекса ожиданий, предположений и представлений* о развитии человека, общества и государства в условиях цифровизации различных социальных сфер и отраслей производства. Отметим, что на сегодняшний день изучение данного феномена только входит в фокус научных исследований³.

Формирование образа цифрового будущего зависит от различных факторов, которые можно разделить на технико-технологические, социальные и культурные. Техничко-технологические факторы

¹ World Digital Competitiveness Ranking (Опубликовано 15.01.2022) // International Institute for Management Development — URL <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/> (Дата обращения 12.02.2024).

² Rasa T., Laherto A. Young people's technological images of the future: implications for science and technology education // European Journal of Futures Research. 2022. Vol. 10, № 1. P. 4–12.

Cook J. Young adults' hopes for the long-term future: from re-enchantment with technology to faith in humanity // Journal of Youth Studies. 2016. Vol. 19, № 4. P. 517–532.

³ Виноградов М.Ю., Джигилова Е.Г., Попов Н.С., Султанова Г.Д., Фидря Е.С. Образ цифрового мира и восприятие политики цифровизации в общественном сознании россиян // Журнал политических исследований. 2023. № 1. С. 76–90.

формирования образа цифрового будущего связаны с наукой, техникой и технологиями, которые определяют глубину и скорость цифровых трансформаций. Эти факторы носят объективный характер, так как существуют вне сознания человека и не зависят от его восприятия окружающей действительности. Техничко-технологические факторы открывают возможности и ставят ограничения, с которыми сталкивается человек при планировании своего будущего. Социальные факторы формирования образа цифрового будущего связаны с социальными явлениями, порождёнными внедрением цифровых технологий в жизнь социума. Такие факторы влияют на каждого члена общества независимо от его желания и намерений, поскольку предстают для человека как объективные. Но тем не менее социальные факторы могут трансформироваться в результате целенаправленного действия социума. Культурные факторы формирования образа цифрового будущего связаны с культурными феноменами цифрового общества. Данные факторы влияют на субъект цифровых трансформаций, на его ценности, нормы, установки, тем самым определяя цели и смысл цифровой трансформации. Культурные факторы формируют мировоззрение и влияют на то, как человек представляет себе своё будущее, какие цели и задачи он ставит перед собой, как он выбирает средства и способы их достижения, как он оценивает возможные перспективы и риски в своей жизни. Техничко-технологические, социальные и культурные факторы взаимодействуют и взаимно обуславливают друг друга, образ цифрового будущего является результатом взаимодействия этих факторов, которые определяют направление и смысл жизненного пути человека.

Техничко-технологические факторы формирования образа цифрового будущего связаны с наступающим четвёртым этапом информатизации. На смену компьютеризации (внедрение компьютеров в различные сферы человеческой деятельности), интернетизации (создание единой компьютерной сети), сетевизации (формирование сетевых сообществ различной направленности) пришла цифровизация, ключевым процессом которой является создание цифровых платформ¹.

¹ Зотов В.В. Информационно-аналитические платформы как основа цифровизации общества // Труды 63-й Всероссийской науч. конф. МФТИ. Гуманитарные науки и педагогика. М.: МФТИ, 2020. С. 71–72.

Цифровизация есть процесс формирования общего социотехнического пространства взаимодействия людей с интернет-сервисами, с разнообразными цифровыми приложениями со встроенными интеллектуальными системами (системами с искусственным интеллектом). Это способствует формированию «цифрового общества» как общества гибридного типа, в котором осуществляется взаимная трансгрессия виртуальных и реальных социальных отношений, накапливается и грамотно используется гибридный коллективный разум¹. Цифровые технологии встроились в жизнь человека так, что уже не существует дихотомии реальности и виртуальности, они соединились в целостную среду существования².

Такие российские исследователи, как И.А. Асеева, В.А. Белкина, В.Г. Буданов, Г.А. Власкин, А.В. Дорошин, В.В. Зотов, С.А. Кравченко, В.М. Кульков, Е.Б. Ленчук, Г.А. Малышева, А.Ю. Нестеров, А.В. Никоноров, В.А. Сойфер, В.Г. Халин, Г.В. Чернова³, связывая тренды социально-экономического развития общества с процессом цифровой трансформации, обоснованно обозначают потенциальные опасности, угрозы и риски данного процесса.

¹ Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Социология цифрового общества. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с.

² Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. 2023. Т. 28, № 1. С. 48–65.

³ Aseeva I., Budanov V. Digitalization: potential risks for civil society // Економічний часопис-XXI. 2020. Vol. 186. № 11–12. P. 36–47.

Зотов В.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Белкина В.А. Конвертация опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 2. С. 4–20.

Кравченко С.А. Социология цифровизации. М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2021. 236 с.

Кульков В.М. Цифровая экономика: надежды и иллюзии // Философия хозяйства. 2017. № 5(113). С. 145–156.

Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник Ин-та экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 9–21.

Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. Т. 26. № 1. С. 40–46.

Нестеров А.Ю., Дорошин А.В., Никоноров А.В., Сойфер В.А. Эволюция общества в свете философии техники // Философские науки. 2022. Т. 65, № 2. С. 7–32.

Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и её влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10(118). С. 46–63.

На современном этапе развития общества отчётливо проявляется фундаментальность влияния цифровизации на сферу общественного сознания. Цифровое общество, вне всякого сомнения, удерживает фокус в общественном сознании как наиболее содержательный образ будущего, хотя его последствия, возможно, осознаются не полностью. В эпоху цифровых технологий образу цифрового будущего должно уделяться особое внимание, особенно последствиям триединого процесса сетевизации (создание сетевых структур, которые объединяют акторов и актантов в единую систему), датификации (организация сбора и хранения данных акторов и актантов в цифровом формате) и алгоритмизации (принятия решений системами искусственного интеллекта на основе больших данных) в рамках создания цифровых платформ¹. Цифровые платформы — это совокупность цифровых технологий, обеспечивающих взаимодействие акторов и актантов, оптимизацию алгоритмов их взаимодействия, а также сбор, консолидацию и обогащения извлечение новых данных на основе информации и метаданных².

Каждый из этих процессов порождает определённые проблемы, которые влияют на общее восприятие цифрового будущего.

В узком смысле сетевизация есть процесс разработки и распространения интернет-сервисов, которые позволяют пользователям генерировать, просматривать и обменивать контент с целью установления социальных связей (отношений). Это так называемые социальные сети, которые связывают почти $\frac{3}{4}$ населения России³. Они дают возможность людям из любой точки земного шара выражать своё мнение по поводу актуальных событий и общаться друг с другом в режиме реального времени. Впрочем, они в состоянии

¹ Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 152 p.

Зотов В.В., Кривоухов А.А. Опасности и риски цифровизации информационно-коммуникационной среды // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21. № 3 (144). С. 70–79.

² Зотов В.В., Асеева И.А., Буданов В.Г. Цифровая сетевая платформа: классификация опасностей социотехнической конвергенции // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 6. С. 243–259.

³ Статистика интернета и соцсетей на 2023 год — цифры и тренды в мире и в России (Опубликовано 30.01.2023) // WebCanape — URL <https://www.webcanape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (Дата обращения 12.02.2024).

превратится в ресурс для распространения негативного настроения и дезинформации, укоренять в общественном сознании предрассудки и сеять рознь, стать инструментом для создания образа врага.

В широком понимании сетевизация — это процесс создания сетевых структур, включающих как акторов, так и актантов. Актанты появляются во многом благодаря технологии Интернет вещей (ИОТ), возможности которой практически безграничны — с её помощью можно управлять домом, транспортом или городом, следить за здоровьем человека и лечить его без операций при помощи соответствующих микрочипов. Системы ИОТ работают за счёт сбора и обмена данными в режиме реального времени между устройствами, которые оснащены средствами связи друг с другом. Среди таких устройств могут быть как пассивные участники сети (например, чипы или устройства для умного дома), так и активные (например, интеллектуальные системы). В глобальной сети Интернет можно увидеть, во многом благодаря появившимся техносубъектам, процесс фрагментации сетевого пространства, при котором часть пользователей объединяется в виртуальное сообщество в рамках определённой предметной сферы: бизнес, политика, компьютерная игра. Открывается возможность выбора целевой аудитории для информационного воздействия со стороны агентов влияния (будь то транснациональная корпорация, государство / политическая партия или разработчики игр).

Таргетированное предложение рекламной информации о товарах и услугах, впрочем, как и другой информации, на основе анализа активности пользователя спасает обывателя от получения огромного количества рекламных листовок и проспектов. А это, по сути, является благом для современного мира, так как снижается загрязнение среды обитания человека: и в информационном, и «бумажном» аспекте. Но одновременно с этим открывает возможность создания персональных информационных капсул, учитывающих особенности восприятия информации и индивидуальные предпочтения в форме и содержании контента¹. В итоге ведущие сетевые акторы на своих цифровых платформах опоясывают пользователя информационным «пузырём»², в рамках которого информационная

¹ Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188–196.

² Pariser E. The Filter Bubble: What The Internet Is Hiding From You. N.Y.: Penguin Press, 2011. 294 p.

картина мира демонстрируется в скорректированном, отретушированном виде. Оказываясь в таком фрагменте медиапространства в течение длительного времени, человек всё менее склонен покидать его, поскольку он получает информацию только из тех источников, которые подтверждают уже существующие его убеждения. Но если человек получает информацию только из источников, которые подтверждают его убеждения, то он не может получить полную картину мира будущего. Это может привести к тому, что он будет принимать решения, основанные на искажённом образе будущего.

Вместе с сетевизацией проходит процесс датафикации, который связан с генерацией и накоплением больших массивов данных. Первоначально основными источниками данных была электронная отчётность организаций, затем информацию начали предоставлять пользователи сети Интернет, создавая свои цифровые профили на различных платформах и оставляя цифровые следы во время веб-сёрфинга, а в настоящее время данные формируют датчики приборов, видеокамеры и другие устройства, подключённые через Интернет вещей. Большие данные прочно вошли в нашу повседневную реальность, и каждое действие или бездействие порождает массив данных, которые затем будут использованы умными алгоритмами. Даже если человек бездействует, в мировом информационном хранилище будет стоять запись о том, что он бездействовал в определённый промежуток времени своей жизни.

Накопленные данные и технологии, функционирующие на основе анализа данных, способны решать значительное количество проблем населения, расширять возможности людей, способствовать улучшению их благосостояния. Накопленная информация в области движения литосферных плит, полученная с датчиков по всему земному шару, является ценной для прогнозирования землетрясений. Она значительно изменила жизнь населения сейсмоактивных регионов к лучшему. В строительстве большие данные позволяют проектировать всё более совершенные и безопасные конструкции, так как накапливаемые данные снижают риски при проектировании нестандартных конструкций. В 2020 году перед лицом мировой пандемии именно большие данные позволили разработать вакцины в кратчайшие сроки. Накопление погодных снимков решило задачу морской навигации, сделав передвижение через Атлантический океан безобидным развлечением, тогда как

раньше оно представляло риск для жизни. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), технологии, основанные на анализе собранных данных, обещают предоставить более эффективные государственные пособия нуждающимся семьям, спасти жизни пациентов, защитить детей от жестокого обращения и предсказать возможные террористические атаки¹. Иными словами, на их основе возможно повышение эффективности деятельности государственного сектора. Но одновременно с этим значительное число цифровых сервисов собирает данные о пользователях для того, чтобы провести маркетинговые исследования и понять, какие товары пользуются большим спросом и как продавать непопулярные товары.

Также стоит отметить тенденции сбора данных без конкретных целей. Считается, что в информационном веке именно редкая информация является золотом, но многие IT-проекты собирают все возможные данные от пользователей, заставляя заполнять бесконечные формы на сайтах, и их гаджетов. К сожалению, несмотря на то что собирается много информации, большая её часть является бесполезной, так как смысл её создания и хранения не сформулирован, полезные знания из такой информации не получены.

Многие задаются вопросом: стоит ли бояться такого стремительного накопления данных, или необходимо открыто делиться информацией? Демонизация систем больших данных (Big Data) происходит скорее от непонимания целей сбора тех или иных данных, в особенности персональных данных человека. Это ведёт к тому, что в Big Data открываются большие возможности контроля, цензуры, слежки. Опасность может исходить и от авторитарных правительств, и от транснациональных компаний, которые контролируют каждое действие пользователя с целью получения наибольшей выгоды. Но не надо оставлять без внимания и тот аспект, что благодаря видеокерам граждане также имеют возможность отслеживать разнообразные действия органов власти, осуществляя контроль, что позволяет им оказывать на органы власти влияние². Образ цифрового будущего прежде,

¹ Van Ooijen C, Ubaldi B, Welby B. A data-driven public sector: enabling the strategic use of data for productive, inclusive and trustworthy governance // OECD Working Papers on Public Governance. 2019. № 33. 59 p.

² Беляева Е.В. Цифровое общество и возможности его этического регулирования // Освоение ойкумены прикладной этики: эскалация амбиций или критика утопичности. Вестник прикладной этики. Вып. 52. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С. 74–82.

чем выйти на проблематику свободы и безопасности, должен ответить на вопросы достоверности информации, цензуры, границ приватности и публичности.

И, наконец, третьей составляющей процесса цифровизации выступает алгоритмизация принятия решений. Используемые алгоритмы называют по-разному: алгоритмы с использованием машинного обучения, алгоритмы глубокого обучения, интеллектуальные алгоритмы или просто искусственный интеллект. Термин «искусственный интеллект» используется сейчас для обозначения систем и технологий, способных решать сложные задачи на уровне, близком к человеческому, а иногда и лучше. Таких задач стало необычайно много: камеры наблюдения на дорогах рассчитывают скорость автомобиля, распознают его номер и выдают штраф, системы безопасности в метро и в аэропортах могут обнаружить в толпе преступников. Все эти достижения сегодня считают искусственным интеллектом, но по сути каждая такая технология держится на уникальных алгоритмах.

Это создаёт опасности, поскольку идёт процесс делегирования системам искусственного интеллекта права принятия решений по вопросам жизнедеятельности человека, что уже ранее обсуждалось¹. Прежде всего, это проблема ошибки /сбоя в процессе работы искусственного интеллекта при принятии решения. Р. Китчин отмечает возможность систем искусственного интеллекта «выходить из-под контроля» в силу нелинейности и вариативности их алгоритмов². Цена такой ошибки довольно высока. Например, при отказе системы искусственного интеллекта назначить пособие малообеспеченной семье могут возникнуть необратимые и драматические последствия для её членов.

Ещё одна проблема связана с этическим обоснованием решения, принятого в ситуации, где возможны отложенные последствия. Например, решение о предоставлении гражданину лицензии на огнестрельное оружие может зависеть от того, выражал ли он угрозы в отношении

¹ Зотов В.В., Кривоухов А.А. Информационно-коммуникационная среда: опасности основных процессов цифровизации // *Koinon*. 2022. Т. 3, № 3–4. С. 75–87.

Зотов В.В., Кривоухов А.А. Опасности и риски цифровизации информационно-коммуникационной среды // *Социальная политика и социология*. 2022. Т. 21, № 3(144). С. 70–79.

² Kitchin R. Thinking critically about and researching algorithms // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20, № 1. P. 14–29.

неопределённого круга лиц или конкретного человека в социальных сетях. И здесь варианты решений (предоставлять / не предоставлять) определяют настройки алгоритмов искусственного интеллекта (например, «жёсткий» / «умеренный» / «снижающий»).

Использование алгоритмов может воспроизводить и даже усиливать предвзятость в тех случаях, когда в них с самого начала закладываются данные, не отражающие всего многообразия реалий. Например, проблема гендерной дискриминации кандидатов при приёме на работу в компанию на основе алгоритма искусственного интеллекта, который ставил более низкие оценки кандидатам-женщинам из-за того, что был ранее обучен на данных успешного отбора кандидатов, среди которых преобладали мужчины. Это действительно насущная проблема, поскольку она поднимает вопрос о возможной предвзятости и даже дискриминации в решениях таких систем.

И, наконец, последняя проблема связана со всё возрастающими трудностями понимания рядовым пользователем механизма получения результатов. Система искусственного интеллекта должна быть способной предоставить пользователю всю логику рассуждения, которая привела к полученному выводу, то есть *«действия ИИ должны быть прозрачными для широкого круга заинтересованных сторон, в том числе для повышения доверия граждан к ИИ и цифровым технологиям вообще»*¹. Как следствие актуализируется проблематика доверия к решениям, принимаемым системами искусственного интеллекта.

По мере того как цифровые технологии проникают в общество, они порождают серьёзные интенциональные опасности, обусловленные *«преднамеренными действиями субъекта, которые могут привести к причинению ущерба как непосредственно пользователям цифровой платформы их владельцам и (или) различным социальным группам социума»*². Новостной фон наполнен сообщениями о том, что группа злоумышленников с навыками работы

¹ Этика и «цифра» — коротко о главном. Робот-врач, робот-учитель, робот-полицейский: социальные риски и отраслевые этические вызовы: аналитическая записка к тому 2 доклада «Этика и “цифра”: этические проблемы цифровых технологий». М.: РАНХиГС, 2020. С. 17.

² Зотов В.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Белкина В.А. Конвертация опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 2. С. 8.

с базами данных или программным обеспечением нарушила конфиденциальность данных пользователей. Именно данный вид опасностей и следует рассматривать в качестве угрозы для формирования негативного образа цифрового будущего. Такие опасности связаны с неправомерным, несанкционированным доступом к информации как путём разработки специального программного обеспечения, так и путём использования технологий социальной инженерии. Проблемы с утечкой данных в общей своей массе возникают из-за мошеннических действий не технологического, а социально-психологического характера. Достаточное количество киберпреступлений строятся на социальной инженерии, в рамках которой преступники используют инструменты из арсенала психологов и социологов, осуществляя своего рода «игру» с пользователями. Такая игра обычно основывается на подрыве веры в безопасность приложений и сайтов, которыми они пользуются. Сами по себе технологии редко являются причиной того, что пользователь добровольно вводит свой логин и пароль на «фишинговом сайте».

Философия открытости данных, полностью оформленных цифровых паспортов, индикаторов, биометрии позволяет в значительной мере обезопасить свои действия в сети, иными словами, если в сети про вас всё известно, то подделать ваш профиль попросту невозможно. В 2023 году в России в медиапространство попало множество сообщений о том, что граждане обязаны сдать биометрические данные. Общество в целом восприняло это спокойно, но отдельные социальные группы проявляли крайнее недовольство тем, что такие данные собираются в указательном порядке. Ранее население научили хранить личные данные при себе, не оставляя, например, паспортные данные, в гостиницах или в сервисах по прокату. Такие утечки чреватые были открытием кредитных продуктов удалённо, без участия гражданина, на которого оформлялся кредит. Сегодня банки используют биометрическое подтверждение для того, чтобы никто кроме гражданина не смог оформить на него кредитный продукт. Технологии оставляют всё меньше возможностей для мошенников, так как множество операций автоматизируется, человеческий фактор исключается, а идентификация пользователя идёт посредством запросов в несколько различных и независимых баз данных.

Культурные факторы также играют важную роль в формировании образа цифрового будущего, поскольку они определяют восприятие, ценности и ожидания общества по отношению к цифровым технологиям. Прежде всего, культурные традиции могут влиять на установки членов общества по отношению к цифровым технологиям. В рамках традиций некоторых культур принято ограничивать влияние новых технологий, тогда как в других — активно принимать и внедрять. Культурные нарративы, в том числе основанные на национальной культуре и культурном наследии, играют важнейшую роль в формировании ценностей и приоритетов общества. Культура влияет на восприятие технологического прогресса и представление его результатов. Российская культура с её идеалами гуманности и справедливости может быть надёжным фундаментом для построения системы, готовящей человека к современным вызовам. Такие нарративы служат морально-этическим компасом, направляющим развитие общества к желаемому будущему. Более того, современные культурные нарративы формируют единый моральный узел, связывающий человеческое и технологическое, физическое и виртуальное. Узел этот, по нашему мнению, является тем фундаментом, на котором должен основываться прогресс и осмысляться возможные сценарии будущего¹.

Образ будущего сродни образам искусства. Он включает в себя как рефлексивные, так и эмоциональные элементы. Конкретные авторы, на наш взгляд, не столько придумывают, сочиняют образы будущего, сколько выражают социальные ожидания, присутствующие в культуре. Произведения, в которых отражаются представления о будущем, чрезвычайно разнообразны — это не только литературные сочинения, кинофильмы и произведения изобразительного искусства, но и научные и философские трактаты, а также публицистика и блоги. Все они выступают носителями образов будущего.

Образы, которые транслируют фантастические фильмы, литература или искусство, могут создавать представления о том, каким будет цифровое будущее, и формировать ожидания от технологий. Именно образы массовой культуры помогают формировать траекторию технологических инноваций, а конкретные достижения в

¹ Гуров О.Н. Мета вселенные — из сумерек во тьму перелетая? // Наука телевидения. 2022. Т. 18, № 1. С. 11–46.

области разработки и внедрения технологий, в свою очередь, вдохновляют общество на новые образы цифрового будущего. Сфера искусственного интеллекта, и в целом цифровых технологий, особенно подвержена влиянию футурологических концепций и образов массовой культуры.

Футуристические образы в массовой культуре, например, в научно-фантастической литературе и кино, стали для общества «холстом», на котором оно изображает свои надежды, страхи и ожидания, связанные с неконтролируемым развитием технологий. Хотя не вся научная фантастика имеет дело с будущим, её основное внимание сосредоточено на возможностях будущего. Научная фантастика как литературный жанр взяла курс на активное развитие в XX веке, что было обусловлено двумя причинами: первая — широкое распространение науки и связанного с ней производства, вторая — определённый пласт научных знаний, ставший доступным для обывателя.

Научно-популярная литература позволяла восполнить дефицит знаний у населения, имеющего подобную потребность. Двусторонний процесс взаимовлияния внешнего мира и психики человека дополнился объёмом знаний и новых технологиях. Естественным стал тот факт, что в общественном сознании формируются различные мнения относительно изменений, происходящих в обычных, привычных условиях. Научная фантастика стала океаном мысли, в котором сосредоточивались все возможные мнения относительно новых технологий. Авторы, которые писали свои произведения в жанре научной фантастики, стали скорее философами, отражающими в своих очерках, рассказах и романах происходящие события и старающимися осмыслить их. У истоков подобных размышлений о будущем стояли Жюль Верн, Герберт Уэллс, Станислав Лем, Рэй Бредбери и так называемая «Большая тройка» фантастов, представленная Айзеком Азимовым, Робертом Хайнлайном и Артуром Кларком. Многие их гипотетические выкладки претворились в реальность. Огромная часть подобного творчества посвящена месту человека в изменившемся мире и изменениям, которые происходят с самим человеком. Часть произведений создавала положительный образ изменений, рисуя технологические утопии и отражая позитивную сторону общественного мнения, часть рисовала мрачное технологическое будущее, описывая технологические антиутопии и отражая, соответственно, страхи и негативные переживания.

Обособленным, наиболее животрепещущим вопросом всегда поднимался вопрос внедрения новых технологий не просто в жизнь человека, но в его тело. Цифровые технологии — одна из наиболее обсуждаемых тем. Интернет вещей, искусственный интеллект, Большие данные, кибербезопасность, облачные технологии, виртуальная и дополненная реальность, квантовые технологии — всё это так или иначе было отражено в литературе и активно обсуждается в обществе и поныне. Интересно то, что проблема тотального общественного упадка на фоне развитых цифровых технологий остаётся неизменной на протяжении всей истории их внедрения. Киберпанк как жанр используется и в литературе, и в изобразительном искусстве, и в кинематографе. Достижение же технологической сингулярности не только рассматривается в рамках искусства, но и занимает место в научных обсуждениях.

Футуристические образы не только отражают отношение общества к происходящим событиям, но и практически влияют на исследования и разработки технологий, в частности, формируя магистральные направления инвестиционного дискурса. Однако, помимо технической стороны процесса, демонстрация возможностей систем искусственного интеллекта в таких фильмах, как «Матрица» и «Ex Machina», в огромной степени также стимулировала дискуссии об этике, сознании и будущем взаимодействия человека с такими системами.

Предвидение того, какими возможностями станет обладать искусственный интеллект и в целом цифровые технологии, служит катализатором инноваций. Разработчики и исследователи часто вдохновляются задачами и сценариями, представленными в фантастике, и это побуждает их превращать фантастические идеи в реальность. Концепция «умных» цифровых агентов, способных автономно взаимодействовать с человеком в режиме 24/7, которая когда-то считалась фантастической, теперь во многих аспектах стала технологической возможностью. Это свидетельствует об осязаемом влиянии футурологических концепций на разработку цифровых решений.

Проблема формирования образа будущего с новыми социальными практиками приводит к возникновению мифологизации будущего, которая, как всякое историческое явление, протекает независимо от желаний и воли человека. При восприятии событий в цифровом мире, как и в обычном, человек предпочитает стереотипное

восприятие объекта. Мифы отвечают этому стремлению своей способностью упрощённо, обобщённо и целостно описывать объект, что экономит интеллектуальные усилия обычного человека. Как и в случае с мифами, сюжеты научной фантастики выражают фундаментальные темы и архетипы человеческого существования. Фантастические существа и сюжеты, равно как и мифологические, есть способ символически подчеркнуть важные черты человека или мира, в котором он живёт.

Отметим, что в сфере высоких технологий образы будущего, которые создают произведения массовой культуры в коллективном сознании, являются не просто пассивным отражением, а активной движущей силой, определяющей во многом сам ход технологического развития. В этом смысле образы будущего как приемлемые / неприемлемые для современного общества инструменты осмысления возможностей имеют решающее значение. Именно они призваны определять доступные альтернативы развития и модели поведения для индивидуумов, общества и систем общественного управления. Сегодня российское общество стоит на пороге беспрецедентных цифровых преобразований, и понимание роли образов будущего приобретает решающее значение для определения направления технологической эволюции.

Футурологический дискурс играет важнейшую роль в формировании социальных приоритетов и ценностей общества. Будущее — это не просто временной пункт назначения, а концептуальное пространство, куда общество проецирует свои чаяния, страхи и ценности. Футурологический дискурс включает в себя изучение возможного, вероятного и предпочтительного будущего, в том числе мировоззрения и мифов, которые лежат в их основе. Этот дискурс играет важную роль в установлении социальных приоритетов и ценностей, поскольку обеспечивает нарратив, направляющий коллективное принятие решений и способствующий формированию государственной политики.

Таким образом, технологические прорывы тесно переплетены с ожиданиями общества относительно будущего. Образ цифрового будущего включает в себя ожидания, предположения и представления о развитии человека, общества и государства в условиях цифровизации различных общественных сфер жизни и отраслей промышленного производства. При этом представления и предположения о

цифровом будущем формируются не только под воздействием технико-технологических, но и социальных и культурных факторов. Совокупность этих факторов формирует сложную и зачастую противоречивую картину цифрового будущего. В свою очередь, образ цифрового будущего, в котором в перспективе будут существовать человек, государство и общество, во многом определяют поведенческие и ролевые модели субъектов социальных и общественно-политических отношений в настоящем времени. Именно на поведенческом уровне и изменяется реальная действительность. Образы и нарративы, проникающие в общественное сознание, служат как отражением, так и катализатором инноваций. Образы будущего, включая образы цифрового будущего, обладают потенциалом влияния на перспективный дизайн «цифровых» отношений, задавая уже сегодня рамки возможностей и альтернатив процесса цифровой трансформации. Таким образом, через влияние на сознание с помощью образов будущего изменяются модели поведения, а изменения в поведении приводят к изменениям в реальном мире. Данный тезис справедлив для ключевых сфер жизни современного человека, государства и общества, включая общественно-политическую сферу.

2. Актуальные образы цифрового будущего России в публичном пространстве коммуникаций (на основе данных веб-аналитики и семантического анализа)

Важнейшую роль в формировании ожиданий общества играют массовые и социальные медиа, которые являются мощным инструментом для создания и распространения образов будущего, поскольку через предоставление информации влияют на формирование общественного сознания. То, что предстаёт в качестве образа цифрового будущего, опирается на целый ряд его презентаций в пространстве публичных коммуникаций как совокупность массовых и социальных медиа, актуализирующих обсуждение общественно значимых проблем. Через такие формы контента, как новости, фильмы и литература, создаются нарративы, которые могут либо вдохновлять на инновации, либо порождать страх перед техническими новшествами и сопротивление их вхождению в жизнь. Потребность интеграции и консолидации российского социума на уровне общественного сознания актуализировало получение социологической информации об особенностях презентации образа будущего в массмедиа¹.

Цифровизация существенно повлияла на традиционные массмедиа, изменив производство, распространение и потребление информации². Развитие цифровых технологий произвело революцию в медиапространстве, заставив традиционные массмедиа пересмотреть свои операционные модели. Переход от аналоговых технологий к цифровым изменил не только способ доставки контента, но и его потребление и монетизацию. Традиционные массмедиа, которые когда-то были «владельцами» информации, теперь оказались в конкуренции с социальными медиа по доступу к глобальной аудитории. Они могут использовать несколько стратегий, чтобы адаптироваться

¹ Великая Н.М., Зайцева А.А., Ирсетская Е.А. Репрезентация образа будущего России в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т.11, № 4. С. 8–29.

Анненкова А.В., Таныгина Е.А. Образ России в современных СМИ (на примере материалов русскоязычных новостных онлайн-агрегаторов) // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 9(98). С. 26–31.

² Володенков С.В. Одномерное общество 3.0: от Г. Маркузе к цифровому миру XXI века // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 49–56.

к цифровой эпохе. К ним относятся: 1) организация взаимодействия с аудиторией через социальные сети, 2) повышение цифровой грамотности журналистов, 3) создание конвергентных редакций, 4) внедрение мультимедийных историй¹. Кроме того, традиционные массмедиа могут использовать свой авторитет и опыт, чтобы выделиться на фоне множества источников информации в сети Интернет. Будущее традиционных массмедиа в цифровую эпоху будет зависеть от их способности развиваться и внедрять инновации в ответ на меняющийся медиаландшафт.

Далее рассмотрим роль массовых и социальных медиа в этих процессах. Их деятельность способствует формированию объяснительных моделей реальности, связанных как с позитивно значимой ролью цифровых преобразований в жизни людей, так и с негативным дискурсом цифрового развития. Массмедиа играют значительную роль в определении повестки технологического развития, влияют на общественное мнение и во многом формируют политические решения, определяющие распределение ресурсов на конкретные направления исследований.

Именно анализ информации, циркулирующей в медиaprостранстве, позволяет выявить образы будущего, которые акторы социальных медиа транслируют в настоящем: *«Образы будущего, находящиеся в сфере нашего внимания, располагаются преимущественно в публичном пространстве, поэтому их анализ через корпус самых разнообразных текстов, представляется достаточно эффективным»*². Медиа организует пространство, в котором транслируются в качестве смысловых конструкций определённые медиаобразы, которые создаются и узнаются его субъектами. Медиaprостранство выполняет *«функции референции (создания образцов, легитимизирующих социальные практики и нормирующих отношения к ним) и репрезентации (производство и оформление способов мышления, существующих в обществе в разных социальных группах)»*³. Таким образом, именно медиа (массмедиа в совокупности с социальными

¹ Молчанова О.И. Социальное управление процессами конвергенции в современной медиасфере. СПб: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-т, 2019. 241 с.

² Желтикова И.В. Образ будущего: монография. Орёл: Изд-во «Картуш», 2021. С. 56.

³ Зубанова Л.Б. Современное медиaprостранство: подходы к пониманию и принципы интерпретации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2008. Т. 2, № 14. С. 7.

медиа) отражают и формируют общественное мнение о последствиях цифровой трансформации и тем самым формируют представления о будущем цифрового общества.

Медиапространство существует лишь благодаря восприятию медиасообщений получателями информации, что возможно только при проявлении активности акторов этого пространства¹. Отметим, что медиапространство является ключевым элементом пространства публичных коммуникаций, в котором происходит актуализация общественно значимых проблем и их обсуждение².

В то же время образ будущего, транслируемый с помощью медиа, во многом не отражает реальности. С одной стороны, показан идеализированный мир, лишённый болезней, неравенства и других недостатков реального современного мира. С другой стороны, в реальном мире происходит знакомство с другого рода технологиями, которые никак не приближают обещанное «светлое» будущее. Кажется, что технологические компании стараются улучшать старые продукты, добавляя к ним новые кнопки или убирая эти кнопки. В целом научно-технический прогресс замедлился, хотя развитие искусственного интеллекта позволяет смотреть на это замедление более оптимистично. Современный человек достаточно часто сталкивается с чувством фрустрации после просмотра материалов в Интернете о развитии технологий, так как в реальности он видит несовершенство многих сфер жизни. Например, очереди в учреждения получения социальных услуг, отсутствие электричества или горячего водоснабжения некоторое время. Конфликт между цифровым образом и «суровой» реальностью не даёт в полной мере открыться и довериться инновациям, поскольку первичные потребности не всегда удовлетворены полностью.

Роль медиа (как массовых, так и социальных) в формировании картины мира современного человека невозможно переоценить. Медиаобраз будущего играет важную роль в формировании представлений о будущем и может оказывать значительное влияние на восприятие мира и действия. Можно указать на размышления

¹ Шарков Ф.И., Силкин В.В. Генезис социологии медиапространства // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 3. С. 262.

² Зотов В.В., Кривоухов А.А., Васильева И.Н. Социально-сетевое взаимодействие в сети Интернет: к определению феномена медиа // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 4. С. 13–22.

нескольких исследователей, в которых даётся разъяснение феномена медиаобраза. Так, Е.Г. Малышева и Н.А. Гриднев придерживаются мнения, что *«медиаобраз — это представленный в медиатекстах фрагмент информационной или медийной картины мира; постоянно развивающаяся виртуальная модель реального объекта/явления, построенная (сформированная) СМИ, которая отражает, реконструирует или формирует знания и восприятие реципиента»*¹. М.Ю. Вербицкий убеждён, что понятие «медиаобраз» было введено в науку для того, чтобы определить новый феномен — совокупность представлений об объекте действительности, которые появляются на основе анализа не реальности, а медийной среды². В приведённых дефинициях медиаобраз определяется как преломление объективно существующей реальности в медиа. Но образ будущего — это и возможные миры, то есть это и представление того, каким реальный мир может или должен стать или не стать. Л.В. Хочунская полагает, что медиаобраз *«даёт возможность личности в информационном обществе ощущать адекватную его представлениям и ценностям картину мира, позволяющую определять смысл жизни и конструировать эффективный жизненный сценарий»*³.

Изучение медийного дискурса, в котором находят отражение ключевые понятия цифрового общества, позволяет описать образ цифрового будущего, конструируемый субъектами медийного пространства, для последующего понимания его репрезентации в общественном сознании. Существенное значение в этом смысле имеет текстовая презентация тех или иных феноменов цифрового общества, так как значительную долю сведений о них человек извлекает из медиапространства. Текстовые средства конструирования образа цифрового будущего страны становятся предметом исследований. О важности исследований медиатекста

¹Малышева Е.Г., Гриднев Н.А. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) // Научный диалог. 2016. Т. 22, № 60. С. 136.

²Вербицкий М.Ю. Технология конструирования образа мегаполиса в сетевых изданиях (на примере Интернет-ресурсов Екатеринбурга) // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 1. С. 40.

³Хочунская Л.В. Медиаобраз как диалог ценностей. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2011. С. 93.

в междисциплинарном аспекте пишут, например, Т.И. Попова¹, О.И. Таюпова². Методология исследования лежит в плоскости Digital Humanities (цифровых гуманитарных наук), развитию которых авторы уделяют в последнее время большое внимание³.

С теоретической точки зрения анализ медиатекста должен строиться на системе параметров, способных позволить исследователю установить определённые смысловые коннотации. Поэтому большое значение для проведения качественного социолингвистического анализа имеет использование современных технологий для извлечения знания из текстовых сообщений, например — автоматической обработки потоков текстовой информации, а именно интеллектуальный анализ текстов (Text Mining), рассмотренный в соответствующей литературе⁴, и другие технологии⁵.

Ключевой составляющей изучения медийного дискурса выступает необходимость выделения границ исследуемого медиaproстранства. Информационно-телекоммуникационные технологии позволили сделать практически любую информацию максимально доступной для большинства интернет-пользователей. По данным экспертного портала Сайтефи (Sitefy) на конец (декабрь) 2023 года в мире насчитывалось около 1,10 миллиарда веб-сайтов, которые обычно состоят из одной или нескольких веб-страниц. Из этого количества веб-сайтов активны только 18 %, в то время как 82 % фактически являются «мусорными»⁶. Другими словами, общее количество активных сайтов почти в 5 раз меньше общего количества неактивных сайтов.

¹ Попова Т.И. Актуальные направления исследования медийного интернет-пространства // Медиалингвистика. 2018. Т. 25, № 3. С. 258–272.

² Таюпова О.И. Медиатекст с позиции междисциплинарного подхода // Доклады Башкирского университета. 2018. Т. 3. С. 100–104.

³ Консон Г.Р. Искусствоведение в контексте других наук: вызовы современности / беседовала Е.В. Никонорова // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 4. С. 418–433.

⁴ Мусаев А.А., Григорьев Д.А. Обзор современных технологий извлечения знаний из текстовых сообщений // Компьютерные исследования и моделирование. 2021. Т. 13, № 6. С. 1291–1315.

⁵ Kharlamov A.A., Pilgun M. Analysis of the Situation Connotation on the Example of Assessing the Reaction of Society: Social Media Data // International Journal of Future Generation Communication and Networking. 2020. Vol. 13, № 3. P. 37–44.

⁶ How Many Websites Are There in the World? (Опубликовано 01.01.2024) // Sitefy — URL <https://sitefy.com/how-many-websites-are-there/> (Дата обращения 12.02.2024).

Часть сайтов сети Интернет с основным контентом на русском языке принято называть Рунет. Это название части сети Интернет составлено из доменного имени .ru и постфикса net (рус. сеть). Оно вошло в употребление спонтанно в конце 1990-х годов. По состоянию на август 2021 года в доменной зоне России (.ru) насчитывалось 1 262 614 веб-сайтов. Термин «Рунет» быстро приобрёл популярность и стал широко использоваться для описания русскоязычного сегмента сети Интернет. Но интернет-ресурсы могут располагаться на любых доменах (например, «ВКонтакте» использует домен vk.com). Согласно исследованиям, проведённым компанией W3Techs, на 1 марта 2023 года 5,1 % самых популярных интернет-сайтов в мире используют русский язык; правда, на 1 февраля 2024 года таковых стало 4,3 %¹.

На наш взгляд, даже активного количества веб-ресурсов достаточно, чтобы практически любой пользователь сети Интернет смог не только найти необходимые сведения, но и сформировать вокруг себя пул информационных ресурсов, в наибольшей степени отвечающих его интересам. Подобная «информационная капсула» является личным медиaprостранством, формирующим для каждого конкретного пользователя повседневную информационную картину.

В широком смысле медиaprостранство представляет собой совокупность источников информации, каналов коммуникации и способов взаимодействия пользователей с ними. В силу интерактивности медиaprостранства его пользователей можно условно подразделить на агентов влияния и аудиторию. Интернет-технологии вместо традиционной модели, где информацию предоставляют официальные источники, вводят модель коммуникации, в которой аудитория получает её от агентов влияния, статус которых может получить, помимо средств массовой информации, также каждая медиAPERсона: поп-звезды, блогеры, политики. Это приводит к децентрализации и появлению разнообразных точек зрения. В рамках данного исследования агенты влияния интересуют именно как категория акторов медиaprостранства, которые отвечают за содержательную

¹ Historical trends in the usage statistics of content languages for websites (Опубликовано 01.03.2024) // W3Techs — World Wide Web Technology Surveys — URL https://w3techs.com/technologies/history_overview/content_language (Дата обращения 13.01.2024).

составляющую публичного пространства коммуникаций. Ключевые характеристики, которыми должен обладать подобный актер медиапространства: способность оказывать влияние на целевую аудиторию (авторитетность); наличие собственной целевой аудитории; наличие собственных ресурсов и инструментов тиражирования материалов. Перечисленные характеристики обобщены, однако их достаточно для полноценного разграничения изучаемых платформ.

К числу основных агентов влияния, на наш взгляд, необходимо отнести: медийные издательства и иных инфлюенсеров, блогеров и экспертов, имеющих свои аккаунты, сайты или каналы не просто в медиапространстве, а в пространстве публичных коммуникаций, то есть в том пространстве, где обсуждаются решения общественно значимых проблем. По уровню охвата аудитории многие из таких профилей сопоставимы с массмедиа. При этом, как правило, большинство из них нацелены на раскрытие конкретной тематики, а тематические лидеры общественного мнения в большинстве своём претендуют на статус эксперта в освещаемых ими вопросах¹.

Применительно к рассматриваемой теме цифрового будущего необходимо также упомянуть авторов и держателей информационных ресурсов, которые тематически связаны с IT-сферой и разработками цифровых технологий, сервисов и устройств. В этом случае деятельность агентов влияния медиапространства направлена на наполнение пространства публичных коммуникаций контентом о возможностях и опасностях использования цифровых технологий, устройств и сервисов.

Помимо этого, важно отметить, что все информационные ресурсы, наполняющие медиапространство, крайне неоднородны и градируются по широкому комплексу показателей и критериев. В частности, они различаются по количеству уникальных посетителей, уровню цитируемости, количеству активных акторов. Но сочетание информационных поводов, освещаемых ежедневно каждым отдельным информационным ресурсом, объективно отражает общую информационную реальность. В свою очередь, это применимо и к вопросу объективного отражения в медиа образа цифрового будущего.

¹ Губанов А.В., Зотов В.В. Отражение актуальных общественно значимых проблем региона в информационной повестке социальных медиа // Социальная коммуникация в современном российском обществе: Сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. М.: РОС, 2023. С. 107.

При этом подчеркнём, что самый посещаемый информационный ресурс вполне может не являться самым эффективным и результативным с точки зрения информационного воздействия на аудиторию, а крупное федеральное СМИ чаще всего будет проигрывать рядовому городскому изданию в уровне вовлечённости жителей конкретного населённого пункта.

Согласно оценкам исследовательской компании Медиаскоп, по итогам декабря 2023 года в рейтинге самых посещаемых интернет-площадок России, которые могут рассматриваться в качестве медийных, лидировал «Яндекс» (месячный охват аудитории 82 %, или 99806.6 тыс. человек), в топ-10 также вошли: Google (81,3 %), YouTube (78,3 %), Whatsapp (принадлежит компании Meta — признана экстремистской и запрещена в РФ; 78,2 %), «ВКонтакте» (73,5 %), Telegram (68,0 %), «Дзен» (67,3 %), Mail.ru (62,6 %)¹. Каждый из этих ресурсов — настоящий информационный гигант в отечественном медиапространстве, при этом сайты «Яндекса» и Google фактически выполняют роль «сетевых проводников» и крайне редко (например, в сравнении с массмедиа) оказывают прямое информационное давление на пользователей. В свою очередь соцсети и мессенджеры, несмотря на то что фактически являются формой общения интернет-пользователей, могут эффективно использоваться для тиражирования целевых сведений, оперативно и эффективно продвигая конкретный информационный повод.

Ключевой акцент при проведении исследования будет сделан на ресурсах, индексируемых «Медиалогией». Выбор именно этой системы аналитики массмедиа и социальных сетей обоснован её высоким авторитетом в медиапространстве, широкой аналитической базой (более 86 000 открытых источников массмедиа и 2,5 млрд аккаунтов социальных сетей), а также гибкостью критериев при построении рейтингов. В частности, экспертами «Медиалогии» сформирован рейтинг самых цитируемых массмедиа по итогам 2023 года, на который делался упор в рамках мониторинга и анализа данных при проведении исследования².

¹ Данные по аудитории СМИ: Рейтинги (Опубликовано 31.12.2023) // Медиаскоп — URL <https://mediascope.su/data/> (Дата обращения 13.01.2024).

² Медиалогия: ТОП-20 самых цитируемых СМИ отраслей IT и Telecom — 2023 год (Опубликовано 02.02.2024) — URL <https://www.mlg.ru/ratings/media/sectoral/12796/> (Дата обращения 13.01.2024).

Целью проводимого исследования стало определение информационных поводов, влияющих на процесс презентации образа цифрового будущего в медиaprостранстве, с последующим определением их асоциальной / просоциальной коннотации.

Общим вопросом для всех методов интеллектуального анализа текстов является выбор типа словоформ и их производных, используемых для распознавания контента медиатекстов и его коннотации. Словоформы, которые используются для описания цифрового общества, на наш взгляд, целесообразно называть маркерами цифрового общества. В общем случае маркер относится к слову или словосочетанию, которые присутствуют в публикуемом медиатексте и позволяют его отнести к определённой проблематике. В отличие от тега (как сознательно проставляемой метки, которая классифицирует данные, чтобы облегчить интернет-пользователям процесс поиска), маркер вносится в медийный текст в силу своей принадлежности к определённому дискурсу. Их совокупность служит подсказкой при отнесении медиатекста к определённой проблематике.

Применительно к тематике цифрового общества в дискурс, характеризующих цифровое общество, можно включить термины: «3D-печать», «большие данные» (Big Data), «виртуальный помощник», «робототехника», «умный город», «умный дом», «цифровая экосистема», «цифровая платформа», «искусственный интеллект». Этот отбор маркеров обусловлен, во-первых, тем, что восприятие будущего, его образ ассоциируются со сквозными цифровыми технологиями, лежащими в основе цифровой трансформации (как основополагающего направления развития страны до 2030 года, которая была официально подтверждена Указом Президента Российской Федерации № 474 от 21 июля 2020 года), а во-вторых, именно данные сквозные технологии в наибольшей мере преобразуют повседневную жизнедеятельность человека (в отличие от таких более «промышленно ориентированных» технологий, как блокчейн, промышленный Интернет или сенсорика). Возможно, данный перечень не является полным, но его расширение приведёт к увеличению нагрузки на респондента, что выльется в увеличение числа отказов от ответа.

Ресурсная составляющая информационного поля многообразна и многогранна. Развитие цифровых технологий и способов

передачи данных приводит к постоянному изменению структуры медиапотребления и, как следствие, необратимым эволюционным процессам непосредственно внутри самого медиaprостранства. В свою очередь, медиа-платформы либо совершенствуют собственный функционал, отвечая на актуальные запросы пользователей, либо игнорируют их, постепенно входя в стагнацию и теряя аудиторию. Вопрос восприятия цифрового общества в целом зависит от представленности и востребованности отдельных его элементов в массмедиа и социальных медиа. Анализируя специфику медиапотребления, а также отдельные инфраструктурные элементы, можно достоверно определить, с какими тематическими информационными поводами пользователи связывают цифровое будущее.

Проанализировав информационные запросы посредством системы мониторинга и анализа «Медиалогия», было установлено, что ключевыми запросами пользователей, применительно к тематике цифровой реальности, выступают: 3D-печать (также сопутствующие запросы), большие данные (Big Data), виртуальный помощник, робототехника, умный город, умный дом, цифровая экосистема, цифровая платформа, искусственный интеллект. Аналитический срез был сделан за фиксированный временной период продолжительностью 3 месяца по всей базе ресурсов, индексируемых аналитической системой «Медиалогия» (более 86 000 открытых источников массмедиа и 2,5 млрд аккаунтов социальных медиа), с локализацией пользователей из города Москвы и Курской области.

Применительно к общему количеству пользовательских запросов наиболее часто в информационном поле встречаются понятия: «искусственный интеллект» — 198,6 тыс. тематических публикаций, «цифровая платформа» — 35,2 тыс., «робототехника» — 32,5 тыс., «умный дом» — 18,6 тыс. публикаций. Примечательно, что запросы «виртуальный помощник» и «цифровая экосистема» с минимальным разрывом между собой заняли предпоследнее и последнее места. Однозначное лидерство запросов из топ-4 обосновывается универсальностью и широким спектром употребления данных технологий и сервисов. Детализированное распределение представлено на рисунке 1.

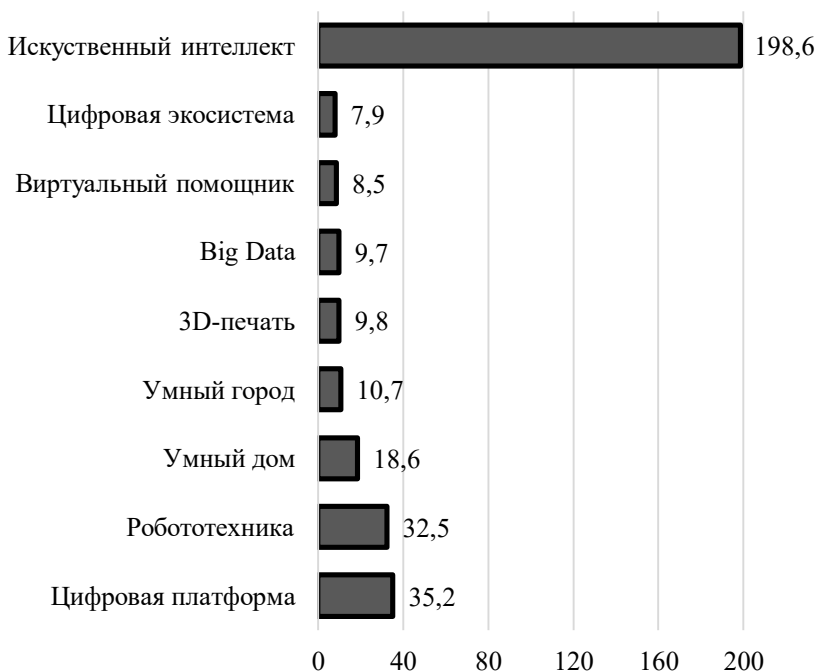

Рисунок 1. Распределение общего количества упоминаний тематических запросов в информационном поле, в тыс.

В частности, системы, основанные на алгоритмах искусственного интеллекта, в последнее время получили максимально активное, всестороннее внедрение и используются практически повсеместно. Цифровая платформа в обобщённом виде — одно из базисных инфраструктурных понятий в сфере информационных технологий и часто применяется в массовых и социальных медиа. Также необходимо отметить, что запрос «умный дом» достаточно широко используется в маркетинговых кампаниях и публикациях, направленных на продвижение коммерческих продуктов.

Большой интерес представляет разбор структуры упоминаний в разрезе источников. Наибольшее количество тематических публикаций было зарегистрировано в массмедиа — 203,8 тыс. статей, а также соцсетях — 100,8 тыс. Остальные ресурсы получили значительно меньшее распространение: блоги — 3,6 тыс. публикаций, мессенджеры — 3,5 тыс., системы-агрегаторы — 3,3 тыс., форумы

— 2,9 тыс., сайты отзывов — 0,8 тыс. Несмотря на то, что социальные медиа в настоящее время имеют большие охваты и вовлечённость аудитории по сравнению с традиционными СМИ, последние обладают большим уровнем экспертности, что на практике выражается, в том числе, в освещении сложных тем в области технико-технологических инноваций. Именно этим можно объяснить столь значительное преобладание в качестве источников тиражирования материалов об информационном пространстве именно средств массовой информации. При этом значительное отставание от лидеров мессенджеров объясняется мониторинговыми особенностями работы системы «Медialogия», которая считывает данные публичных ресурсов (каналов), но не затрагивает обычные чаты пользователей.

Помимо количественных показателей, в исследовании были затронуты качественные характеристики. Особое внимание было обращено на тональность публикаций, для чего был использован метод контент-анализа, позволяющий выявить эмоциональную окраску целевого текста. Отметим, что «Медialogия» распознает определённые слова-маркеры, позволяющие более точно корректировать тональность, однако большинство публикуемых материалов по техническим причинам распознаются как нейтральные.

Абсолютным лидером по позитивной тональности материала стал запрос «цифровая экосистема» — 38 % публикаций. Среди ключевых также «умный город» — 36 %, «робототехника» — 24 %. Подобное положение дел можно связать с тем, что данные технологии преимущественно ориентированы на создание комфортных условий для жизни. Также в обзорных материалах в отношении них наиболее часто использовались оценочные маркеры.

Негативные маркеры применялись в отношении всех исследуемых запросов, но наиболее часто, особенно по сравнению с остальными, в отношении цифровых платформ — 14 %. Далее следуют «умный дом», «Big Data» и «виртуальный помощник» — 2 %. Разрыв более чем существенен и требует проведения анализа. На наш взгляд, на формирование подобной ситуации ключевое влияние оказывают основные сферы применения всех указанных технологий. В частности, одним из главных направлений применения цифровых платформ выступает экономическая отрасль, в отношении которой за исследуемый период негативные маркеры применялись практически повсеместно. Сформировать пул отрицательных публикаций

могли и пользователи социальных сетей, публикующие, например, жалобы на сбои в работе банковских приложений.

Даже по уже приведённым данным становится очевидно преобладание позитивных материалов над негативными, общее же соотношение сформировалось следующим образом: позитивные упоминания — 21 %, негативные — 2 %. Повторим, что образовавшийся значительный перепад между негативной и позитивной коннотацией можно обосновать преобладанием упоминаний экспертного характера, а также тем, что в большей части информационных поводов, в которых обсуждаются технологии, речь идёт о создании комфортных и безопасных условий для жизнедеятельности человека.

Отметим, что мониторинговая система «Медиалогия» позволяет выделить количество упоминаний в авторитетных ресурсах, имеющих большой СМ Индекс. Значение Индекса зависит от аудитории автора или сообщества, которые опубликовали сообщение, от аудитории их репостеров и от значения вовлечённости сообщения. Оценка учитывает тип сообщения, а также тип площадки.

Прогнозируемым лидером по данному параметру стал запрос «искусственный интеллект» — 7,8 тыс. упоминаний, в топ-5 также вошли: «цифровая платформа» — 2,0 тыс., «умный город» — 1,5 тыс., «цифровая экосистема» — 0,8 и Big Data — 0,7 тыс. Оставшиеся запросы суммарно получили менее полутысячи упоминаний в авторитетных ресурсах.

Как уже отмечалось ранее, в общей структуре распределения источников тематических материалов на второй строчке расположились социальные сети (более 100 тыс. публикаций). В отличие от массмедиа и других информационных ресурсов, в отношении социальных медиа можно провести более глубокий анализ медиасообщений и оценить ключевые показатели реакции пользователей на тематические публикации.

Далее будут подробно рассмотрены следующие характеристики:

– охват аудитории — количество уникальных просмотров тематических публикаций пользователями социальных сетей;

– SI (социореакции пользователей) — суммарное отражение пользовательских реакций на тиражируемый контент / сумма всех лайков, репостов, комментариев;

– ER — уровень вовлечённости пользователей в тиражируемый контент, измеряется в процентах.

Наибольший охват среди пользователей социальных медиа получили публикации, в которых рассказывалось о темах, связанных с искусственным интеллектом, — 68 585,6 тыс. показов. Вторым стал запрос «умный дом» — 9 985,9 тыс., третий — «робототехника» — 9 546,7 тыс. Более подробно распределение тематических запросов представлено на рисунке 2.

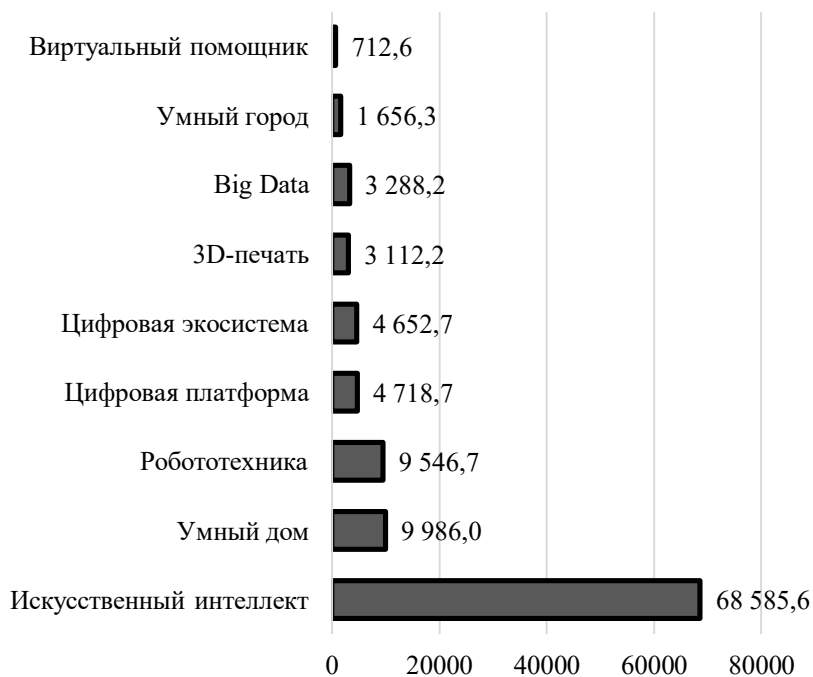

Рисунок 2. Распределение тематических запросов по уровню охвата аудитории, тыс. просмотров

Уровень охвата публикаций, как правило, «тянет за собой» уровень социальных реакций пользователей. В действительности, в зависимости от типа социореакции пользователей, большое их количество означает, что целевой материал не оставил читателей данного информационного ресурса равнодушными и они либо выразили одобрение, кликнув «лайк», либо отразили собственную позицию в комментариях или даже рассказали о нём своим друзьям посредством репоста. Прогнозируемым лидером по социальным реакциям

вновь стал запрос «искусственный интеллект» — 1 042,0 тыс. реакций, «умный дом» — второй с количеством реакций 155,8 тыс., третий — «робототехника», 147,6 тыс. Подробное распределение представлено на рисунке 3.

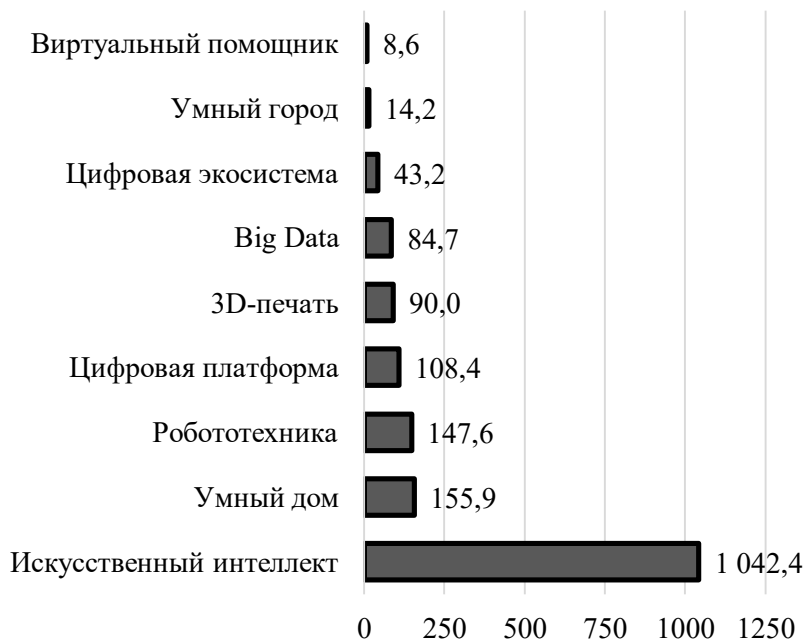

Рисунок 3. Распределение SI запросов по уровню охвата аудитории, тыс. реакций

Показатель ER (вовлечённость), относительно двух предыдущих параметров, имеет более качественный характер и, на наш взгляд, более приоритетное значение. Фактически он обозначает внутренний рейтинг материала среди пользователей социальных медиа, то, насколько пользователи были вовлечены в тематическую публикацию и какой в итоге проявили к нему интерес. Вовлечённость измеряется в процентах и вычисляется по простой формуле: суммарное количество социореакций (SI) необходимо разделить на общий охват, а полученный результат умножить на 100.

Наибольший интерес пользователи проявляют к материалам, в которых затрагивались темы 3D-печати (2,9 %), Big Data (2,6 %) и

цифровых платформ (2,3 %). Отметим, что общепринятым показателем высокого интереса является уровень не менее 0,8 %. В исследуемом кейсе к минимальной планке приблизились только два запроса: «умный город» — 0,85 % и «цифровая экосистема» — 0,9 %. Подробное распределение представлено на рисунке 4.

Рисунок 4. Распределение уровня ER тематических материалов, в %

Средства массовой информации, социальные сети, блоги, мессенджеры и другие информационные ресурсы — своеобразное зеркало медиапотребления общества. Со своей стороны, актуальная информационная картина способна с определённой условностью объективно отражать сложившуюся реальность и формировать прогнозы развития общественных отношений.

Согласно проведённому анализу, можно утверждать, что жители страны связывают технико-технологический прогресс с комплексным развитием цифровых технологий. В первую очередь — с интеллектуальными системами. Развитие искусственного интеллекта сейчас действительно имеет прорывной характер, об этом

может свидетельствовать появление большого количества нейросетей, используемых не только в научной сфере, но и для решения бытовых задач. Более того, машинные алгоритмы научились творить и генерировать уникальные визуальные материалы. При этом многие эксперты сходятся во мнении, что сейчас просматриваются только примерные контуры всех возможностей интеллектуальных систем. Человечество только вступает на порог эпохи искусственного интеллекта.

А вот будущим, которое можно «потрогать» уже сейчас, является 3D-печать и робототехника. Развитие технологий в данных сферах не только становится предметом пристального внимания медиаресурсов, как тематических, так и обычных, но и влечёт за собой высокий уровень вовлечённости аудитории.

Дальнейший анализ, сопутствующий контент-анализ и привлечение экспертов позволят сделать выводы более обстоятельными, детальными и конкретными, а также скорректировать формирующуюся картину цифрового будущего.

Медиасообщения, содержащие маркеры цифрового общества, были выгружены и составили базу для анализа возникающих социальных дилемм, понимаемых как проблемные ситуации, с двумя противоположными, исключаящими друг друга сценариями развития (асоциальным/просоциальным), наступление каждого из которых возможно с определённой вероятностью. Дилемма цифрового общества предлагается считать просоциальной, если она нацелена на решение общественно значимых проблем в пользу человека и общества. В противном случае её следует отнести к асоциальной, поскольку оно характеризует цифровое будущее как враждебное по отношению к человеку и его социальному окружению.

На основе анализа наиболее обсуждаемых проблем, связанных с цифровым обществом, определялись ключевые дилеммы, которые были сформулированы по возможности в нейтральном ключе. Для каждой социальной дилеммы был предложен маркер идентификации ситуации, который используется совместно с маркером цифрового общества для её описания (в совокупности они были названы маркерами социальной дилеммы). Для идентификации социальной

дилеммы цифрового общества и определения её просоциальной / асоциальной презентации в текстах медиапространства была разработана система маркеров цифрового общества и маркеров идентификации ситуации, которая представлена в таблице 1.

Таблица 1 — Маркеры для идентификации социальной дилеммы цифрового общества и определения её просоциальной / асоциальной презентации в медиатекстах

Дилемма	Маркеры дилеммы		Характеристика дилеммы	
	Маркеры цифрового общества	Маркеры идентификации ситуации	Просоциальная	Асоциальная
1	2	3	4	5
Использование систем с искусственным интеллектом людьми, занятых творческими профессиями	искусственный интеллект	искусство, производство	самовыражение	разрушение
Рост конкуренции между людьми, владеющими и не владеющими цифровыми технологиями	цифровые технологии	конкуренция, состязание	доход	неравенство
Свободное время вследствие внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта	робототехника; искусственный интеллект	свободное время, досуг	саморазвитие	скука
Изменение способности человека к мыслительной деятельности за счёт выполнения соответствующих работ системами искусственного интеллекта	искусственный интеллект	интеллект, мышление	творчество	глупость
Появление рабочих мест, требующих высокого уровня цифровой компетентности	робототехника, искусственный интеллект	компетентность, квалификация	умения, навыки, знание	невежество
Контроль со стороны государства над человеком при помощи цифровых устройств и сервисов	умный город, умный дом, искусственный интеллект	контроль, наблюдение	безопасность	угроза

Продолжение табл. 1.

1	2	3	4	5
Изменение рабочего времени из-за внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта	робототехника, искусственный интеллект	работа, труд	занятость	безработица
Допуск граждан к социальным благам на основе социального рейтинга	Интернет вещей, искусственный интеллект, умный город	законопослушность, ответственность	справедливость	произвол
Контроль за жизнью городов системами искусственного интеллекта	Интернет вещей, искусственный интеллект, умный город	город, наблюдение	безопасность	угроза
Выдача новостной информации на основе взглядов человека, его пристрастий	искусственный интеллект	новости, сеть Интернет	подспорье	пропаганда
Возможность органов власти блокировать доступ к сайтам в сети Интернет	искусственный интеллект	сеть Интернет, безопасность	независимость	блокировка

Для достижения целей анализа асоциальности / просоциальности медиатекстов разработан подход, позволивший усовершенствовать подсчёт тональности медиасообщений на основании токенов слов за счёт следующего логического приёма. В отличие от традиционных методов, которые полагаются на базовый анализ сентиментов или прямое соответствие ключевых слов, данный метод на основе маркеров и их синонимов параллельно идентифицирует ситуацию и определяет её просоциальный или асоциальный характер, что открывает возможности для более сложного, многоуровневого понимания текста. Это продвинутый способ понимания того, как различные маркеры в тексте связаны друг с другом и он помогает определить тональность текста в целом по отношению не к конкретному токену, а используется более широкий «ситуационный» смысл.

Например, анализ отношения автора к теме «свободного времени вследствие внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта» раскрывается через идентификацию

этой ситуации в пространстве публичных коммуникаций (на основе маркеров «робототехника» и «свободное время») и последующего определения тональности сообщения на основе соответствующих токенов асоциальности «скука» и просоциальности «саморазвитие» совместно со словами-синонимами.

Использование групп синонимов для каждого понятия добавляет дополнительный уровень глубины анализа. Учитываются не только прямые упоминания в контексте, но и вариативная связка синонимов, порождающая больший спектр смыслов, значений и предположений. Это даёт расширенную аналитику sentiments не только с точки зрения машинного анализа, но и с точки зрения исследования смыслов текстов.

Формальное описание метода:

T — текстовые данные;

M — набор синонимов маркера цифрового общества;

S — набор синонимов маркера идентификации ситуации;

P, N, O — переменные Positive(P), Negative(N).

$$\forall t \in T, (\exists m \in M, \exists s \in S, \exists sp \in SP, \exists sn \in SN (\text{входит}(m, t) \wedge \text{входит}(s, t) \wedge \text{входит}(sp, t) \wedge \text{входит}(sn, t)) \rightarrow (\text{инкремент}(P) \wedge \text{инкремент}(N)))$$

Для $\forall t \in T$ всех текстовых данных $\exists m \in M$ существует по крайней мере один синоним маркера m в M , $\exists s \in S$ существует по крайней мере один синоним ситуации (маркера 2) s в S , также существует хотя бы один синоним для переменных тональности P, N — следовательно, возможно увеличить значение переменных P и N на 1.

Псевдокод:

Text = «Статья, пост или сообщение любой длины...»

marker = («маркер1», «маркер2», «маркер3»...)

situation = («маркер1», «маркер2», «маркер3»...)

positive = («keyword1», «keyword2», «keyword3»...)

negative = («keyword1», «keyword2», «keyword3»...)

def preprocess(data):

```
#функция очистки текста;
return text.
```

For text row in data:

```
preprocess(text);
IF ANY marker AND ANY situation IN text:
    positive += count_keywords;
negative += count_keywords.
```

Результатом исполнения такого кода является вывод в виде подсчёта вхождений M, S, P, N, что позволяет в дальнейшем проводить аналитику и строить выводы.

В итоге проведённого вычислительного эксперимента были получены результаты, представленные в таблице 2.

Таблица 2 — Количество социальных дилемм цифрового общества и определения их просоциального / асоциального характера презентации в медиатекстах

Дилемма	Количество социальных дилемм	Доля просоциальных	Доля асоциальных
Использование систем с искусственным интеллектом людьми, занятыми творческими профессиями	948	2 %	1 %
Рост конкуренции между людьми, владеющими и не владеющими цифровыми технологиями	137	18 %	8 %
Свободное время вследствие внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта	226	2 %	3 %
Изменение способности человека к мыслительной деятельности за счёт выполнения соответствующих работ системами искусственного интеллекта	16627	4 %	1 %
Появление рабочих мест, требующих высокого уровня цифровой компетентности	89	14 %	0 %
Контроль со стороны государства над человеком при помощи цифровых устройств и сервисов	5470	54 %	10 %

Продолжение табл. 2.

1	2	3	4
Изменение рабочего времени из-за внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта	28058	2 %	1 %
Допуск граждан к социальным благам на основе социального рейтинга	2	0 %	0 %
Контроль за жизнью городов системами искусственного интеллекта	15302	35 %	4 %
Выдача новостной информации на основе взглядов человека, его пристрастий	1605	0 %	1 %
Возможность органов власти блокировать доступ к сайтам в сети Интернет	151	5 %	3 %

Представленные результаты по идентификации социальной дилеммы цифрового общества демонстрируют, что в наибольшей мере в публичном пространстве коммуникаций представлены социальные дилеммы «изменение рабочего времени из-за внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта», «изменение способности человека к мыслительной деятельности за счёт выполнения соответствующих работ системами искусственного интеллекта», «контроль за жизнью городов системами искусственного интеллекта», «контроль со стороны государства над человеком при помощи цифровых устройств и сервисов». При этом, поскольку для социальных дилемм для просоциальной характеристики был выбран маркер «безопасность» со словами-синонимами, доля просоциальных вариантов разрешения данных дилемм в публичном пространстве достаточно высока — 35 % и 54 % соответственно.

Представленный в работе метод является разновидностью семантического анализа. Такой подход крайне полезен для анализа презентации медиатекста в пространстве публичных коммуникаций. Кроме того, предлагаемый метод универсален, он может применяться для разных языков и областей. Слабым местом данного алгоритма анализа тональности медиаматериалов на основе социальных дилемм является определение маркеров асоциальности / просоциальности и синонимов этих маркеров. Для этих целей необходима дополнительная работа с экспертами-лингвистами.

Таким образом, авторы исходят из предположения, что анализ информации, циркулирующей в пространстве публичных коммуникаций, позволяет выявить презентуемые образы будущего. В ходе работы были найдены маркеры цифрового общества, анализ представленности которых в медиапространстве позволил определить, что дискурс, связанный с искусственным интеллектом, даёт преобладающее количество информационных поводов, формирующих образ цифрового будущего.

При этом авторы связывают будущее цифрового общества с тем, как будут разрешаться определённые проблемные ситуации с двумя противоположными, исключаящими друг друга сценариями развития (асоциальным / просоциальным), наступление каждого из которых возможно с определённой вероятностью. Такие ситуации были названы социальными дилеммами, и для их обнаружения в медиапространстве были предложены маркеры идентификации ситуации, которые совместно с маркером цифрового общества используются для её описания (в совокупности они были названы маркерами социальной дилеммы).

Для определения асоциальности / просоциальности медиатекстов разработан подход на основе соответствующих маркеров и их синонимов, который параллельно идентифицирует ситуацию и определяет её просоциальный или асоциальный характер. Результаты вычислительного эксперимента по идентификации социальной дилеммы цифрового общества показывают, что в наибольшей мере в публичном пространстве коммуникаций представлены социальные дилеммы «изменение рабочего времени из-за внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта», «изменение способности человека к мыслительной деятельности за счёт выполнения соответствующих работ системами искусственного интеллекта», «контроль за жизнью городов системами искусственного интеллекта», «контроль со стороны государства над человеком при помощи цифровых устройств и сервисов». Анализ специфики презентации текстов в медиапространстве показывает, что тема искусственного интеллекта вызывает повышенный интерес. Оценка тональности медиатекстов о цифровом будущем и их восприятие населением показывают их нейтральность.

3. Доминирующий образ цифрового будущего России в общественном сознании (на основе результатов социологического опроса)

На протяжении всей своей жизни люди обладают определенными образами будущего: одни из них глубоко личные, а другие широко известны и популярны в обществе; одни образы функционируют на сознательном уровне, а другие влияют на решения, выбор и оценки на бессознательном уровне. Образы будущего — это ментальные конструкции, которые складываются из верований, ожиданий, мнений и предположений о том, каким станет будущее. Они создаются на основе поступающей извне информации и собственного воображения. Они зависят от восприятия настоящего, культурных традиций, личных предпочтений и потребностей. Они выражают надежды, страхи, ожидания, а поэтому влияют на принятие решений, поведение и действия. И как таковые образы будущего могут быть классифицированы и оценены¹. Это возможно сделать на основе исследования репрезентации образа цифрового будущего России в общественном сознании.

Исследование репрезентации образа цифрового будущего России в общественном сознании является важным. Можно заключить, что репрезентация в самом общем смысле есть отражение реальности, замещающее в сознании индивида воспринимаемую действительность. То есть, упрощая это определение, можно утверждать, что человеческий мозг использует для восприятия мира приём, похожий на моделирование, а именно, создаёт упрощённую «копию» (модель) окружающего мира, чтобы обеспечить себе возможность его изучения. При этом, как справедливо полагает М. Вартофский, репрезентация вовсе не стремится к адекватности и не «регрессирует» в направлении к «подлинному объекту»; она, скорее, «регрессирует» от него в направлении к канонам и образцам, обладающим большой степенью конвенциональности,

¹ Rubin A., Linturi H. Transition in the Making. The Images of the Future in Education and Decision-making // Futures. 2001. Vol. 33, № 3–4. P. 267–305.

соответствующей эволюции различных форм деятельности, практики¹. Этот термин учитывает продуктивность воображения, индивидуальный и коллективный опыт субъекта, а также тот факт, что отношение человека к миру имеет социокультурную обусловленность. Исследуя содержание репрезентаций, можно вполне корректно определить доминирующий образ цифрового будущего, который отражает наиболее распространённые взгляды и убеждения, принятые в обществе и формирующие социальные нормы поведения.

Вопрос развития цифровых технологий, устройств и сервисов часто сопровождается оценкой пользы и вреда для общества (см. рис. 5).

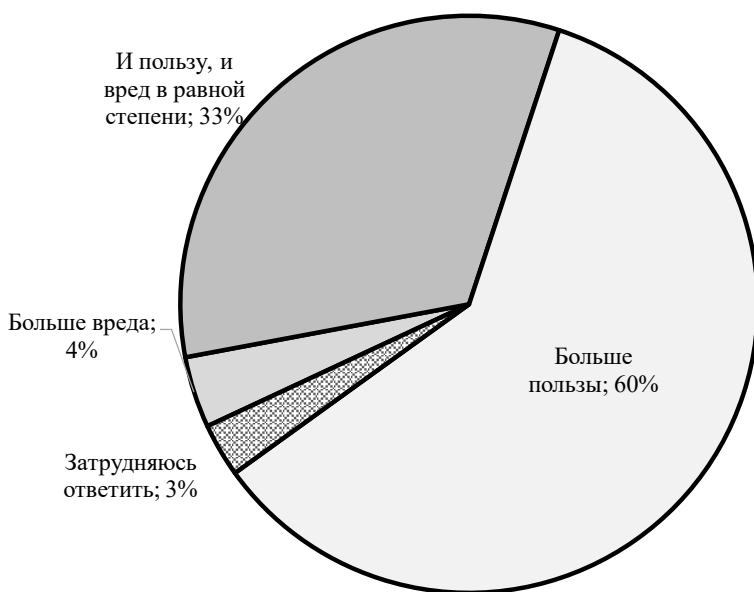

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вам кажется, развитие новых цифровых устройств, технологий, сервисов приносит российскому обществу больше пользы или больше вреда?», в %

¹ Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988. 508 с.

В основном это связано с тем, что прогрессивные технологии предполагают улучшение и замещение сложившихся процессов, в том числе на уровне определённых общественных отношений. Согласно результатам исследования, проведённого в рамках данного проекта, абсолютное большинство опрошенных граждан Российской Федерации (60 %) уверены, что технологический прогресс предполагает для общества больше пользы, чем вреда. 34 % опрошенных граждан придерживаются более компромиссного варианта, полагая, что он несёт и пользу, и вред в равной степени. Однозначно уверены, что прогресс вредит обществу, только 6 %, ещё 4 % респондентов затруднились с ответом

Результаты всероссийского телефонного опроса ВЦИОМ (N = 1600 опрошенных россиян в возрасте от 18 лет) показывают, что три четверти россиян (75 %) ожидают улучшения в ближайшее время, в том числе 40 % считают, что через 8-10 лет ситуация в стране значительно улучшится и Россия станет сильным и процветающим государством¹. Поэтому вполне коррелирующим с общим настроением населения выглядит ответ участников нашего исследования на вопрос о том, каким представляется будущее России через 15-20 лет, 42 % респондентов видят РФ развитой страной с большим технологическим потенциалом, наравне с другими развитыми странами. При этом в занятии лидирующих и опережающих позиций уверены 19 %. Менее оптимистичной точки зрения придерживаются 24 % участников исследования: они считают, что Россию ждут догоняющие позиции в сфере цифровых технологий. И только 6 % респондентов выбрали вариант «Россия окончательно отстанет от лидеров». Затруднились с выбором одного из предложенных в анкете ответов 10 % опрошенных.

Цифровизация — это окончательно сформировавшаяся тенденция современного общества. Большинство жителей страны ежедневно ощущают — как в профессиональной, так и в повседневной деятельности — влияние новых технологий, направленных на повышение скорости и точности обработки данных, их передачи на большие расстояния, совершенствование производственных процессов и

¹ Образ будущего: оценки россиян (Опубликовано 29.02.2024) // ВЦИОМ — URL <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossijan> (Дата обращения 01.03.2024).

просто на повышение комфортности жизни. Это позволяет им сформулировать мнение о необходимости цифровизации современного российского общества в контексте возникающих опасностей. Уровень согласия / несогласия опрошенных граждан с некоторыми утверждениями о необходимости цифровизации современного общества представлен на рисунке 6.

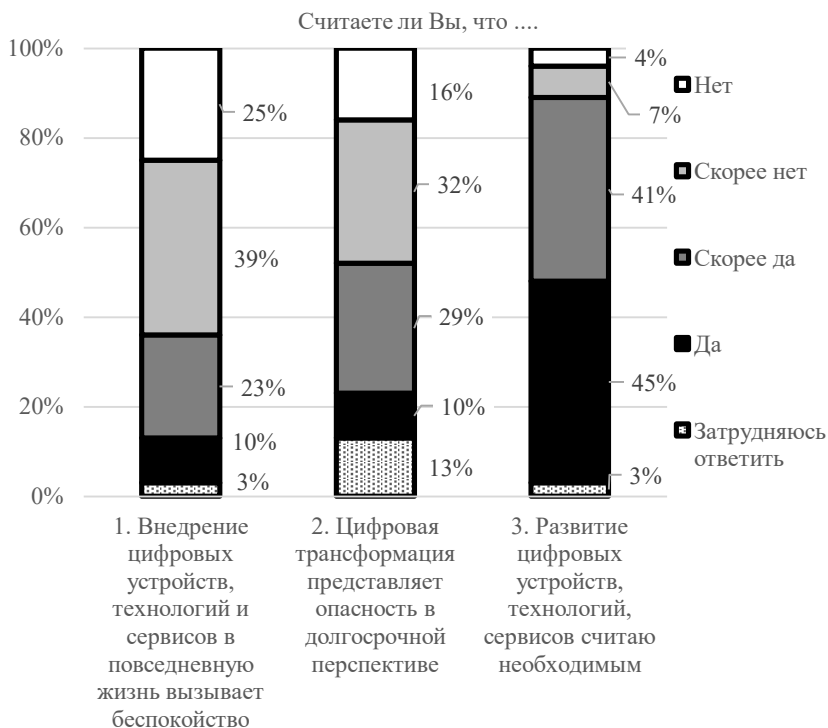

Рисунок 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Выразите степень согласия / несогласия со следующими утверждениями о необходимости цифровизации современного общества», в %

Прим.: Ответ было необходимо дать в каждой строчке.

Большинство участников исследования — 86 % — уверены, что развитие цифровых устройств, технологий и сервисов — необходимость. Исследование ВЦИОМ (N = 1600 опрошенных россиян в возрасте 18–55 лет) установило, что абсолютное большинство (94 %) считают важным развивать цифровые

технологии для человечества: 60 % выбрали вариант «однозначно важно», ещё 34 % — «скорее важно»¹. Следовательно, можно констатировать, что сам факт того, что цифровизацию нужно развивать, россиянами не оспаривается.

В этом же исследовании ВЦИОМ было установлено, что опрошенные россияне доверяют технологиям будущего (77 %), доля не доверяющих — 18 %. При этом с возрастом отношение к таким технологиям становится более осторожным (в группе 18–24 лет не доверяют технологиям будущего 12 %, 25–34 лет — 14 %, 35–44 лет — 20 %, 45–55 лет — 21 %). Проведённое авторами монографии исследование показывает, что опасность цифровой трансформации в долгосрочной перспективе видят 39 % респондентов, а у трети опрошенных внедрение цифровых устройств, технологий и сервисов в повседневную жизнь вызывает беспокойство. Вероятно, это связано с тем, что цифровые технологии развиваются настолько стремительно, что обыватель не успевает не только отреагировать на них, но иногда даже осознать их сущность и ту угрозу, которую они в себе заключают.

Отметим, что авторский социологический опрос также фиксирует, что возрастная когорта старше 60 лет более склонна испытывать беспокойство от внедрения цифровых технологий. Это связано с разными причинами. В целом, люди за 60 лет более консервативны и ригидны к изменениям. Появление новых технологий заставляет их выходить из привычного уклада жизни, что вызывает у них отторжение. Также у них может наблюдаться подозрительность и недоверие ко многим новшествам, в том числе к цифровым технологиям. Более молодые возрастные когорты беспокойства не выражают. Вероятно, эти группы людей уже достаточно адаптированы.

Также отметим, что население мегаполисов имеет большие возможности доступа к цифровым сервисам, поэтому у них и сформирована чуть бóльшая прослойка людей, положительно относящихся к развитию технологий. Крупные мегаполисы концентрируют в себе наиболее прогрессивное население и наиболее

¹ Технологии будущего: Россия остаётся страной технооптимистов, доверяющих технологиям будущего (Опубликовано 16.09.2023) // ВЦИОМ — URL <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (Дата обращения 01.03.2024).

развитые технологии. По сути, они есть центры цифровой трансформации.

Опрос ВЦИОМ (N = 1600 опрошенных россиян в возрасте 18–55 лет) показывает, что причины, по которым опрошенные граждане считают важным развивать технологии будущего, кроются в улучшении качества и уровня жизни, повышении комфорта во всех сферах, упрощения и облегчения привычной жизни и трудовой деятельности. На это указало 54 % респондентов при ответе на соответствующий открытый вопрос¹.

Мир современных технологий не стоит на месте, каждый день появляются новости об инновациях и разработках в разнообразных областях. И всё новые информационно-телекоммуникационные и цифровые технологии обещают переменить жизнь человека к лучшему уже в ближайшей перспективе. ВЦИОМ в ходе всероссийского телефонного опроса (N = 1600 опрошенных россиян в возрасте 18–55 лет) показывает, что тема новейших цифровых технологий знакома 76 % опрошенных (16 % хорошо знают об этом, 60 % что-то слышали)². В ходе нашего исследования были проанализированы представления респондентов о содержании базовых цифровых технологий, используемых в повседневной жизнедеятельности, и о том, как они функционируют (рис. 7). Исходя из полученных в результате исследования данных, можно констатировать, что более всего респондентам знаком функционал таких цифровых технологий, как социальная сеть и чат-бот (виртуальный помощник). Знакомство с социальными сетями объясняется тем, что они стали неотъемлемой частью жизни людей с начала этого века, позволив им общаться друг с другом независимо от расстояния, получать новости о событиях в мире, находить информацию по работе или учёбе, открыли доступ к миру видео и фотографии. А знание о чат-ботах может быть объяснено тем, что респондентам приходится с ними сталкиваться в различных сферах деятельности, начиная от банковских приложений и заканчивая порталом Госуслуг.

¹ Технологии будущего: Россия остаётся страной технооптимистов, доверяющих технологиям будущего (Опубликовано 16.09.2023) // ВЦИОМ — URL <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (Дата обращения 01.03.2024).

² Там же.

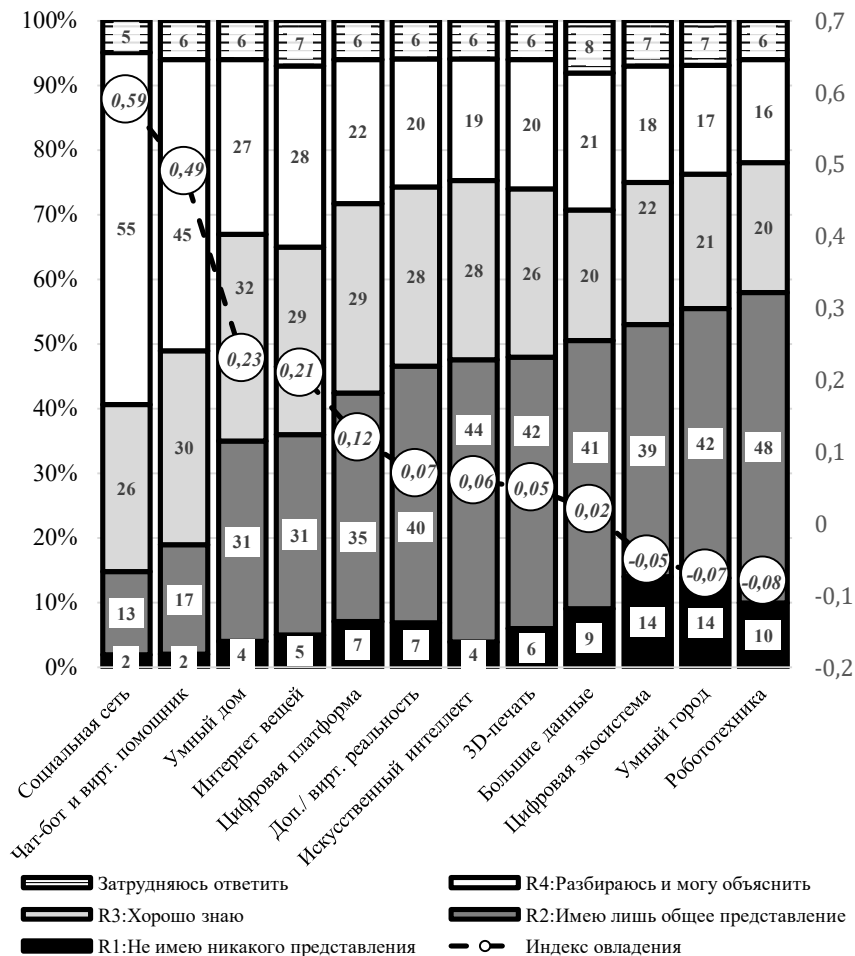

Рисунок 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Имеете ли Вы какое-либо представление о функционировании основных цифровых технологий?», в %

Прим.: Индекс овладения технологиями $I = (R_4 + 0.5 \times R_3 - 0.5 \times R_2 - R_1) / 100$

Как было обозначено выше, цифровая трансформация влечёт за собой повышение комфорта и общий рост технологичности процессов, однако совокупность затрагиваемых общественных отношений весьма велика. В связи с этим участникам исследования было предложено определить, формированию какого образа России будет способствовать цифровая трансформация. Из пяти

оцениваемых утверждений три получили однозначные положительные оценки (см. рис. 8).

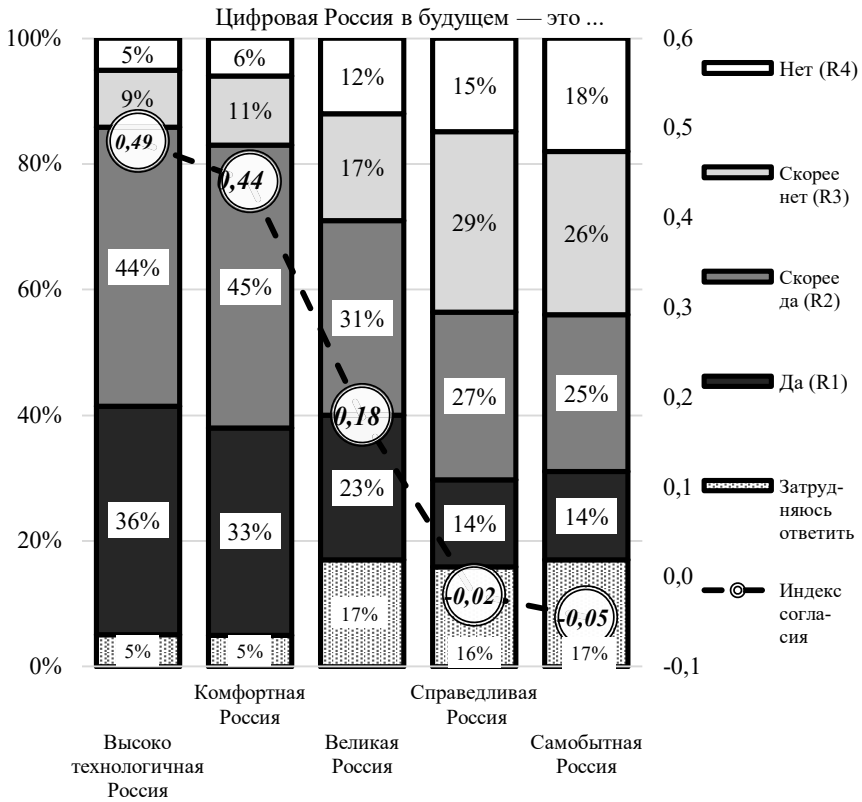

Рисунок 8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, формированию какого образа России будет способствовать цифровая трансформация?», в %

Прим.: Ответ было необходимо дать в каждой строчке.

Индекс согласия с утверждением $I = (R_4 + 0.5 \times R_3 - 0.5 \times R_2 - R_1) / 100$

Респонденты уверены, что цифровая трансформация в будущем сделает Россию высокотехнологичной (81 %), комфортной (78 %) и великой (54 %).

Цифровизация способствует развитию и расширению цифровой инфраструктуры, поэтому неслучайно образ будущего россиянина, полученный в результате нашего исследования, представляется как

высокотехнологичное общество с системами искусственного интеллекта, киборгами, беспилотными автомобилями и автокурьерами.

Внедрение цифровых технологий и решений во многих сферах деятельности, таких как промышленное производство, транспорт, здравоохранение и государственное управление, позволяет повысить их эффективность, что приводит к улучшению качества жизни значительной части населения страны. Поэтому второй по популярности образ будущего в массовом российском сознании связан с комфортностью, которую способны предоставить цифровые технологии и сервисы.

Отметим, что образ «великой России», в котором страна в будущем представляется как вызывающая чувство гордости, тоже связывается у части населения (54 %) с цифровой трансформацией, способной обеспечить величие и мощь России как государства. Но уже при ответе на этот вопрос можно зафиксировать большую долю респондентов, затруднившихся ответить (17 %).

Обращает на себя внимание и высокий уровень затруднившихся с ответом в оценке влияния цифровой трансформации на самобытность России — 16 % респондентов. Отсутствие единогласного признания со стороны населения того, что цифровизация сделает Россию в будущем самобытной страной, возможно, связано с тем, что развитие технологий ведёт к постепенному исчезновению её культурных особенностей. Это связано с тем, что далеко не все государства обладают достойными возможностями массово генерировать конкурентный популярный контент, в том числе снимать кинофильмы, тиражировать музыкальную продукцию. А «всемирная паутина» предоставляет возможность пользователям из любой точки мира получать контент на каком угодно языке и практически с любым содержанием, что только способствует укреплению всеобщего разнообразия. Как следствие, более развитые и богатые государства получают возможность продвигать свою культуру в глобальное пространство публичных коммуникаций. В настоящее время указанная тенденция как раз и формирует мнение 44 % опрошенных граждан.

Но стоит сказать и об обратной тенденции, в силу которой информационно-телекоммуникационные и цифровые технологии позволяют поддерживать тесные культурные связи представителям «разделённых народов». В настоящее время в большинстве государств функционируют электронные национальные библиотеки, «оцифрованы» многие музеи и предметы искусства, а технологии виртуальной реальности позволяют практически воочию увидеть значимые священные места.

Виртуальные прогулки широко используются и в России. Так, портал «Культура.РФ», осуществляющий свою деятельность при непосредственной поддержке Минкультуры России, позволяет совершить виртуальный тур по музеям, заповедникам, монастырям и главным достопримечательностям страны. В свою очередь, можно предположить, что указанные процессы формируют мнение 39 % опрошенных человек. На наш взгляд, подобная позиция респондентов, высказавшихся за повышение уровня самобытности, объективно отражает актуальные общественно-политические процессы, происходящие в стране: рост патриотических настроений, «разворот» России на Восток, а также осязаемое падение влияния западной массовой культуры.

Также опрос фиксирует практическое равное соотношение сторонников и противников высказывания, что «цифровая Россия — это справедливая Россия», а также значительный процент респондентов (16 %), испытывающих трудности в оценке влияния цифровой трансформации на справедливость в России. На наш взгляд, это связано с многообразием взглядов на социальную справедливость. Для одних — это равенство возможностей, для других — главенство закона, для третьих — преодоление неравенства. Это разнообразие мнений свидетельствует о сложности самого концепта социальной справедливости. В контексте цифровизации понятие справедливости получает ещё большую многогранность, от равной доступности технологий для всех жителей до использования новых технологий с целью обеспечения большего контроля общества за деятельностью государства. В итоге, на практике справедливость будет зависеть от конечных целей применения конкретных технологий.

Важное место в моральной оценке «справедливости» в контексте цифровой трансформации имеет непосредственно технологический фактор. Как правило, для доступа к сети Интернет необходимо иметь устройство, поддерживающее возможность быть постоянно подключённым к сети, сетевое оборудование (при подключении не с мобильного устройства), а также само интернет-соединение. При этом более дорогие устройства и сопутствующее оборудование обеспечивают более высокую скорость передачи данных, нежели бюджетные, а премиальные пакетные тарифы сотовых операторов поддерживают функционал, отсутствующий в массовых тарифных планах.

В сфере повседневной деятельности обычных пользователей есть прецеденты, заслуживающие внимания исследователей. Например,

премиальные возможности, которые становятся доступны за «донат» — денежное вознаграждение. Даже не считая онлайн-игр, а только делая акцент на социальных медиа и мессенджерах, можно выделить наличие премиум-возможностей, позволяющих выделяться среди других: уникальный значок над профилем «ВКонтакте», отключение рекламы и увеличение скорости загрузки медиа в Telegram, эксклюзивные подарки в «Одноклассниках».

Каким образом в данном случае должна достигаться сетевая справедливость и кто должен её обеспечивать? С нашей точки зрения, императивный и всеобщий характер равенства должен быть обеспечен в первую очередь при использовании государственных цифровых сервисов. Они должны в одинаковой степени работать без перебоев на всём многообразии популярных у населения устройствах, в том числе мобильных, а непосредственно вокруг граждан должна быть создана инфраструктура, необходимая для подключения к цифровым сервисам в любом регионе страны.

В настоящее время в России можно выделить сразу несколько наиболее значимых проектов в данной сфере, ключевые из них — «Доступный интернет» и «Устранение цифрового неравенства 2.0». Первая программа направлена на обеспечение бесплатного доступа к ряду «социально значимых» сервисов Рунета, т. е. пользователям не придётся платить за трафик при подключении к сайтам, которые входят в утверждённый нормативными актами список, а в случае нулевого баланса абонент также сможет заходить на ресурсы без тарификации. В число утверждённых вошли не только порталы государственных органов власти, но и социальные сети, мессенджеры, сайты массмедиа и банков. Проект «Устранение цифрового неравенства 2.0» реализуется в рамках приоритетного национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» и направлен на обеспечение доступа к высокоскоростному мобильному Интернету жителей малочисленных и отдалённых сел и деревень.

Переходя от вопросов среднесрочной перспективы к актуальному состоянию дел, респондентам было предложено оценить влияние цифровых устройств, технологий и сервисов на конкретные процессы жизнедеятельности, выстроенные в определённом соответствии с иерархической моделью потребностей человека А. Маслоу, в рамках которой выделяются физиологические потребности, потребности в безопасности, потребности в любви и принадлежности, потребности в уважении,

потребность в самоактуализации¹. Распределение ответов по многим из позиций оказалось более чем однозначным (см. рисунок 9).

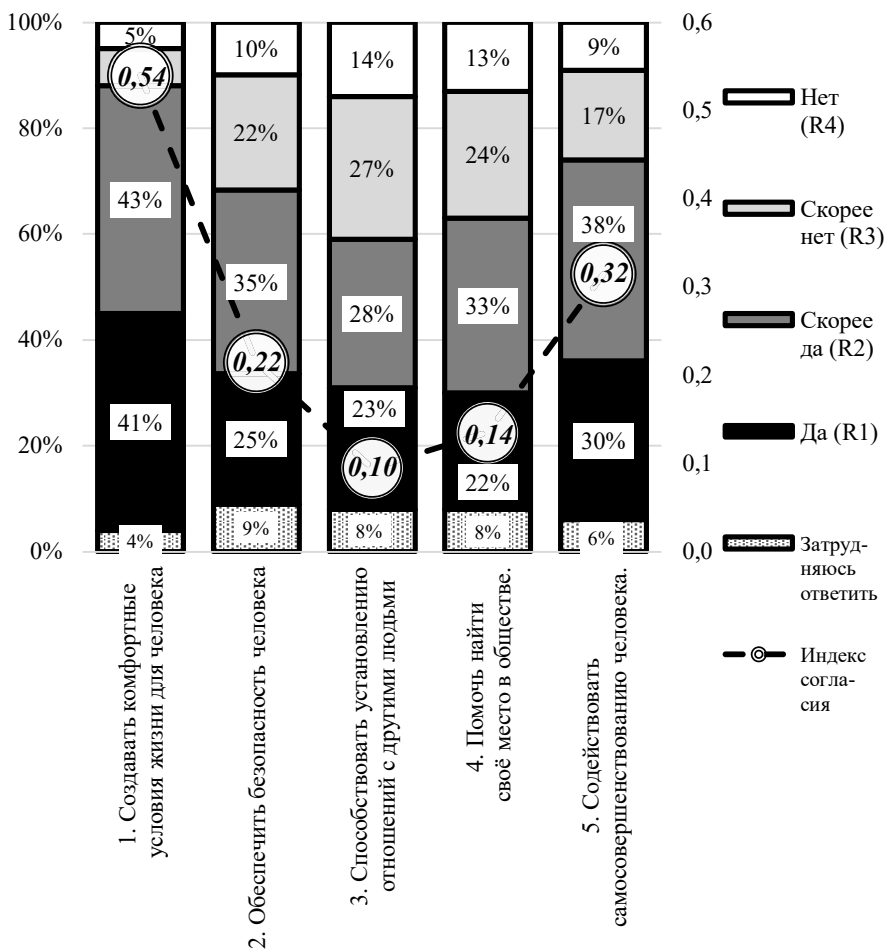

Рисунок 9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы считаете, современные цифровые устройства, технологии, сервисы будут способны делать следующее?», в %

Прим.: Ответ было необходимо дать в каждой строчке.

Индекс «возможностей» технологий $I = (R_4 + 0.5 \times R_3 - 0.5 \times R_2 - R_1) / 100$

¹ Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2021. 399 с.

Потребность человека в комфорте и безопасности является основополагающей, особенно если речь идёт о среде его обитания (месте жительства). Поэтому не случайно, что 84 % опрошенных граждан отметило, что прогресс делает условия жизни более комфортными, а 60 % считают, что технологии повышают безопасность человека.

Возможное нарушение безопасности как раз является одним из рисков цифровизации. Здесь, исходя из ответов респондентов, следует разнообразить понятие обеспечения безопасности: например, цифровизация может обеспечивать безопасность посредством использования систем наблюдения, но вместе с тем часть респондентов могла отнести это к нарушению их личных границ и посчитать это за нарушение их безопасности. С одной стороны, организация жизнедеятельности на цифровых платформах связана с рисками, поскольку человек может потерять доступ к своим данным в результате сбоя или мошенничества; с другой стороны, некоторые электронные базы, наоборот, обеспечивают более надёжное сохранение, передачу и обработку личных данных.

Яркой новинкой последних лет, существование которой стало возможным именно благодаря цифровизации и развитию цифровых сервисов, стало появление системы «Умный дом». Система представляет собой совокупность датчиков, подключённых к общей сети и обеспечивающих возможность централизованного управления бытовыми приборами с одного устройства. С помощью Сети привычные всем «умные» лампочки, выключатели, розетки, холодильники, микроволновки, кондиционеры, пылесосы и другая техника кооперируются с целью обеспечения комфорта человека и поддержания заданных условий и графика. Более того, они способны полноценно самостоятельно обновляться без обязательного привлечения к процессу человека. Главная проблема, с которой придётся столкнуться желающим оборудовать жилую площадь современными датчиками, — высокая стоимость комплектов.

Согласно данным рисунка 9, в повышении коммуникативных функций и налаживании отношений с другими людьми видят по-

зитивное влияние технологий 51 % участников опроса. Но старшее поколение (60 лет и старше) отмечает, что цифровизация мешает коммуникации между людьми, для них чужды новые формы общения. Это закономерно, так как представители этого поколения большую часть своей жизни прожили в других условиях, и теперь не все из них хотят или могут быстро подстроиться под изменяющиеся условия. 55 % опрошенных считают, что цифровые процессы помогают людям находить своё место в обществе. Что касается влияния технологий на самосовершенствование человека, то 68 % позитивно воспринимают их роль в этом.

Последствия внедрения современных технологий и устройств как для бытовых нужд, так и для масштабных промышленных процессов, ощутимы уже сейчас. Но если с хозяйственной и технической точки зрения модернизация практически всегда влечёт за собой позитивные результаты, то оценка влияния на повседневность человека не так однозначна. С целью большей конкретизации участникам исследования было предложено оценить, какие чувства у них возникают от последствий внедрения современных технологий. Технологический фактор не порождает негативных эмоций у подавляющего большинства (таблица 3). Страх за своё будущее и судьбу близких отсутствует у 62 % респондентов, тревога при взаимодействии с цифровыми устройствами, технологиями, сервисами нехарактерна для 71 %, отсутствует внутреннее сопротивление, вызванное нежеланием наступления цифрового будущего у 69 %, а чувство беспомощности, малозначимости перед цифровыми технологиями, сервисами — 67 %. Однако только два позитивных чувства вызывает цифровизация: у 68 % это чувство удовлетворения от более комфортных условий жизни, возникающих благодаря цифровым технологиям, у 64 % — чувство уверенности в возможности личного и профессионального развития. Относительно равным оказалось распределение ответов, касающихся предчувствия приятных и волнующих моментов, которые может дать цифровое будущее (47 % испытывающих чувство против 43 % не испытывающих), и чувства надежды на решения своих личных проблем (41 % против 47 %).

Таблица 3 — Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие чувства у Вас возникают от наблюдаемых последствий внедрения цифровых устройств, технологий, сервисов в жизнь человека», в %

		Да (R4)	скорее да (R3)	скорее да (R2)	Нет (R1)	Затрудняюсь ответить	Индекс «переживания» технологий
Негативные	1. Чувство внутреннего сопротивления, вызванное нежеланием наступления цифрового будущего	8 %	18 %	36 %	33 %	5 %	-0,35
	2. Чувство беспомощности, мало-значимости перед цифровыми технологиями, сервисами	10 %	19 %	35 %	32 %	4 %	-0,31
	3. Чувство страха за своё будущее и будущее близких людей	12 %	18 %	32 %	30 %	8 %	-0,25
	4. Чувство тревоги при взаимодействии с цифровыми устройствами, технологиями, сервисами	8	17 %	35 %	36 %	5 %	-0,37
Позитивные	5. Чувство уверенности в возможности личного и профессионального развития	26 %	38 %	18 %	10 %	9 %	0,26
	6. Чувство надежды на решения своих личных проблем	15 %	26 %	28 %	19 %	12 %	-0,05
	7. Предчувствие приятных и волнующих моментов, которые может дать цифровое будущее	15 %	32 %	26 %	17 %	10 %	0,02
	8. Чувство удовлетворения от более комфортных условий жизни, возникающих благодаря цифровым технологиям	26 %	42 %	14 %	11 %	8 %	0,29

Прим.: Ответ было необходимо дать в каждой строчке.

Индекс «переживания» технологий $I = (R_4 + 0.5 \times R_3 - 0.5 \times R_2 - R_1)/100$

Достаточно позитивно участники исследования оценили изменения, которые могут произойти в жизни после освоения современных цифровых устройств, технологий и сервисов (таблица 4).

Таблица 4 — Распределение ответов респондентов на вопрос «Ответьте, пожалуйста, на вопрос о позитивных / негативных изменениях, которые могут произойти в вашей жизни после освоения современных цифровых устройств, технологий и сервисов», в %

СТАНЕТЕ ЛИ ВЫ БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ ...	Больше (R2)	Трудно оценить	Меньше (R1)	Индекс изменения образа жизни
1. ... общаться с виртуальными помощниками?	65 %	24 %	11 %	0,54
2. ... знакомиться с новинками культуры?	64 %	20 %	16 %	0,48
3. ... работать?	60 %	24 %	16 %	0,44
4. ... заниматься любимым делом (хобби)?	50 %	25 %	25 %	0,25
5. ... общаться с друзьями/знакомыми?	49 %	22 %	29 %	0,20
6. ... общаться с родственниками?	44 %	26 %	30 %	0,14
7. ... читать?	46 %	20 %	34 %	0,12
8. ... заниматься общественными делами?	36 %	33 %	31 %	0,05
9. ... отдыхать, гулять?	28 %	35 %	37 %	-0,09
10. ... общаться с соседями?	16 %	32 %	52 %	-0,36

Прим.: Ответ было необходимо дать в каждой строчке.

Индекс изменения образа жизни $I = (R_2 - R_1)/100$

Однозначно негативное влияние было зафиксировано только в оценке возможностей для отдыха (37 %) и общения с соседями (52 %). При этом высокое затруднение в оценке было отмечено в вопросах взаимодействия с соседями, возможности отдыха и участия в общественных делах. С развитием цифровых технологий изменился темп жизни человека; согласно ответам опрошенных граждан, почти все они стали делать больше после освоения цифровых технологий. Благодаря этим технологиям у среднестатистического человека появилось гораздо больше времени на выполнение отдельных дел по причине сокращения необходимого времени на выполнение каждого. За счёт этого возросло количество дел, которые человек может себе позволить успеть сделать.

Безусловно, неоднозначной показала себя оценка текущей ситуации с информированием о цифровой трансформации российского общества (рисунок 10).

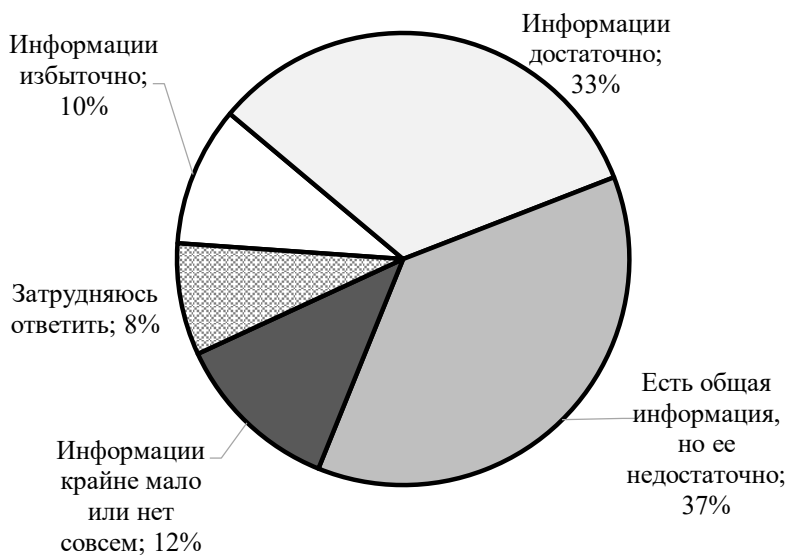

Рисунок 10. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете текущую ситуацию с информированием о цифровой трансформации российского общества?», в %

Так, 40 % респондентов считают, что обладают только общей информацией, которую считают недостаточной, в то же время 38 % заявили, что имеющейся информации достаточно. 12 % респондентов считают, что информации крайне мало, 10 % затруднились с ответом.

На наш взгляд, на сложившееся распределение могла оказать влияние совокупность факторов, в том числе наличие среди граждан разного уровня запроса на получение актуальной информации. На рисунке 11 представлена оценка ситуации с информированием о цифровой трансформации российского общества в зависимости от возраста респондента.

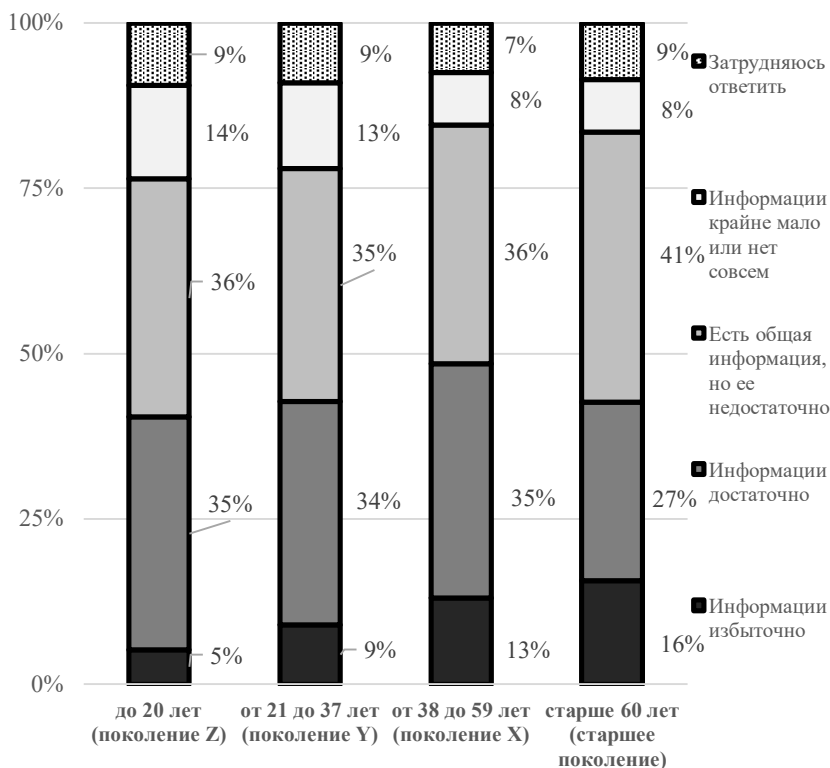

Рисунок 11. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете текущую ситуацию с информированием о цифровой трансформации российского общества?» в зависимости возраста респондента, %

Анализ представленных данных показывает, что в наибольшей мере недостаток информации испытывают молодые люди, представляющие поколения Z (зумеры) и Y (миллениалы). Парадоксально, но дефицит информации о цифровой трансформации наблюдается у представителей поколения, которое родилось в цифровом мире, и поколения, которое глубоко вовлечено в использование информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий.

Исходя из предположения, что на сложившееся распределение могло оказать влияние наличие у граждан разного уровня запроса на получение актуальной информации о возможностях цифровых технологий, были построены кросс-таблицы оценки ситуации с информированием о цифровой трансформации российского общества в зависимости от позиции респондента относительно цифровизации повседневной жизни (см. рисунок 12).

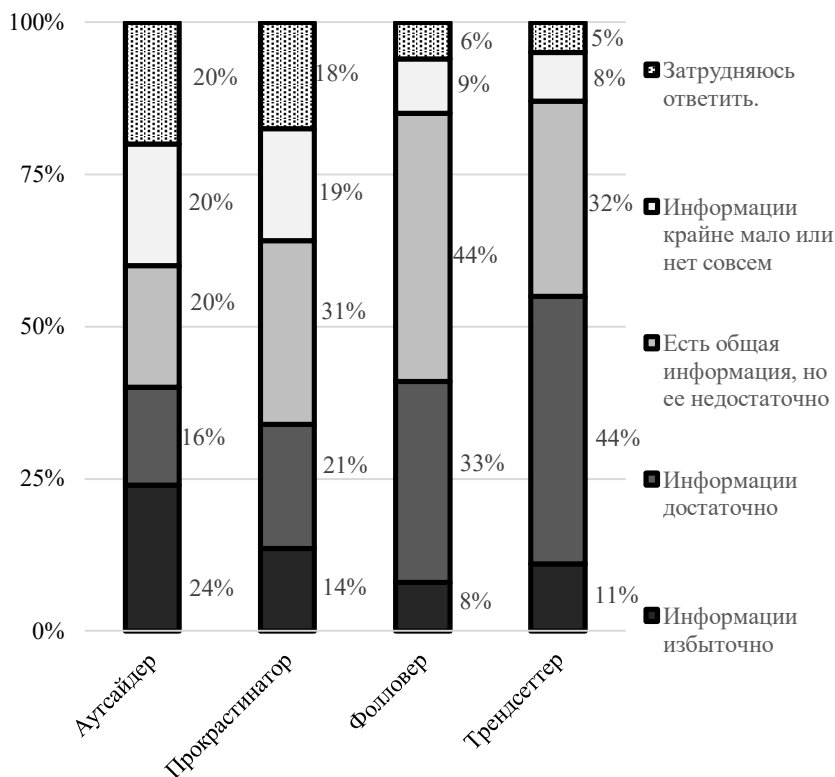

Рисунок 12. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете текущую ситуацию с информированием о цифровой трансформации российского общества?» в зависимости от позиции респондента относительно процесса цифровизации повседневной жизни, %

Показательно, что для 55 % трендсеттеров, то есть тех, кто постоянно интересуется новыми цифровыми сервисами и осваивает

их одним из первых, информации достаточно или даже избыточно. А уже для фолловеров, то есть начинающих пользоваться цифровыми сервисами после получения позитивных откликов и апробации большей части окружения, медиасообщений о цифровых новинках и их возможностях явно недостаточно.

Прокрастинаторы, которые постоянно откладывают освоение цифровых сервисов и осваивают их под давлением обстоятельств, неохотно признают достаточность информации в медиапространстве. Наиболее интересная ситуация наблюдается в группе аутсайдеров, которые выпадают из трансформационных процессов из-за того, что не пользуются цифровыми сервисами в силу ряда обстоятельств. Здесь нет устойчивого мнения: для четверти опрошенных информация о цифровых технологиях, сервисах и устройств и их возможностях в медиапространства явно избыточна, пятая часть отмечает, что информация есть только в общем виде и её явно недостаточно, и для такого же числа опрошенных информации крайне мало или она совсем отсутствует. В этой группе также велика доля затруднившихся ответить. Возможно, для данной группы такая ситуация связана с неудачными форматами презентации медиаобраза цифрового будущего.

Как уже было отмечено ранее, технологическое развитие и цифровизация общества тесно соседствуют с просоциальными и асоциальными оценками. При этом во многих сферах общественной жизни влияние новых технологий уже сейчас настолько велико, что представить откат к доцифровой эпохе практически невозможно. Анализируя уже сформировавшийся субъективный опыт, а также представления о вытекающих перспективах, участникам исследования было предложено определить, просоциальный или асоциальный образ цифрового будущего в настоящее время наиболее распространён в традиционных массмедиа, социальных медиа, а также в ближайшем личном окружении (см. рисунок 13).

Результаты оказались компромиссными, во всех категориях большинство респондентов выбрали ответ «в равной степени и то, и другое»: традиционные массмедиа — 34 %, соцмедиа — 45 %, личное окружение — 41 % (рис. 13).

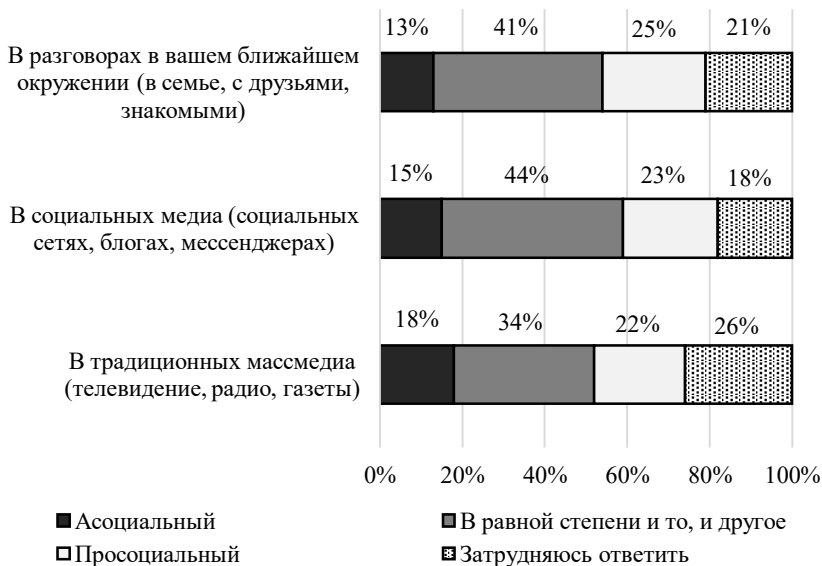

Рисунок 13. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой образ цифрового будущего, просоциальный или асоциальный, сегодня распространён в массмедиа, социальных медиа и в вашем ближайшем окружении», в %

Прим.: Ответ было необходимо дать в каждой строчке.

Наиболее критично, согласно оценкам участников исследования, образ цифрового будущего транслируется посредством телевидения, радио и газет, об этом заявили 18 % исследований. Отметим, что во всех случаях довольно велика доля, затруднившихся ответить, что связано с недостатком знаний или опыта респондентов в области цифровой трансформации.

Сложные общественно-политические процессы практически всегда сопровождаются давлением со стороны конкретных стейкхолдеров. Цифровая трансформация — комплексное системное явление, имеющее большое количество заинтересованных сторон.

Для большей определённости сформировавшейся оценки влияния разных сторон на цифровую трансформацию участникам массового социологического опроса было предложено оценить, кто, по их мнению, в первую очередь заинтересован в подобных изменениях в российском обществе. Подробное распределение результатов представлено на рисунке 14.

Рисунок 14. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, кто в первую очередь оказывает влияние на цифровую трансформацию российского общества?»

Прим.: можно было указать до 5 вариантов ответов.

Как видно на этом рисунке, лидирующие позиции среди бенефициаров цифровой трансформации заняли крупные коммерческие структуры: ИТ-компании — 71 %, крупные компании и корпорации — 63 %. Отметим, что малый и средний бизнес занял шестую позицию (на его роль указали 32 % опрошенных).

Подобное положение дел, на наш взгляд, вызвано маркетинговым подходом данных агентов, направленным на удовлетворение потребностей и желаний людей. Реклама довольно навязчиво предлагает ИТ-продукты и услуги цифровых сервисов. Кроме того, ИТ-сфера сама по себе сильно коммерциализирована, а цифровые продукты имеют высокую стоимость и повышенный спрос. Все перечисленные

факторы оказывают влияние на восприятие гражданами структур бизнеса как главных заинтересованных сторон цифровой трансформации.

Стоит акцентировать внимание и на сильных позициях госструктур. Так, в качестве ключевых стейкхолдеров более половины респондентов (57 %) видят федеральные органы власти. На шестой позиции оказались региональные органы власти (32 %). Анализируя указанные результаты, необходимо отметить активную роль государства в продвижении новых цифровых сервисов (например, Портал государственных услуг Российской Федерации или приложение «Мой налог»), а также перевод взаимодействия с населением в цифровой формат (например, госаппликации и цифровые платформы обратной связи). Примечательно, что конечную выгоду от результата получают не только государство, большие корпорации и IT-компании, но и сами граждане, для которых многомиллиардные вложения трансформируются в повышении удобства применения технологий и росте общего уровня комфорта.

Показательно, что на четвертой позиции оказались массмедиа, которые получили возможность оперативно создавать, редактировать и распространять новости, достигать широкой аудитории в реальном времени, предлагать персонализированный контент и разнообразные форматы. Парадоксально, но в качестве агента влияния на цифровую трансформацию российского общества респонденты называют системы искусственного интеллекта. И здесь возможны два варианта: 1) респонденты признают ключевую роль данной технологии в цифровой трансформации: её влияние на повышение производительности и эффективности бизнес-процессов, влияние на трансформацию повседневной жизнедеятельности; 2) респонденты рассматривают искусственный интеллект в качестве субъекта (техносубъекта), что подтверждает факт зарождения новой атипичной субъектности¹. Но факт, тем не менее, примечательный и требующий дальнейшего изучения.

Также респондентам было предложено оценить, какие трудности цифровой трансформации сильнее всего проявятся в будущем в российском обществе. Подробное распределение результатов опроса представлено на рисунке 15.

¹ Володенков С.В., Федорченко С.Н. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 54.

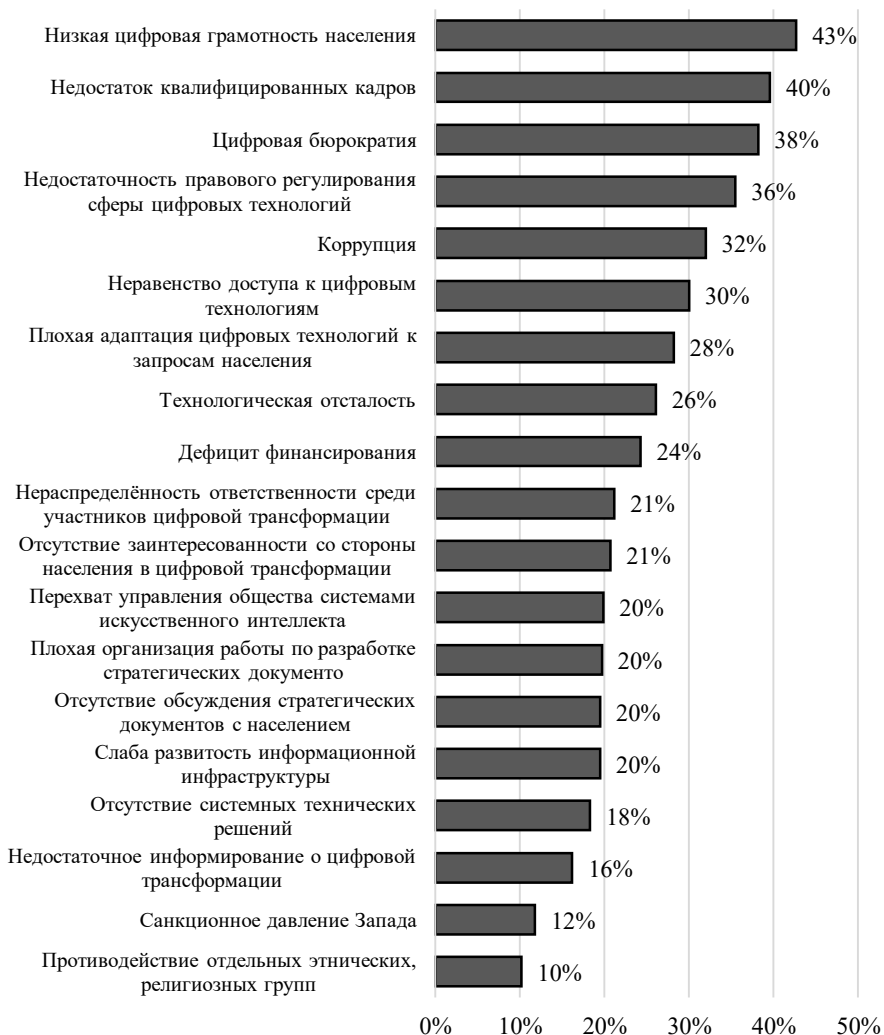

Рисунок 15. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие трудности цифровой трансформации, на ваш взгляд, более всего проявятся в будущем российского общества?»

Прим.: можно было указать до 5 вариантов ответов.

Ключевыми проблемами, по мнению респондентов, станут взаимосвязанные факторы — недостаток квалифицированных кадров (40 %) и низкая цифровая грамотность (43 %). Примечательно, что указанные аспекты относятся даже не к среднесрочной перспективе,

а максимально актуальны в настоящее время. Так, согласно оценкам Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации по состоянию на 2023 год, нехватка разработчиков в IT-сфере составляет приблизительно 500-700 тыс. человек. Дефицит продолжает сохраняться даже с учётом того, что по итогам 2022 года количество сотрудников IT-компаний выросло на 13 %, а всего в отрасли работают почти 740 тыс. человек¹. Ещё одной проблемой выступает неравенство доступа к цифровым технологиям.

В лидерах обозначены проблемы системного характера: цифровая бюрократия (38 %), недостаточное правовое регулирование (36 %), коррупция (31 %). От практического решения каждой из них зависит цифровое развитие России в целом.

Отдельное внимание обратим на осязаемое влияние «фактора Скайнет»: 20 % респондентов опасаются, что системы искусственного интеллекта могут перехватить управление обществом. Боязнь наступления так называемой технологической сингулярности, когда начнётся самопроизвольное развитие цифровых технологий, фигурирует в общественном мнении с момента начала их активного развития и внедрения в быденную жизнь.

Высокая полярность мнений была зафиксирована при оценке позиции участников исследования относительно процессов внедрения цифровых устройств, технологий и сервисов в повседневную жизнь. Так, большинство респондентов (47 %) заявили, что начинают пользоваться новыми сервисами только после того, как они будут проверены значительной частью окружения. При этом 32 % самостоятельно осваивают новинки в числе первых пользователей. Осваивают цифровые сервисы под давлением обстоятельств 15 % участников и ещё 5 % вообще не пользуются ими.

Просоциальный и асоциальный характер последствий цифровизации также был изучен на примере их влияния на конкретные ситуации повседневности и общественно-политической жизни.

Наиболее сильное асоциальное влияние цифровизации на повседневную жизнь человека было отмечено в увеличении социального неравенства между людьми, владеющими и не владеющими цифровыми

¹ Шадаев оценил дефицит айтишников в 500–700 тыс. человек (Опубликовано 16.08.2023) // РБК — URL <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2023/64dce9789a7947ec1d11a641> (Дата обращения 01.03.2024).

технологиями; снижении способности человека к мыслительной деятельности за счёт выполнения соответствующих работ системами искусственного интеллекта; увеличении социального неравенства между людьми, владеющими и не владеющими цифровыми технологиями, а также в возможности чипирования (имплантации в тело человека микрочипов). Детальное распределение ответов представлено в табл. 5.

Таблица 5 — Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие из нижеперечисленных последствий *цифровизации* вашей повседневной жизни носят просоциальный характер, а какие — асоциальный характер?», в %

	Просоциальный (R2)	И то, и другое	Асоциальный (R1)	Затрудняюсь ответить	Индекс про- / асоциальности
1. Появление рабочих мест, требующих высокого уровня цифровой компетентности	44 %	29 %	9 %	18 %	0,35
2. Рост числа людей, занятых творческими профессиями	37 %	29 %	14 %	20 %	0,23
3. Рост свободного времени из-за внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта	32 %	32 %	16 %	20 %	0,16
4. Внедрение наноустройств в организм человека для контроля / коррекции здоровья	27 %	29 %	23 %	21 %	0,03
5. Увеличение социального неравенства между людьми, владеющими и не владеющими цифровыми технологиями	9 %	28 %	42 %	21 %	-0,33
6. Чипирование (имплантация в тело человека микрочипов) для идентификации человека	10 %	24 %	44 %	22 %	-0,33
7. Снижение способности человека к мыслительной деятельности за счёт выполнения соответствующих работ системами искусственного интеллекта	7 %	23 %	50 %	20 %	-0,42

Прим.: Ответ было необходимо дать в каждой строчке.

Индекс про- / асоциальности $I = (R_2 - R_1)/100$

Среди ключевых просоциальных факторов указаны: увеличение числа людей, занятых творческими профессиями; рост свободного времени из-за внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта; появление рабочих мест, требующих высокого уровня цифровой компетентности.

Всеобщая цифровизация общественных процессов не только принесла новые перспективные направления, но и обнажила проблемы, которые с развитием технологий будут только усугубляться в общественно-политической жизни (см. табл. 6).

Таблица 6 — Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие из нижеперечисленных последствий *цифровизации общественно-политической жизни* носят просоциальный, а какие — асоциальный характер?», в %

	Просоци- альный (R2)	Ито, и дру- гое	Асоци- альный (R1)	Затрудня- юсь отве- тить	Индекс про- /асоциаль- ности
1. Контроль за жизнью городов системами искусственного интеллекта	30 %	32 %	21 %	17 %	0,08
2. Допуск граждан к социальным благам на основе социального рейтинга	16 %	28 %	39 %	18 %	-0,23
3. Выдача новостной информации на основе политических взглядов	10 %	32 %	37 %	22 %	-0,27
4. Рост контроля со стороны государства над человеком при помощи цифровых технологий	10 %	30 %	47 %	14 %	-0,37
5. Возможность органов власти блокировать доступ к сайтам в сети Интернет	9 %	28 %	48 %	16 %	-0,39
6. Рост безработицы из-за внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта	6 %	26 %	51 %	17 %	-0,45

Прим.: Ответ было необходимо дать в каждой строчке.

$$\text{Индекс про- / асоциальности } I = (R_2 - R_1)/100$$

Отметим, что из предложенного респондентам перечня ситуаций только одна получила оценку преимущественно просоциальной направленности. Наибольший процентный вес получил переход контроля за жизнью городов к системам искусственного интеллекта — 30 %, однако 32 % респондентов уверены, что данное явление имеет в равной степени асоциальное и просоциальное значение. К числу однозначно усугубляющих общественные проблемы участники исследования отнесли: рост контроля со стороны государства над человеком при помощи цифровых технологий; рост безработицы из-за внедрения в производство роботов и систем искусственного интеллекта; внедрение социального рейтинга; выдача новостной информации на основе политических взглядов; увеличение возможности органов власти блокировать доступ к сайтам в сети Интернет.

Отдельно отметим, что наибольшее затруднение в определении оценки получил вариант «выдача новостной информации на основе политических взглядов» — 22 %. Рассматриваемый фактор однозначно манипулятивный и скрывает за собой возможность оказания прямого влияния на общественное мнение посредством жёсткой цензуры. Однако не все респонденты уверены, что это плохо. В пользу данной позиции говорят и 32 % участников, увидевших в равной степени просоциальные и асоциальные черты.

Таким образом, в силу того, что цифровая трансформация общества — сложный и неоднозначный процесс, образ цифрового будущего также формируется противоречивым. Участники исследования высказали мнения о том, что цифровизация делает условия жизни более комфортными и безопасными, открывая значительные прогрессивные возможности практически во всех сферах. При этом многие выстраиваемые цифровые сервисы и ресурсы имеют и неочевидный на первый взгляд функционал, способствующий усилению контроля над обществом со стороны заказчиков разработки — государства или крупных корпораций.

В связи с этим комплексная оценка результатов исследования позволяет говорить о том, что респонденты отнеслись к цифровому будущему с осторожностью, понимая, что практически у каждого технологического новшества есть и обратная сторона. Проявляется и некоторый дуализм мнений: участники опроса отмечают расшире-

ние возможностей коммуникации и вместе с тем — снижение её объёмов. Они выразили опасения относительно негативных последствий цифровизации, таких как увеличение социального неравенства, снижение способности человека к мыслительной деятельности и возможность чипирования. Респонденты также высказали опасения относительно проблем, связанных с цифровой трансформацией, таких как недостаток квалифицированных кадров и низкая цифровая грамотность. Они также отметили нарастание в будущем проблем системного характера, таких как цифровая бюрократия, недостаточное правовое регулирование и коррупция.

4. Концепт просоциального образа цифрового будущего России (на основе результатов экспертного опроса)

На протяжении тысячелетий самый сильный образ будущего задумывался преимущественно как трансцендентный (потусторонний), в терминах эсхатологических пророчеств, которым предстояло осуществиться в загробной жизни¹. Потребность описывать «земное» будущее у человека возникла сравнительно недавно, в эпоху Возрождения, когда традиционные религиозные взгляды отступили достаточно, чтобы развиться рациональности и творчеству. В этом случае попытка представить будущее подчёркивает человеческую активность, творческое начало как атрибутивное свойство человека.

При этом образы будущего всё чаще формировались в форме утопических предложений — в виде стремления к раю здесь, на Земле. Но как только люди обнаружили, что природа обладает законами, которые можно понять и применять для улучшения своего положения и благополучия, человечество перестало бояться природы и, следовательно, больше не нуждалось в поклонении ей в борьбе за выживание. В зарождающейся культуре техногенной цивилизации происходит изменение воззрений на понимание роли человека в мире, целей и предназначения его жизнедеятельности. Человек теперь представляется активным существом, находящимся в деятельном отношении к миру. *«Деятельность человека должна быть направлена вовне, на преобразование и переделку внешнего мира, в первую очередь, природы, которую человек должен подчинить себе. В свою очередь внешний мир рассматривается как арена деятельности человека, как если бы мир и был предназначен для того чтобы человек получал необходимые для себя блага, удовлетворял свои потребности»*². В итоге западный человек испытал беспрецедентный оптимизм в отношении самого себя, своего разума и своего

¹ Polak F. The Image of the Future. Amsterdam, L., N.Y.: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 320 p.

² Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-альфа, 1995. С. 18.

будущего. Как пишет Д. Морган, человек назвал свой оптимизм «прогрессом», средства для его реализации — «наукой», а его цель — «стремлением к счастью»¹.

В середине XX века в послевоенной Европе начали ощущаться серьёзные проблемы из-за заметного роста негативных утопий и, что уникально, недостаток образов будущего, достаточно убедительных, чтобы спровоцировать его реализацию: «Мы должны в полной мере осознать тот факт, что никогда ранее в истории человеческой цивилизации, насколько нам известно, не было периода без каких-либо позитивных образов будущего»². В 80-х годах прошлого века Дж. Беккерт и Л. Сакерт зафиксировали падение числа публикаций о проблематике будущего³. Они связали это с тем, что набравший популярность постмодернизм поставил под сомнение линейную историчность, присущую ранее доминировавшим концепциям модернизации. В то же время за пределами академических кругов это было также десятилетие, когда социальные утопии на тему прогресса были подвергнуты критике, а постмодернистские сомнения бросили вызов вере в позитивно формируемое будущее. Потому вполне правдоподобно, что переход от модерна к постмодерну как в теоретическом, так и в практическом плане мог заставить социологов отвернуться от будущего (по крайней мере, временно).

По мысли Ф. Полака, до тех пор, пока образ будущего является позитивным, расцветает и культуры, но как только образ будущего начнёт разлагаться и терять свою жизнеспособность, культура не сможет долго существовать⁴. Отметим, что ряд современных исследователей согласны с Ф. Полаком в том, что отсутствие полноценных образов будущего, их несформированность и недостаточная разработанность должны рассматриваться как тревожный сигнал для культуры именно потому, что свидетельствуют о замирании творческой активности и интереса к целенаправленным

¹ Morgan D. Images of the future: a historical perspective // Futures. 2002. Vol. 34. P. 883–893.

² Polak F. The Image of the Future. Amsterdam, L., N.Y.: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. P. 222.

³ Beckert J., Suckert L. The future as a social fact. The analysis of perceptions of the future in sociology // Poetics. 2021. Vol. 84. P. 101499.

⁴ Polak F. The Image of the Future. Amsterdam, L., N.Y.: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. P. 19.

изменениям¹. Интерес к конструктивным, консолидирующим социумы проектам будущего, как чисто образным, так и идеологически выстроенным, утратила не только современная российская элита, но и политические элиты многих современных развитых государств². Современные элиты сосредоточены на настоящем так же, как и большинство населения общества потребления.

Но здесь стоит обратить внимание на монументальное исследование Дж.Б. Бьюри, в котором убедительно показано, что образ будущего заключён в идее прогресса как способности разумных людей улучшать условия своего существования за счёт собственных инициативы и усилий, при этом ведущая роль отводится науке, технике и технологии³. Прогрессивный образ будущего содержит идею непрерывных и перманентных социальных изменений, которые связаны с усовершенствованием науки, техники, технологии и социальной организации.

В настоящее время внедрение цифровых технологий идёт быстрее, чем внедрение любых других инновационных разработок в истории человечества. Использование технологий может привести к значительному улучшению качества жизни, что делает их центральным звеном общественного прогресса. Например, благодаря использованию систем на базе блокчейна государственные услуги становятся более доступными, а применение систем с искусственным интеллектом упрощает процессы и снижает бюрократию. В сфере образования виртуальная учебная среда и дистанционное обучение дают возможность получать образование тем, кто раньше не мог этого сделать. А в области здравоохранения новейшие технологии, основанные на алгоритмах искусственного интеллекта, способствуют спасению жизней людей, обнаружению болезней и продлению жизни. Сегодня цифровые технологии внедряются во всё большее количество систем общественных отношений.

¹ Желтикова И.В. Образ будущего в ситуации Заката культуры: взгляд на современную Россию с позиции О. Шпенглера // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 323–334.

² Зимин В.А. «Образ будущего» в политической культуре современной России // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2, № 9. С. 175.

³ Bury J.B. The idea of progress: an inquiry into its origins and growth. N.Y.: Dover Publications, 1964. 194 p.

Вместе с тем по мере развития цифровой среды необходимо на постоянной основе критически и всесторонне оценивать влияние этих технологий на общество и следить за тем, чтобы они не противоречили принятым просоциальным и этическим нормам. Коллективные усилия по созданию цифрового будущего, которое должно быть прогрессивным и ориентированным на человека, сыграют ключевую роль в ответственном развитии цифровых технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта.

Стремительная цифровизация ключевых сфер жизни человека, общества и государства непосредственным образом влияет на трансформацию массовых представлений и ожиданий по поводу мира будущего. При этом такие ожидания и представления являются во многом субъективными и во многом детерминированными деятельностью субъектов цифровизации, преследующих собственные интересы, в результате чего формирование образов цифрового будущего становится зависимым не только от объективных условий цифровых трансформаций, но и от намерений широкого спектра различных субъектов деятельности в сфере цифровых трансформаций. Наряду с презентуемыми образами будущего, которые формируют такие социальные субъекты, как государство, международные корпорации, политические партии, существуют представляемые образы будущего, определяющие настроения, поведение и поддержку целей общественного развития со стороны социума и его социальных групп.

Представления о цифровом будущем, которые формируются в общественном сознании, имеют глубокие последствия для развития общества. Путём воздействия на общественное мнение они участвуют в формировании политических решений и, следовательно, определяют распределение ресурсов на конкретные направления исследований. Просоциальный образ цифрового будущего, отвечающий интересам и потребностям населения, необходим для успешного осуществления цифровых преобразований. Он гарантирует, что технологические достижения не только осуществимы, но и социально полезны и этически обоснованы.

Хотя варианты образа будущего могут и должны способствовать позитивным изменениям, они в полной мере сопряжены с этическими вопросами. Эксперты подчёркивают необходимость

баланса между социальными субъектами, презентующими в публичном пространстве собственные образы цифрового будущего. Их несогласованность (дисбаланс) может привести к искажённому представлению, сделав совокупный образ цифрового будущего не отвечающим интересам общества. Кроме того, государство как ключевой субъект формирования образа будущего должно гарантировать сохранение традиционных ценностей, которые важны для стабильности и единства российского общества, а также обеспечить социальную справедливость, сократив все виды неравенства и предоставив равные возможности всем гражданам.

Образ будущего играет важную роль в формировании траектории технологического развития и высокотехнологичных исследований. Он не статичен, а эволюционирует вместе с развитием технологий, которые в значительной степени зависят от этих представлений. Тем не менее, по мере того как общество движется в цифровую эпоху, возрастает необходимость критической оценки создаваемых вариантов образа будущего и усиления внимания к тому, чтобы они соответствовали просоциальному тренду развития общества. Создание прогрессивного и человекоориентированного образа цифрового будущего должно повысить ответственность при создании цифровых технологий и цифровизации общества в целом.

Важность высказанного положения в социально-политическом аспекте обусловлена потенциалом влияния образов цифрового будущего на массовое поведение в реальном мире, существенным образом определяющее реальные изменения в сфере государственной и общественной жизни, включая изменения цифровые. И характер массового поведения во многом зависит от того, насколько совместимы индивидуальные, групповые и общественные интересы и потребности с теми образами будущего, которые формируются в настоящее время.

В случае несовпадения интересов и потребностей с ожиданиями и представлениями о будущем возникают деструктивные потенциалы, выступающие фактором дестабилизации общественно-политической обстановки, роста протестных настроений и недоверия общества к государству. Не является исключением и образ цифрового будущего.

В связи с этим представляется важным изучение возможностей формирования и дальнейшей презентации в публичном пространстве просоциального образа цифрового будущего как основы непротиворечивого и эффективного развития современного государства и общества в условиях актуальных цифровых трансформаций.

Как демонстрирует анализ исторических событий, в случае несовпадения намерений и действий субъектов технологического развития с общественными представлениями о результатах такого развития возникают линии напряжения, в рамках которых может осуществляться активное противодействие прогрессу с одновременным ростом социального недовольства значительной части представителей общества. (Напомним приведённый в начале монографии пример с появлением выступавших против промышленной революции луддитов и соответствующего протестного движения в Англии в первой четверти XIX века.)

Представляется очевидным, что в случае стихийного формирования негативных и асоциальных образов цифрового будущего в массовом сознании населения современных стран, включая Россию, возникают существенные угрозы государству и обществу, которые, помимо дестабилизации общественно-политических отношений между ними, рискуют столкнуться с технологическим отставанием, основанном на субъективных представлениях о вреде цифровых технологий.

На наш взгляд, потенциал цифровых трансформаций может быть реализован в полной мере лишь только в случае конструирования и системного продвижения просоциального образа цифрового будущего, который не входит в противоречие с интересами и потребностями основных групп населения РФ. Иными словами, одним из ключевых факторов успешности актуальных цифровых трансформаций является не только потенциал самих технологий, стратегий их внедрения и использования, но и содержательный характер образа цифрового будущего в массовом сознании, а также степень его соответствия субъективным интересам индивидов, групп граждан, а также общества в целом.

Руководствуясь данными соображениями, авторы настоящей работы провели экспертный опрос по обозначенной проблематике. Для выявления особенностей, тенденций, проблем формирования просоциального образа цифрового будущего России в публичном

пространстве коммуникаций авторами настоящей работы в сентябре — ноябре 2023 г. было проведено экспертное исследование, в котором приняло участие 20 экспертов из российского академического сообщества и отечественного бизнеса. Участникам исследования было предложено ответить на серию вопросов относительно 1) понятия «образ будущего» и степени его детерминации процессами цифровой трансформации, 2) места образа цифрового будущего в общем образе будущего, 3) социальности актуального образа цифрового будущего и 4) содержательного наполнения просоциального образа цифрового будущего России. Кроме того, экспертам было предложено оценить потенциал влияния образа цифрового будущего на процессы изменения мышления и поведения граждан страны, а также определить спектр основных проблем, связанных с формированием просоциального образа цифрового будущего.

При анализе экспертных ответов количественные оценки были подвергнуты процедуре комплексирования, благодаря которой качественные оценки использовались для формирования комплексного обоснования количественных результатов исследования.

По итогам комплексирования экспертных представлений о существенных характеристиках образа будущего можно выделить ключевые содержательные компоненты данного феномена.

Преимущественно участники исследования понимают под образом будущего совокупность как научно-прогнозируемых, так и интуитивно предполагаемых *представлений* об окружающем мире, государстве, обществе и его конкретных группах (стратах) в отдалённой перспективе.

В представлениях экспертов о будущем входят *наиболее вероятные сценарии развития событий*, в которых внимание акцентируется на индивидуально значимых процессах и состояниях мира, а также прогнозы, мечтания, опасения, выражаемые с учётом жизненного опыта и имеющихся ресурсов для их осуществления. Прогностический горизонт — это среднесрочная (5-7 лет) и долгосрочная (свыше 10-25 лет) перспектива. Сюда же эксперты включают представления о перспективном устройстве мира (*мысленные картины мира будущего*, визуальные представления, предположения об образе жизни и т. д.) и об ожидаемой средней повседневности той социальной группы, к которой причисляет себя индивид, зависящие

от возраста и жизненного опыта того, кто размышляет об образе будущего.

Образ будущего также включает в себя представления об окружающих человека технических устройствах и об обусловленном (и частично навязанном) этими устройствами круге задач, стоящих перед обывателями в их повседневной жизни. Каждый из таких образов многоаспектен и характеризуется разной (но обязательно существенной) *степенью неопределённости и рисков* (которые значительно повышаются в условиях сегодняшней турбулентности), а также использованием словесных формул типа «в том случае, если».

При этом образы будущего, по мнению ряда участников исследования, представляет субъективную ценность, являясь проекцией, отражающей индивидуальные и групповые ожидания. Как отмечают эксперты, в разрезе социума образ будущего органически проистекает из объединяющей (национальной) идеи, включающей последовательную логическую связь доступных обывателю и основанных на ожиданиях идеологем, упорядочивающих нелинейные процессы развития общества.

При этом, как правило, образ будущего не является для человека предметом глубокой разработки, однако этот образ детерминирует поведение уже в настоящем, а отсутствие образа будущего создаёт проблему бессмысленности повседневной рутины.

Следует отметить, что среди экспертов нет единого представления о сущностных характеристиках образа будущего в силу сложности и многоаспектности данного феномена, однако комплексирование экспертных ответов позволило выделить ключевые содержательные компоненты исследуемого понятия.

Для выявления значимости актуальных технологических трансформаций применительно к формированию образов будущего участникам исследования было предложено количественно оценить степень детерминации таких образов процессами цифровой трансформации. С этой целью был задан вопрос: «Если представить, что образ будущего формируют различные тренды современности, то на сколько процентов образ будущего детерминирован процессами цифровой трансформации? Оцените, пожалуйста, в баллах от 0 до 100. 0 — абсолютно не детерминирован, 100 — полностью детерминирован» (рисунок 16).

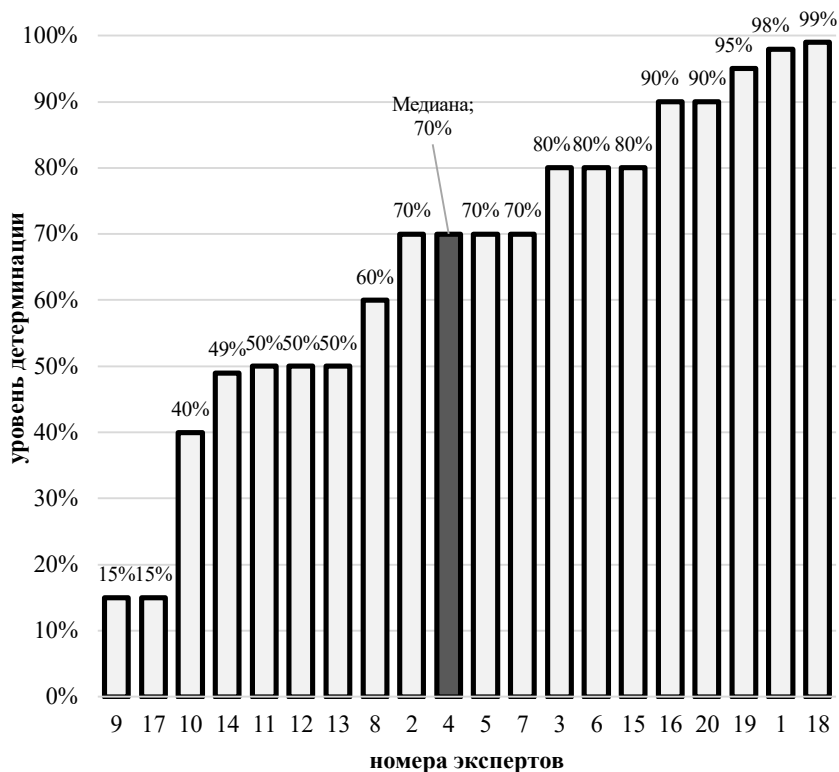

Рисунок 16. Экспертная оценка степени детерминации образа будущего процессами цифровой трансформации, %

В целом эксперты (за исключением лишь трёх участников) высоко оценили значимость процессов цифровой трансформации в формировании содержательных характеристик образов будущего. Примечательно, что оценки со стороны представителей академического сообщества оказались в определённой степени выше, чем оценки со стороны представителей бизнес-сферы.

В ходе исследования участникам было предложено определить место образа цифрового будущего в структуре общего образа будущего. По мнению ряда экспертов, принявших участие в исследовании, образ будущего, как и образ настоящего, формируется при помощи множества обстоятельств и ограничений, и цифровизация (как некогда электрификация) будет определять скорее технологии, чем

структуры управления и экономики, финансовую систему, социум и его систему коммуникаций.

Мнения экспертов можно интегрировать в 2 основных кластера, по-разному определяющих место образа цифрового будущего в рамках общего образа будущего.

1. Подавляющее большинство экспертов склоняется к позиции *«образ цифрового будущего есть центральный элемент общего образа будущего»*, аргументируя её следующим образом:

– общемировой тренд заключается в том, что цифровые технологии проникают практически во все сферы жизни, от экономики и образования до общественных отношений. Их влияние охватывает как глобальные, так и местные аспекты, формируя новые способы взаимодействия и организации общества. Информатизация уже охватила большую часть социальной сферы. Со временем процесс цифровизации распространится и на другие ключевые сферы деятельности государства и общества. Технологический прогресс становится основой формирования всех сфер жизни, начиная от удовлетворения потребностей человека и экономики до мирового устройства;

– в результате цифровизация охватывает основные группы населения, за исключением тех социальных категорий, которые сталкиваются с фактором цифрового неравенства либо не пользуются современными цифровыми медиа по другим причинам. Однако можно предположить, что со временем цифровой образ будущего станет доминирующим для всех социальных категорий. Это связано с развитием современной экономики, цифровых технологических корпораций, нейросетей, угрозами информационных войн и заинтересованностью ряда государств (Россия, Китай, США и др.) в повышении мер информационной безопасности, развитии своих цифровых корпораций — налоговых резидентов. Несмотря на то, что образ будущего связан со многими процессами, которые существуют и сегодня, а также с нецифровыми объектами (такими как энергоресурсы, материалы, сырьё, другие полезные ископаемые), цифровизация в данный момент проникает во все процессы и так или иначе связана практически с каждым видом деятельности;

– цифровые технологии оказывают влияние на социокультурные аспекты общества, включая образование, развлечения и комму-

никации. Всемирная сеть, социальные сети, искусственный интеллект — все эти элементы формируют новые социокультурные реалии и новые образцы поведения. При этом цифровизация становится важнейшим фактором социализации. Массовое потребление информации обуславливает формирование базовых ценностей, убеждений, представлений, ожиданий в рамках информационной картины мира населения. Кроме того, цифровые технологии уже вписаны в повседневные социальные практики и оказывают серьёзное влияние на взаимодействия (выбор друзей, сообществ, структурирование времени) на микроуровне. В результате многие социальные и психологические процессы детерминированы происходящими цифровыми и техническими трансформациями в формате «бытие определяет сознание»;

– цифровая трансформация влияет на структуру производства, создавая новые формы бизнеса и изменяя трудовые отношения. Это может существенно повлиять на экономическую ситуацию и социальное равенство. Цифровые технологии позволяют сократить издержки, связанные с углублением специализации производителей. Таким образом, в ряде случаев развитие цифровых технологий является локально-эффективной стратегией для бизнеса. Развитие цифровых технологий повлечёт за собой расширение свойственного им круга задач. Также цифровые технологии позволяют обеспечить более надёжное и эффективное управление человеческим потенциалом, что является локально-выгодным как для бизнеса, так и для политики.

В результате, по мнению экспертов, образ цифрового будущего не только занимает центральное место, но также становится всеобъемлющим и всеохватывающим, т. е. базовым элементом общего образа будущего.

2. Меньшая часть экспертов высказала более осторожную позицию — *«образ цифрового будущего есть один из элементов общего образа будущего»*, которая определяется следующими аргументами:

– несмотря на то, что цифровые технологии являются сквозными и значительно влияют на все остальные аспекты, они по-прежнему являются *лишь инструментами* и не создают самостоятельные ценности для людей (за исключением владельцев цифровых технологий) в отрыве от образа будущего;

– цифровизация — лишь *вспомогательный процесс*. Центральным является сам человек и его отношения с другими людьми: любовь, обстоятельства непреодолимой силы, рождения, смерти, войны, социальные обязательства, труд, передвижения. Цифровые технологии облегчают жизнь, делают её более удобной (доступ к информации, быт и пр.), но при этом являются сугубо сервисными и вспомогательными по отношению к просоциальным задачам — формированию прозрачных, понятных отношений государства с гражданами, обеспечению людей равными возможностями, заботе о социально незащищённых людях;

– цифровизация очень важна, но без контекста не будет являться абсолютно определяющей. Кроме того, без контекста цифровизация во многих случаях опасна: полный контроль над обществом по образцу КНР, дальнейшее расслоение общества, замена работников низшего среднего звена искусственным интеллектом без создания дополнительных рабочих мест в других областях;

– на сегодняшний день отсутствует единое понимание реальных пределов развития технологической составляющей «цифрового будущего», равно как и допустимых границ синергии цифровых технологий и человеческой природы, которая по-прежнему остаётся непознанной как с философской, так и с естественнонаучной точки зрения. Будущее человечества само по себе, в свете глобальных угроз, в том числе порождённых цифровой трансформацией, остаётся достаточно туманным. Приоритетное внимание следует уделить изучению антропогенеза в условиях развивающихся биотехнологий, а также формирующихся цифровых угроз как наиболее вероятного вызова глобальной безопасности экзистенциального уровня.

Таким образом, эксперты заняли одну из двух основных позиций. Наиболее многочисленная часть участников исследования отводит образу цифрового будущего центральное место в общем образе будущего, основываясь на нескольких ключевых блоках аргументации. Меньшая группа экспертов приводит свои аргументы в пользу того, что образ цифрового будущего не является центральным элементом общего образа будущего, тем не менее признавая влияние цифровых трансформаций на формирование образов будущего, хотя и в значительно меньшей степени.

В рамках исследования экспертам было предложено определить, *является ли образ цифрового будущего просоциальным*, то есть

нацеленным на решение общественно значимых проблем в пользу общества, или же он является асоциальным и характеризующим цифровое будущее как враждебное по отношению к человеку.

Комплексирование экспертных оценок позволило выделить 3 ключевые позиции по данному вопросу, каждая из которых имеет собственную аргументацию.

1. Позиции о *неоднозначности образа цифрового будущего* придерживается большинство (60 %) опрошенных экспертов. Согласно данной позиции, просоциальность или асоциальность цифрового будущего зависит от множества факторов и условий, каждый из которых обладает потенциалом влияния на конечный результат. Неоднозначность образа цифрового будущего, по мнению экспертов, определяется следующими аргументами:

– технологии являются лишь инструментами в руках людей, и будут ли они использованы просоциально или антисоциально, зависит только от самих людей. Следовательно, образ цифрового будущего может быть и просоциальным, и асоциальным, в зависимости от того, как эти технологии используются и регулируются государством и обществом, как общество управляет этими технологиями, а также от намерений и целей тех, кто влияет на их развитие и использование. Иными словами, цифровые трансформации только усиливают уже существующие тенденции, а источник просоциальности и асоциальности находится в самих людях и их объединениях;

– наиболее вероятным является сценарий, в рамках которого обе тенденции (просоциальная и асоциальная) будут проявляться одновременно, сталкиваясь и конкурируя друг с другом. Например, цифровизация диагностики в здравоохранении, бесспорно, просоциальна, а использование цифровых технологий в организации экстремистской деятельности или поощрении детских суицидов — асоциальна. Просоциальные аспекты цифрового будущего включают в себя возможность решения общественных проблем, улучшение доступа к информации и образованию, инновации в медицине, повышение эффективности экономики, свободное выражение и обмен общественным мнением, открытость коммуникации, упрощение взаимодействия человека с государством, упрощение и расширение множества сервисов и продуктов для людей. В этом контексте цифровые технологии могут служить инструментом для создания более устой-

чивого и справедливого общества. Однако существуют и асоциальные аспекты, которые возникают в результате недостаточного регулирования, неправильного использования технологий или концентрации власти в руках небольшого числа акторов. Это может приводить к угрозам: отслеживанию действий каждого и всех, использованию этой информации в собственных интересах контролирующего субъекта, риску отсутствия защиты частной жизни, созданию монополий, социальным неравенствам, использованию цифровых технологий для влияния и манипулирования, а также иным проблемам;

– *полностью просоциального образа будущего в принципе не существует*, он всегда сопровождается элементами асоциального образа. Такой парадокс можно объяснить тем, что, с одной стороны, власти в любой стране заинтересованы в формировании доверия населения в отношении к своей внешней и особенно внутренней политике (в области здравоохранения, налогов, пенсионного обеспечения, инвестиций и т. д.), поэтому важно показать социально ориентированный образ будущего. С другой стороны, у любого государства есть внешние и внутренние проблемы и интересы, склоняющие его в сторону асоциального применения цифровых технологий. Кроме того, нельзя игнорировать глобальные процессы, факторы социальных, военных и политических конфликтов, в которых асоциальность обеспечивается внешними по отношению к конкретному государству или обществу процессами со стороны враждебно настроенных геополитических оппонентов. Определённую роль в распространении алармистских настроений — киберстрахов и даже киберпаники — также играют нейросети, дипфейки и социальные боты, которые могут применяться и в информационно-военных целях между оппонентами.

При этом, как отметил ряд экспертов, при наличии как положительных, так и отрицательных моментов актуальная ситуация в мире на сегодняшний день в целом склоняется к асоциальному характеру будущего, в связи с чем необходимым представляется создание правильного контекста для большинства технологически развитых государств.

2. Оптимистичной позиции о преобладании *просоциального образа цифрового будущего* придерживается четверть участников исследования, приводя в её защиту следующие аргументы:

– общественное развитие показало, что качество жизни благодаря цифровым технологиям улучшается, появляются новые возможности коммуникации, улучшается безопасность, производится больше информации, она становится совершенно доступной, её качество находится сегодня на абсолютно новом уровне. При этом даже отрицательные стороны цифровизации актуализируют у человека положительные интенции во всех сферах деятельности — креативность, рост умения (и значимость этого умения) коммуницировать, системность видения мира и т. д. В настоящий момент многие опасения по поводу цифровых технологий вызваны представлениями, связанными с недостаточной жизнеспособностью человечности (воспринимаемой субъективно). В случае достаточно глубокой проработки современной проблемы человечности точки сингулярности будут ясно видны и избегаемы каждым осознанным человеком. В таком случае направление развития цифровых технологий будет достаточно предсказуемым, чтобы подчиняться просоциальной политике, индуцированной самими людьми, а не асоциальной политике, навязанной логикой развития цифровых технологий. Кроме того, цифровое будущее просоциально в силу того, что роль цифровых технологий является дополнительной и вспомогательной по отношению к другим процессам, являющимся более значимыми для общества в аспекте обеспечения его просоциальности. При этом все общественные процессы так или иначе имеют под собой одну цель — решение проблем общества. Поэтому цифровые процессы также нацелены на решение общественно значимых проблем, а отдельные асоциальные моменты, которые являются побочным следствием цифрового будущего (гиподинамия, киберпреступность и пр.), имеют локальный характер по отношению к позитивным социальным изменениям.

3. Позиции о преобладании *асоциального образа цифрового будущего* также придерживается незначительное число опрошенных экспертов, опирающихся на следующую аргументацию:

– на сегодняшний день владельцами цифровых технологий выступают собственники средств производства, капиталисты, которые превратились в асоциальный, реакционный класс. Поэтому и контролируемые ими цифровые технологии используются в своем большинстве в асоциальных целях. Основными драйверами и бенефици-

арами цифровых трансформаций являются военные ведомства и различные силовые структуры ведущих технологически развитых стран мира, их военно-промышленный комплекс, а также транснациональные корпорации. На долю последних приходится порядка 80 % зарегистрированных в последние десятилетия патентов и столько же процентов от общемирового объёма инвестиций в НИОКР. Только лишь отождествив интересы упомянутых акторов цифровой трансформации с интересами общества и человека, возможно обеспечить просоциальность цифрового будущего. Однако на данный момент подобный сценарий представляется маловероятным;

– как демонстрирует анализ актуальной практики на примере западных стран, в основе цифрового будущего вероятнее всего будет лежать цифровой (или надзорный — в терминах Ш. Зубофф) капитализм, который направлен на обогащение его создателей (глобальных цифровых корпораций, владеющих цифровыми технологиями, каналами и ресурсами) с одновременной трансформацией общества в более подходящее для сбора «поведенческого излишка». В этом смысле образ цифрового будущего в пределе не выглядит привлекательным, т. к. в нём частные компании (в случае РФ — вероятно, частно-государственные) будут обладать беспрецедентно асимметричными властью и влиянием, подавляющими волю и свободу индивида;

– в настоящее время процессы цифровизации в целом нацелены на удовлетворение потребностей разных социальных страт, однако представители элиты (т. е. правящего класса) получают от этого процесса больше «дивидендов» (автоматизация процедуры сбора налогов и сборов, цифровизация экономики, электронные повестки и т. д.). При этом, если посмотреть на ситуацию глубже, бенефициары цифровых трансформаций на самом деле не учитывают желания и потребности индивидов, а лишь формируют их неявным образом в собственных интересах, которые не позволяют рассуждать о какой бы то ни было просоциальности цифрового будущего;

– в социально-философском контексте негативный сценарий будущего определяется несоответствием современных социальных отношений потребностям общества и его развития. Вызовами выступают такие факторы, как экономическое неравенство, социальная

несправедливость и политическая нестабильность. Будущее может быть определено способностью общества преодолеть эти проблемы, создать устойчивые институты и обеспечить благосостояние для всех граждан. Однако на сегодняшний день не сформировался актор в виде социальной группы, располагающей ресурсами и осознающей свои возможности, который может организовать общественные изменения.

Таким образом, по итогам исследования можно зафиксировать неоднозначность экспертных позиций относительно оценки характера образа цифрового будущего, которая даётся как в просоциальном, так и в асоциальном ключе. При этом участники исследования единодушно констатировали, что подобный характер образа цифрового будущего на сегодняшний день характерен для всех стран, достигших определённого уровня технологического развития. Данное обстоятельство обуславливается наличием глобальных парадигм и лекал развития обществ и государств. Например, на сегодняшний день цифровизация в России осуществляется по лекалам, аналогичным тем, которые используются в западных странах, в результате чего наша страна сталкивается с теми же проблемами и вызовами, что и западные государства. При этом технологический суверенитет России в текущем его толковании воспринимается не более чем замещением зарубежных технологий российскими аналогами.

В ходе исследования участникам был задан вопрос о том, каким должен быть просоциальный образ цифрового будущего России и вокруг каких понятий, идей, представлений он должен выстраиваться.

Следует отметить весьма широкий спектр экспертных ответов на поставленный вопрос, что говорит о том, что задача формулирования эффективного и приемлемого для большинства образа цифрового будущего России является сложной и нетривиальной в аспекте её решения, а отсутствие чёткого и консолидированного представления о содержательных характеристиках подобного рода образа — значимой и актуальной проблемой. При этом самым сложным, но необходимым должно стать детальное и системное изучение и прогнозирование деструктивных явлений и тенденций в сфере цифровизации и принятие опережающих действий. Для этого, по

мнению ряда экспертов, необходимы значительные финансовые, научно-технические и материальные ресурсы.

В первую очередь следует отметить, что ряд экспертов указывает на то обстоятельство, что, хотя полная просоциальность вряд ли достижима, такую цель следует публично поставить в качестве одной из общественно значимых составляющих соответствующего национального проекта с разработкой нетривиальных управленческих инструментов по её достижению. Последнее может стать обязательным условием, поскольку на саморазрешение дилеммы «просоциальное / асоциальное» в рамках общественно-политического развития рассчитывать нельзя.

К числу базовых содержательных характеристик и идей, вокруг которых должен выстраиваться просоциальный образ цифрового будущего России, эксперты отнесли следующие:

- сбережение базовых ценностей человеческой цивилизации, человекоцентричности и гуманизма на основе применения цифровых технологий, исполнение роли своего рода Ноева ковчега, который в состоянии сохранить и в дальнейшем обеспечить развитие всему тому, что делает нас людьми в хорошем смысле, но уже на основе применения цифровых технологий;

- *формирование уверенности в завтрашнем дне, гарантии социальной защиты, социальной стабильности* путём развития цифровых сервисов, делающих за счёт цифрового формата социально значимые услуги более доступными для людей, проживающих в отдалённых районах, более простыми в плане подачи заявления и прохождения административных процедур. Важное значение имеет повышение доверия к государству и бизнесу. При этом проблемы общества и государства должны не замалчиваться, а обсуждаться в конструктивном формате «общество — государство», чему и должны способствовать цифровые технологии;

- *увеличение социальных гарантий* для граждан, занятых в различных сферах производства, *снижение производственных рисков и травматизма*, автоматизация производства, сокращение времени на производство разных видов продукции, связанное с этим *сокращение рабочего времени*;

- построение высокотехнологичного социального государства нового типа, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека;

– обеспечение в условиях цифровых технологических трансформаций устойчивого развития за счёт цифрового и технологического суверенитета;

– *инновации в экономике*: развитие цифровых технологий должно стимулировать инновации в экономике, способствуя устойчивому росту и конкурентоспособности;

– *снижение социального и экономического неравенства* за счёт «правильного» использования цифровых технологий и их доступности для всех слоёв населения; *достижение справедливости и равенства*: технологии должны служить целям социальной справедливости, уменьшению неравенства и обеспечению равных возможностей для всех граждан; *доступ к материальным благам* для граждан России без ограничений по стандартам среднего класса;

– обеспечение доступности информации (знаний) и высококачественного образования;

– *развитие прозрачности и ответственности* при использовании технологий для минимизации злоупотреблений и угроз в отношении личных свобод;

– *осуществление социальной интеграции и организация диалога* в пространстве интернет-коммуникаций, создание возможности для диалога и взаимодействия между разными заинтересованными сторонами;

– обеспечение доступности, прозрачности и удобства коммуникаций гражданина с государством, создание новых эффективных форматов взаимодействия общества и власти, повышение роли мнения отдельного человека при принятии государственных решений на основе новых «умных» технологий, переход к прямому, свободному, гласному, нетайному и деанонимизированному участию в государственном управлении каждого гражданина;

– справедливость, предсказуемость, интенсивное развитие, благосостояние граждан на основе применения цифровых технологий;

– *обеспечение качества жизни* посредством обеспечения доступности социальных и общественных сервисов (от получения выписок и регистрации машин до вызова коммунальных служб, принятия общественных решений на региональном и муниципальном уровнях и удобных процедур выборов);

– забота о человеке и гражданах, их правах и возможностях, создание условий для развития каждого отдельного человека при помощи цифровых инструментов;

– *создание гармоничной и комфортной для человека «умной» среды*, которая будет наилучшим образом раскрывать сильные стороны людей, а также обеспечивать их благополучие в их собственном представлении и благоприятное место в жизни общества с точки зрения самого общества;

– *сохранение природы и её ресурсов* при помощи цифровых решений, переход от эксплуатации природных ресурсов к эффективному и рациональному использованию сберегающих и экологичных цифровых технологий;

– *эффективное сбережение здоровья человека* на основе применения новых технологий в цифровой медицине.

– *просоциальная государственная политика*, направленная на ограничение и контроль за крупными цифровыми компаниями, а также на регулирование применения технологий искусственного интеллекта, стимулирование инвестиций в социально ориентированные цифровые технологии, направленные на развитие новых сфер экономики и общественной деятельности, а также поддержание занятости.

Как можно заметить, спектр идей и представлений, вокруг которых, по мнению участников исследования, должен выстраиваться образ цифрового будущего России, достаточно широк и охватывает разные сферы деятельности государства и общества. Однако комплексирование экспертных оценок позволило нам создать рамочную содержательную модель такого образа, которая может стать основой для формирования просоциальных представлений об образе цифрового будущего страны.

В рамках исследования участникам также было предложено содержательно раскрыть, в чём заключается конструктивный потенциал образа цифрового будущего России для общественно-политического развития страны.

Ответы экспертов во многом коррелировали с их ответами на вопрос о характере образа цифрового будущего. Соответственно, те эксперты, которые определили его как просоциальный или как неоднозначный, с большей готовностью и наиболее полно отвечали на вопрос о его конструктивном потенциале. И наоборот, те участники

исследования, которые указывали на образ цифрового будущего как на асоциальный, с меньшей готовностью отвечали на вопрос о его конструктивном потенциале, а их оценки в основном были негативными.

Комплекси́рование полученных ответов экспертов позволяет выделить следующее конструктивное влияние просоциального образа будущего на деятельность государства, общества и человека:

– *создание высокотехнологичного государства* с сохранением традиционных принципов государственности, способного эффективно обеспечить на новом уровне национальный суверенитет и защитить традиционные ценности общества в условиях глобальных ценностно-смысловых трансформаций;

– *сокращение дистанции* между гражданином, государством и бизнесом, придание *человекоориентированности* государству и бизнесу;

– снижение нагрузки на законодательную и исполнительную власть при управлении процессом цифровой трансформации за счёт общеразделяемых взглядов на будущее, позволив всем сосредоточиться на важных вопросах и уменьшив уровень бюрократии и ненужных проволочек;

– реализация более *социально ориентированной государственной политики* в отношении всех социальных групп за счёт заботы о населении, поддержки социально незащищённых слоёв населения, создания новой комфортной среды обитания человека, улучшения качества жизни за счёт применения цифровых решений в сферах здравоохранения, образования, транспорта и городского планирования, поскольку именно цифровые технологии способны перевести общественные услуги на качественно новый уровень, сделав их более эффективными и доступными для граждан;

– обеспечение своего рода *«цифровой народности»*, которую следует трактовать как необходимость придерживаться при цифровой трансформации традиционного уклада и отвергать иностранное влияние, как необходимость борьбы с западным пониманием индивидуализма;

– формирование просвещённого общества всеобщего процветания;

– *цифровой технологический прорыв*, который должен пронизать разные уровни и аспекты человеческой жизнедеятельности.

Просоциальный образ цифрового будущего будет содействовать *решению масштабных проблем* на уровне всей России (и, возможно, мира в целом). Например, 1) *развитию экономики* на основе цифровых технологий, которые могут стать двигателем для её модернизации, стимулирования инноваций, появления новых отраслей и бизнес-моделей, что на уровне страны приведёт к увеличению конкурентоспособности российских компаний на мировом рынке, обеспечению экономического роста, а на уровне гражданина — к созданию новых рабочих мест и повышению уровня занятости; 2) *улучшению качества образования*, его доступности для граждан и актуальности для рынка труда через интеграцию цифровых технологий в образовательные процессы; 3) *повышению экологической устойчивости* через привлечение систем искусственного интеллекта к управлению ресурсами, повышению энергоэффективности и решению экологических проблем.

При этом часть участников исследования отметила, что просоциальный образа цифрового будущего России состоит из множества параметров желаемого образа, и для ответа на поставленный вопрос нужно прежде всего определиться с тем, 1) каким цифровое будущее станет через 5-10 лет, 2) кто обоснует привлекательность цифровизации как средства решения проблем, имеющих значимость в жизни разных групп населения.

При этом, по мнению ряда экспертов, в процессах формирования просоциального образа цифрового будущего России крайне важно более активно развивать проекты в формате *«история успеха»*. Это касается большинства существующих российских профессий (но в первую очередь — профессий, которые играют большую роль в генерации нового «социального клея»: преподавателей университетов, учёных-исследователей, врачей, учителей в школах, военных, работников правопорядка), чтобы молодёжь знала успешные кейсы и была защищена от алармистских провокаций, информационных манипуляций, направленных на протестную мобилизацию. Государство должно лишь обеспечивать стартовые условия, а молодёжь может работать в любой из профессий. Также важно медийно продвигать такие «истории успеха» в существующей внутренней политике (в отношении науки, образования, культуры, экономики, молодёжной политики, космоса и т. д.) и внешней политике.

Далее участники исследования ответили на вопрос, может ли презентация в публичной сфере образа цифрового будущего России способствовать изменению мышления и поведения указанных ими целевых аудиторий.

Отметим, что ни один из экспертов не дал отрицательный ответ на поставленный вопрос, что может свидетельствовать о значительной роли (в представлении участников исследования) процессов презентации образа цифрового будущего в публичном пространстве России, а также об актуальности, важности и необходимости осуществления соответствующей презентационной деятельности.

В ходе исследования экспертам было предложено сформулировать свои представления и о том, с какими изменениями мышления и поведения целевых аудиторий может быть связана презентация в публичном пространстве образа цифрового будущего России. В качестве таких ключевых потенциальных позитивных изменений эксперты выделили следующие:

– постепенное *формирование убеждённости (поведенческие установки) в позитивном, просоциальном влиянии цифровизации* на реализацию личных и групповых интересов здесь и сейчас, а также в будущем. Комплекс таких убеждений будет способствовать формированию цифрового будущего России в необходимом направлении;

– *повышение гражданской активности, общественной инициативности и уровня участия людей в управлении на местах на основе ясного и прозрачного понимания потенциала цифровых технологий и информационных ресурсов в социально-политической и управленческой сферах;*

– *преодоление барьеров в понимании трансформационных механизмов и поддержка государственных инициатив в сфере цифровых трансформаций, формирование желания участвовать в процессах цифровизации и быть сопричастным к ним, осознание и понимание проводимых политических реформ, обусловленных цифровой трансформацией;*

– *позитивная трансформация системы ценностей и связанных с ними поведенческих установок, основанная на убеждённости в позитивном влиянии просоциальной цифровизации;*

– *формирование привлекательного образа цифрового развития России как высокотехнологичной и конкурентоспособной державы,*

имеющей свой собственный суверенный и при этом просоциальный путь цифрового развития, выгодно выделяющий страну на фоне других государств;

– уменьшение количества конкурирующих в публичном пространстве образов будущего (в том числе и опасных для существования страны);

– *повышение доверия населения к власти, цифровым институтам государства и цифровым инструментам в общественно-политической, социальной и экономической сферах;*

– *появление уверенности в завтрашнем дне у молодёжи, экономически активных слоёв населения, а также снижение антагонизма у «проблемных» социальных групп;*

– *формирование у россиян позитивно значимого представления, раскрывающего для молодого и среднего поколения возможности цифровых технологий, их инновационный потенциал, а у представителей старшего поколения — снижающего чувство страха и недоверие к новым технологиям;*

– *формирование паттернов безопасного цифрового поведения (внимание к приватности персональной информации и недопущение использования собственного цифрового следа третьими сторонами);*

– *повышение доверия к цифровым технологиям, используемым работодателями для повышения эффективности своего бизнеса;*

– *разрушение негативных мифов о цифровизации для устранения субъективных страхов в ожидании цифрового будущего у значительной массы населения страны, а также снижение у протестных аудиторий уровня негативных взглядов, убеждений и представлений для сохранения социальной стабильности в обществе;*

– *формирование и реализация эффективной социальной политики государства на основе лучшего понимания реальных проблем, а также актуальных потребностей, запросов, ожиданий и требований населения. Цифровые инструменты позволяют проводить детальный анализ актуальной социально-экономической и политической ситуации, выработать адекватные прогнозы общественно-политического развития;*

– *осознание важности этического сопровождения и регулирования процессов цифровизации, поскольку этическая регуляция даже*

важнее, чем право, т. к. правовые инструменты сиюминутны, достаточно абстрактны, работают как алгоритмы, не требующие рассуждения. Процессы рассуждения и выработки решения особенно важны как для обучения искусственного интеллекта, так и для осознания человеком самого себя в цифровую эпоху.

Несмотря на в целом высокую оценку конструктивного потенциала просоциального образа цифрового будущего России в общественно-политическом развитии страны, участники исследования также выделили широкий спектр существенных проблем, относящихся к процессу формирования такого образа. К их числу в первую очередь, по мнению экспертов, относятся следующие:

– формирование не образа будущего, а мифов цифровизации: *образ будущего может разойтись с самим реальным будущим*, а осознание этого факта может привести к потере доверия к государству как основному выгодоприобретателю от цифровой трансформации, на почве чего возникнет серьёзный социальный конфликт между государством и обществом;

– формирование образа будущего, в котором превалирует цифровой вектор развития, может привести к *избыточной зависимости от цифровых технологий*, что, в свою очередь, — сформировать высокую степень зависимости государства и общества от технологий;

– *декларирование просоциальных целей* использования цифровых технологий *при фактическом их использовании в интересах элиты*. Использование цифровых технологий и решений исключительно в интересах правящей элиты, формирование режимов цифровых автократий и диктатур, осуществление тотального цифрового контроля за гражданами (камеры для автоматического распознавания лиц, перевод в контролируемый цифровой формат подавляющего объёма информационно-коммуникационных активностей и взаимодействий граждан в ключевых сферах деятельности государства и общества, автоматизированный сбор, анализ и использование цифровых следов пользователей на основе технологий искусственного интеллекта, обрабатываемых контролируемые государством массивы больших данных (Big Data). Как результат — построение отечественной версии надзорного капитализма;

– *недостаток* понятного, грамотного и эффективного объяснительного *контента*, посвящённого разъяснению содержания про-

цессов цифровизации, и *неэффективная презентация образа цифрового будущего* делают процесс цифровой трансформации неясным для большинства людей;

– *быстрота технологических изменений вызывает деградацию традиционных социальных процессов и ценностно-смысловых систем*, являющихся основой жизни общества, а также самого человека — его *редукцию к человеку-юзеру*, который не стремится разобраться и понять, как работают цифровые системы, в результате чего нарастает опасность его деградации;

– *использование цифровых технологий*, в частности искусственного интеллекта, нейросетей или биотехнологий, вызывает тревогу и *обостряет вопросы этики*, а *недостаток этического сопровождения цифровизации* ведёт к размыванию норм и правил социального взаимодействия как между людьми, так и между государством и обществом;

– *неприятие цифрового будущего со стороны отдельных групп общества* в силу критического (негативного) восприятия внедрения цифровых технологий в традиционные сферы жизни, что приведёт к росту протестных настроений и противодействию цифровизации (например, цифровой луддизм);

– *возрастание манипулятивно-пропагандистского потенциала цифровых технологий* (увеличение интенсивности применения в общественном дискурсе фейков и дипфейков, генерируемых искусственным интеллектом и нейросетями), ведущее к росту недоверия к цифровому контенту и цифровым технологиям в целом;

– *разработка со стороны государства неверных стратегий цифровизации*, способных привести к отсутствию движения в сторону цифрового будущего либо смене траектории в аспекте просоциальности цифрового будущего России;

– *угроза технологическому («цифровому») суверенитету из-за информационного вмешательства* различных сил — государств, частных компаний, глобальных технологических гигантов и экстерриториальных организаций, которые способны в силу технологического превосходства доминировать в цифровой среде;

– *слабая координация действий различных акторов цифровизации*, их невысокая мотивация к взаимодействию, риск чрезмерного увлечения своими идеями и видениями цифровизации на фоне недооценки альтернативных взглядов и мнений;

– неготовность государственно-управленческой системы к социальному взаимодействию с обществом в цифровой среде, что при высоком уровне её традиционной формализации принятия и выполнения решений (бюрократизации) может свести к минимуму положительные эффекты от внедрения цифровых технологий в процессы принятия и реализации управленческих решений;

– отсутствие профессиональных компетенций у лиц, принимающих решения в сфере цифровизации;

– *коррупционные риски* при реализации цифровых проектов в режиме имитации цифровизации в процессах освоения бюджетов;

– *ограничение доступа к информации и технологиям* может привести к росту социального неравенства, особенно если доступ будет ограничен для определённых групп населения посредством финансовых, образовательных или технологических барьеров, а также из-за протекционизма властей;

– *компетентностные разрывы* между успешно освоившей цифровые технологии молодёжью и представителями старшего поколения, испытывающими трудности при освоении новых технологий либо не желающими / не умеющими обучаться;

– развитие новых технологий неизбежно сопровождается проблемами технико-технологического характера (сбой в работе оборудования) и социального характера (кибератака), ведущими к нарушению безопасности данных и проблемам конфиденциальности;

– *рост использования цифровых технологий может увеличить риск нарушения приватности граждан*: сбор, хранение и использование больших данных вызывают опасения в области конфиденциальности, поскольку ведут к злоупотреблениям со стороны лиц, владеющих базами данных и алгоритмами обработки цифровых профилей пользователей и их цифровых следов;

– *отсутствие этического сопровождения цифровизации* и понимания значимости этого сопровождения, приводящее к размыванию традиционных норм, правил и принципов социального взаимодействия между людьми, а также между человеком и системами искусственного интеллекта;

– «утечка мозгов» за границу, ослабляющая интеллектуальный потенциал России и её способность к технологическим прорывам в цифровой сфере, что обостряется на фоне санкционной политики технологически развитых держав; это приводит к необходимости

разработки и внедрения собственными силами исключительно отечественных технологий в государственной, экономической, политической и социальной сферах;

Следует констатировать широкий спектр выделенных участниками проблем формирования просоциального образа цифрового будущего России. Названные проблемы связаны с распространением предвзятых убеждений из-за недостатка информации о цифровой трансформации, некритического мышления, негативного опыта или манипулятивных воздействий. При этом большинство из сформулированных экспертами проблем представляются весьма существенными и требующими своего осмысления и разрешения со стороны субъектов цифровизации в России.

Таким образом, по итогам проведённого исследования можно сделать ряд важных выводов. В первую очередь следует заключить, что среди экспертов, принявших участие в исследовании, отсутствует единое понимание сущностных характеристик образа будущего, который является весьма сложным и многоаспектным феноменом. Данное обстоятельство, по нашему мнению, приводит к необходимости концептуализации понятия образа будущего применительно к возможностям его дальнейшего эффективного использования в процессах презентации в публичном пространстве коммуникаций.

По итогам комплексирования полученных в ходе исследования экспертных оценок следует сделать вывод о преимущественно высокой оценке значимости процесса цифровой трансформации как фактора, во многом определяющего содержательные характеристики актуальных образов будущего. При этом большинство участников исследования отводит образу цифрового будущего центральное место в общем образе будущего в силу высокой значимости в настоящее время процессов цифровой трансформации, затрагивающих глубинные основы функционирования современных государств и обществ.

По итогам исследования необходимо указать на высокую степень разнородности экспертных мнений по поводу характера актуального образа цифрового будущего в России, обладающего, по мнению экспертов, как просоциальными, так и асоциальными качествами. Экспертами зачастую фиксируются антагонистичные образы цифрового будущего (публичное / частное; анархичное / тоталитарное; суверенное / колониальное и др.). Соответ-

ственно, различные группы людей являются носителями различных, противоречивых, сталкивающихся и конкурирующих между собою образов будущего, а следовательно, и различных моделей поведения по отношению к цифровизации. Такая неоднозначность представлений о характере образа цифрового будущего и явное наличие в нём асоциальных компонент может порождать значимые риски и угрозы для социального, экономического и политического развития в актуальных условиях цифровых трансформаций. Данное обстоятельство очевидным образом не способствует общественной консолидации, вызывая целый спектр проблем социально-политического характера, что порождает необходимость формирования просоциального образа цифрового будущего уже сегодня. Эксперты считают, что целенаправленное формирование просоциального образа цифрового будущего является достаточно сложным процессом из-за различий в ожиданиях и интересах разных слоёв населения.

Как демонстрируют результаты исследования, просоциальный образ цифрового будущего России должен строиться на широком спектре идей и представлений, затрагивающих разные сферы жизни. В связи с этим возникают дополнительные сложности формирования непротиворечивого и устойчивого образа цифрового будущего, способного выступать объяснительным инструментом происходящих цифровых изменений для разнообразных групп российского социума, характеризующихся существенными различиями в своих ожиданиях, представлениях, интересах и требованиях в отношении цифрового будущего, что может значительно затруднить работу по формированию просоциального образа цифрового будущего России.

Для участников исследования важность формирования просоциального образа цифрового будущего России крайне высока, а его положительный потенциал влияния на общественное сознание россиян представляется очевидным и важным. Эксперты считают, что презентация образа цифрового будущего России в публичной сфере самым непосредственным образом будет способствовать изменению мышления и поведения различных сегментов населения. Вследствие этого осуществление соответствующей презентационной деятельности является актуальной и необходимой общественно-политической задачей. В то же время результаты исследования демонстрируют,

что на сегодняшний день существует широкий спектр проблем, связанных с формированием просоциального образа цифрового будущего России, а сами эти проблемы имеют значимый характер и нуждаются в своевременном осмыслении и разрешении.

5. Сценарии презентации / репрезентации образа цифрового будущего России: от многообразия к просоциальности

На сегодняшний день можно обозначить целый спектр потенциальных вариантов формирования и репрезентации образа цифрового будущего, каждый из которых сопряжён как с возможностями в аспекте развития человека, общества и государства в цифровую эпоху, так и с общественно-политическими вызовами, угрозами и рисками цифровых трансформаций. Предсказывается, что в ближайшее время человечество столкнётся с появлением искусственного интеллекта, который будет неотличим от естественного человеческого; с признанием прав роботов и появлением законов, регулирующих их отношения с людьми; с введением микророботов и микрочипов, в человеческое тело для исправления работы органов и предотвращения болезней и старения; с роботизацией транспорта и производства; с погружением в виртуальную реальность, где сенсорные системы человека не смогут отличить искусственность от реальности. И это лишь малый перечень из многостраничного списка цифровых инноваций.

Цифровое общество в целом понимается как саморазвивающаяся система с непредвиденным, нестабильным поведением. Для его изучения и описания непригодны простые экстраполяции: требуется строить разнообразные варианты развития существующих тенденций. *«Основная идея сценарного метода заключается в том, чтобы не ставить все на кон единого прогноза, а вместо этого тестировать будущие полифонические проекты и планы на основе набора вероятных сценариев»*¹. Сценарии — это не экстраполяция прошлого для предсказания событий, которые произойдут в будущем. *«Сценарии — это истории о том, каким мир может стать завтра, это истории, которые могут помочь нам распознать и адаптироваться к изменяющимся аспектам нашей нынешней среды»*².

¹ Рочняк Е.В. Написание сценариев будущего как один из методов футурологии // Вестник Донецкого нац. ун-та. Серия Б: Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 68–73.

² Schwartz P. The Art of the Long View: Planning for the Future in an Uncertain World. N.Y.: Currency Doubleday, 1996. 288 p.

Создание картины будущего, которая состоит из согласованных, логически связанных событий и последовательности действий, как правило, осуществляется методом сценариев. Это позволяет подготовить набор решений, которые соответствуют различным вариантам развития событий, чтобы быстро и эффективно среагировать на возможные негативные сценарии. Но конечным результатом сценирования является не точная картина завтрашнего дня, а лучшие решения относительно будущего.

Такой метод помогает не только описать картину будущего с разных точек зрения, оценить возможные последствия того или иного варианта, выявить угрозы и разработать стратегию поведения для каждой ситуации, но и выявить тех акторов (а в определённой мере и актантов), которые способны оказать влияние на будущие тенденции. В исследовании построение сценариев формирования образов цифрового будущего было осуществлено с учётом доминирования тех или иных ключевых акторов, обладающих интересами, способностями и ресурсами в формировании общественного мнения российских граждан. Согласимся с мнением А.А. Лавриковой и О.Е. Шумиловой: образ будущего страны выступает в качестве одного из инструментов, с помощью которого политические акторы наделяют смыслом собственные действия¹. В связи с этим, говоря о возможностях формирования и репрезентации образов цифрового будущего, можно выделить сразу несколько потенциальных сценариев:

1. Стихийный сценарий предполагает не целенаправленное конструирование и распространение образа будущего в публичном пространстве, но его репрезентацию в сознании целевых аудиторий контурных представлений и полаганий о цифровом будущем на основе разнообразной информации о существующих цифровых технологиях и векторах их развития, эффектах цифровизации ключевых сфер деятельности государства и общества и соответствующих трендах в рамках данного процесса. Подобный сценарий предполагает неуправляемое отражение в сознании актуальных процессов цифровизации с последующим экстраполированием таких представлений в осмыслении будущего, которые включают в себя зачастую размытые и несистематизированные компоненты, связанные

¹ Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. Образ будущего страны в восприятии различных групп российского общества // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 39–49.

со страхами и надеждами людей в отношении цифрового будущего как такового.

Вероятность данного сценария, как ни парадоксально, может определяться и высокой конкуренцией в «битве за умы» со стороны различных акторов, претендующих на доминирование в публичном пространстве собственной версии цифрового будущего. Столкновение противоречивых и разноплановых по своему содержанию образов цифрового будущего способно создавать эффект «белого шума» и информационной перегрузки, в результате чего у реципиента возникает хаотичная, противоречивая и несистематизированная картина будущего, способная вызывать тревогу в силу формирования ощущения неопределённости и неоднозначности цифрового будущего со всеми возможными рисками, угроза и вызовами цифровизации.

2. Мозаичный сценарий формируется путём целенаправленного и управляемого конструирования в публичном пространстве и последующей репрезентации в сознании представлений о цифровом будущем, упорядоченных и систематизированных в соответствии с общественно-политическими позициями определённых акторов публичного пространства коммуникаций. И здесь важным моментом является то, что такого рода объяснительные модели могут генерироваться и в дальнейшем транслироваться целым спектром акторов, преследующих различные интересы.

Соответственно, и содержательное, а также ценностно-смысловое наполнение объяснительных моделей цифрового будущего может иметь совершенно различные вариации в зависимости от «авторства» таких моделей, служащих лишь инструментом достижения долгосрочных целей бенефициаров программирования цифрового будущего в сознании людей. При реализации подобного сценария возникают риски социальных и общественно-политических расколов между носителями разных образов будущего по поводу желаемого цифрового будущего и стратегий его достижения в силу наличия дихотомии, связанной с цифровым развитием государства и общества (публичное / частное; анархичное / тоталитарное; суверенное / колониальное и т. д.).

3. Суверенный сценарий формирования и репрезентации образа будущего государственными и общественными акторами в соответствии с национальными целями и приоритетами своего существования и развития, т. е. просоциального образа цифрового будущего,

непротиворечиво отвечающего интересам и потребностям как личности, так и общества и государства. Просоциальный образ цифрового будущего представляет собой вид представления о будущем, который акцентирует внимание на том, как цифровые технологии и инновации могут использоваться для благотворного воздействия на общество, на окружающую среду и на жизни людей. Этот образ будущего фокусируется на преимуществах и потенциале цифровизации для решения социальных, общественно-политических, экологических и экономических проблем. В просоциальном образе цифрового будущего цифровые технологии содействуют устойчивому развитию, используются для улучшения качества жизни, обеспечения социальной справедливости и решения общественных проблем: повышения доступности образования и медицинской помощи, минимизации социальных конфликтов.

Данный сценарий представляется нам в качестве «идеального», способного купировать потенциальные противоречия между носителями различных и зачастую несовместимых между собой образов цифрового будущего. Одним из важнейших факторов, влияющих на возможности формирования и репрезентации такого просоциального образа, является доминирование государства и его институтов в публичном пространстве, что позволяет обеспечить единую картину будущего для государства и общества в целом, консолидировать усилия по достижению желаемого цифрового будущего.

Но необходимо выделить и проблемы, связанные с реализацией данного сценария. Так, стремление государства к устойчивому, стабильному и бесконфликтному развитию может быть сопряжено с возможностями установления режимов цифрового контроля, цифровой диктатуры, цифрового тоталитаризма, что, с одной стороны, может обеспечить тотальное доминирование государственных институтов власти в публичном пространстве (и даже полную монополизацию публичной сферы общественно-политических коммуникаций) и способность к формированию и репрезентации единого «просоциального» (по названию, но не содержанию) образа цифрового будущего (в интересах исключительно самого государства), но, с другой стороны, вряд ли будет способствовать развитию самого общества и его институтов, кардинальным образом снижая свободу граждан в цифровом мире. В этой связи в качестве важного фактора

обеспечения действительно просоциального (и по названию, и по содержанию) образа цифрового будущего выступает добросовестность элит, их национальная ориентированность.

Отсюда следует вывод о том, что содержательное наполнение просоциальных образов цифрового будущего не гарантирует комфортного цифрового будущего как такового (в разрезе реализации интересов общества и его отдельных представителей). Содержание просоциального образа цифрового будущего, безусловно, влияет на то, в каком мире будет жить рядовой гражданин, но на первый план в данном случае выходят ценностно-смысловые характеристики национальных элит и их интересы, ориентированность на сохранение власти или же на демократическое развитие государства и общества. Иными словами, существуют риски создания «просоциального» образа цифрового будущего в «красивой обёртке», подразумевающего в процессе движения к нему формирование цифровых диктатур.

4. Компульсивный сценарий реализуется путём внешнего конструирования образа цифрового будущего со стороны других государств, зачастую выступающих геополитическими оппонентами и даже противниками по отношению к государству-«мишени». В этом случае навязываемый образ будущего, при его репрезентации в сознании населения, может привести к деструкции национального смыслового пространства. Очевидно, что подобный сценарий имеет высокий потенциал реализации в случае отсутствия у государства национального суверенитета, в первую очередь — технологического, в результате чего массовые представления о возможностях и тенденциях применения цифровых технологий в деятельности личности, общества и государства формируются исключительно в интересах внешних акторов, владеющих как самими цифровыми технологиями, так и необходимыми инструментами презентации образов цифрового будущего в национальном пространстве публичных коммуникаций.

В условиях реализации практик современного цифрового неокOLONиализма, когда технологически развитые страны Запада активно формируют представления о цифровом будущем в странах, традиционно рассматриваемых ими лишь как колонии, обладая при этом монополией на цифровые технологии и глобальные

цифровые ресурсы, т. е. контролем над публичным пространством (как традиционным, так и цифровым), реализация подобного сценария в ряде стран, не обладающих национальным технологическим суверенитетом, представляется более чем вероятной. По сути, «битва за умы» приобретает геополитический характер. Неслучайно Президент Российской Федерации В.В. Путин в своём выступлении 22 февраля 2021 года отметил: *«Глобальное цифровое пространство уже стало полем весьма жёсткого геополитического соперничества В этих условиях нам нужна долгосрочная выверенная стратегия действий по защите национальных интересов в цифровой сфере, основанная на прогнозировании ситуации, на учёте потенциальных рисков для общества и государства»*¹.

5. В рамках **транснационального сценария** предполагается, что в качестве субъектов формирования образов цифрового будущего выступают транснациональные технологические корпорации, обладающие потенциалом влияния на сознание людей посредством использования в собственных интересах принадлежащих им цифровых технологий, сервисов, платформ и информационно-коммуникационных ресурсов, число пользователей которых измеряется на сегодняшний день сотнями миллионов и миллиардами. Особого внимания здесь заслуживает тот факт, что сами корпорации и стоящие за ними бенефициары всё в более высокой степени, активно и явно начинают артикулировать свои политические предпочтения и экономические интересы (в качестве примера можно привести блокировку аккаунтов Дональда Трампа после выборов президента США в 2020 году, в результате чего он оказался в определённом смысле депривированным в цифровом пространстве, лишившись сотен миллионов последователей на цифровых площадках. Ещё одним примером выступает фигура известного бизнесмена Илона Маска, который в последнее время оказывает всё большее общественно-политическое влияние в США и ряде других стран мира.

¹ Президент РФ: России необходима долгосрочная стратегия действий по защите национальных интересов в цифровой сфере (Опубликовано 24.02.2021) // Digital Russia: Ежедневное онлайн-издание (D-russia.ru) — URL <https://d-russia.ru/prezident-rf-rossii-neobhodima-dolgosrochnaja-strategija-dejstvij-po-zashhite-nacionalnyh-interesov-v-cifrovoj-sfere.html> (Дата обращения 06.11.2023).

В подобных условиях реализация транснационального сценария формирования образов цифрового будущего технологическими корпорациями может иметь свои существенные угрозы и риски в общественно-политическом пространстве на глобальном уровне, т. к. данный сценарий с высокой степенью вероятности не будет учитывать интересы граждан, общества и государства, будучи направленным на достижение целей самих технологических корпораций, а также их владельцев и бенефициаров. Как отметил экс-министр цифрового развития РФ Константин Носков, *«у нас на сегодняшний день Google или Facebook как корпорации строят “цифровой тоталитаризм”, но уже не в масштабах страны, а в масштабах всего мира»*¹.

Неслучайно сегодня одной из популярных концепций современного технологического развития (цифровой трансформации) является концепция Ш. Зубофф, определяемая ею как капитализм слежения (надзорный капитализм)². В своей работе Ш. Зубофф убедительно демонстрирует, как глобальные технологические корпорации на основе присвоения цифрового опыта пользователей осуществляют, по сути, глобальный контроль над тем, какую информацию, где и как будут получать миллиарды людей по всему миру. Процессы информационного потребления, а следовательно, и субъективные представления, включая образы будущего, а также поведение онлайн-пользователей становятся объектом контроля и управления при помощи глобальных цифровых платформ и используемых ими цифровых инструментов слежения, анализа, контроля, поисковой выдачи и фильтрации контента.

Отметим, что в данном случае одним из возможных вариантов развития события является гибридизация, в рамках которой происходит «сращивание» глобальных корпораций, обладающих технологическими возможностями и ресурсами, с государственными системами управления, обладающими, в свою очередь, необходимой легитимностью для обеспечения доминирования «государственно-

¹ Фейнберг А., Гордеев В. Глава Минкомсвязи рассказал о «цифровом тоталитаризме» Facebook и Google (Опубликовано 08.12.2018) // РБК — URL https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/12/2018/5c0ba6899a7947191a5bfd8a?from=newsfeed (Дата обращения 13.11.2023).

² Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 784 с.

технологических» режимов в публичном пространстве и контроля над сознанием собственных граждан, а также над сознанием населения стран, не обладающих цифровым технологическим суверенитетом. Очевидно, что в условиях подобного «сращивания» и гибридации традиционных политических режимов контроль за процессами формирования и образов цифрового будущего со стороны политико-технократических элит становится неизбежен.

6. Наконец, ещё одним сценарием, который ещё вчера мог казаться фантастическим и не обладающим потенциалом для своей реализации, выступает **артифициальный сценарий**. Его реализация есть результат открывшейся технологической возможности «умных» цифровых актантов, функционирующих на основе алгоритмов искусственного интеллекта и нейросетевых технологий, самостоятельно вступающих в информационно-коммуникационное взаимодействие с живыми людьми в автоматическом режиме в формате 24/7. Сегодня однозначно можно утверждать, что новые системы искусственного интеллекта усиливают влияние цифровых технологий и сервисов на ценностные установки людей¹.

Несмотря на то, что данный сценарий во многом представляется нереалистичным и фантастическим, эволюция «умных» технологий формирует в академическом дискурсе вопрос о новом измерении общественно-политической субъектности.

Одной из основных возможностей применения «умных» технологий в процессах формирования образов цифрового будущего является их способность на основе анализа цифровых следов пользователей и массивов Big Data осуществлять эффективное таргетированное информационное воздействие на сознание человека, адаптировать автоматически генерируемый контент к субъективным особенностям реципиентов или групп реципиентов с целью формирования определённых представлений в их сознании.

И если сегодня алгоритмы, на основе которых работают цифровые AI-актанты и нейросетевые комплексы, во многом отражают интересы владельцев алгоритмов, формируя предпосылки для установления режимов аллократии (власти алгоритмов), то насколько

¹ Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 113–133.

можно быть уверены в том, что уже в ближайшей перспективе, по мере развития «умных» технологий, алгоритмы по-прежнему будут оставаться под контролем человека и служить его интересам, а не станут в автоматическом режиме бесконтрольно трансформироваться самими цифровыми актантами на основе их собственных суждений о том, каким должно быть цифровое будущее человека?

При этом возникает ещё один важный вопрос: на основе каких ценностей «умные» актанты будут осуществлять информационное влияние на представления человека о его цифровом будущем, какие модели человеческого поведения в связи с этим будут программироваться системами искусственного интеллекта (нейросетями)?

Как можно заметить, на сегодняшний день существует целый спектр возможных сценариев формирования и репрезентации образов цифрового будущего, каждый из которых имеет значительный потенциал для своей реализации.

Возможные сценарии развития ситуации являются базовыми вариантами, определяемыми тем спектром акторов, которые способны принять конкурентное участие в процессах конструирования образов будущего и их трансляции в пространство публичных коммуникаций. Безусловно, существуют и иные описания возможных вариантов развития исследуемого объекта, в связи с чем результаты проведённого сценирования позволяют говорить о том, что формирование и репрезентация просоциального образа цифрового будущего — лишь один из возможных сценариев в числе многих других, сопровождающихся существенными рисками, угрозами и вызовами, в том числе в общественно-политической и социальной сферах деятельности и развития современного государства и общества.

Формирование образа будущего — процесс, в котором в разной степени участвуют различные акторы публичного пространства, которые играют значимую роль в популяризации цифровых альтернатив, в продвижении достижений в области цифровых технологий и формировании цифрового ландшафта. В связи с этим участникам исследования было предложено определить, кто должен являться агентами влияния, а также какова должна быть их роль в процессах подобной презентации.

По итогам комплексирования полученных в ходе исследования экспертных ответов можно выделить целый спектр таких агентов влияния:

– *государственные органы власти*, которые играют ключевую роль в определении стратегических направлений развития цифровых технологий, способствующих устойчивому и справедливому развитию, обеспечивают условия для трансляции в образе цифрового будущего России в публичном пространстве. По мнению экспертов, в рамках государственной политики органы должны разрабатывать и осуществлять мероприятия, которые будут способствовать устойчивому и справедливому развитию цифрового общества;

– *бизнес-сообщество*, включая крупные и малые предприятия, стартапы, использующие цифровые технологии, активно формирующее цифровые компетенции у трудоспособного населения, стремящегося к карьере;

– *образовательные учреждения*, играющие важную роль в подготовке кадров, и *научное, академическое сообщество*, исследующее последствия цифровой трансформации, которые могут транслировать содержательные компоненты образа цифрового будущего через образовательный процесс, публичные выступления и научные материалы;

– *редакции массмедиа, инфлюэнсеры социальных медиа и видеохостингов, журналисты, блогеры, медийные персоны*, которые через новостную повестку оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения, а также вырабатывают массовые представления и ожидания, в связи с чем их роль в качестве агентов влияния в аспекте воздействия на систему представлений и ожиданий потребителей информации является крайне значимой;

– *общественные организации, лидеры общественного мнения и гражданские активисты*, влияющие на общественное восприятие цифровизации, поскольку могут играть значительную роль в мониторинге и оценке воздействия цифрового развития на общество, а также в повышении осведомлённости об общественных аспектах цифровых технологий, влияя тем самым на интерпретацию процессов цифровизации, происходящих в массовом сознании. При этом, по мнению экспертов, необходимо соблюдение баланса участия государства и общественных организаций в процессах презентации образа цифрового будущего, т. к. в противном случае такой образ может оказаться значительно смещённым в ту или иную сторону;

– *профессиональные ассоциации*, чьи представители обладают потенциалом влияния как внутри таких ассоциаций, так и вовне;

– *эксперты в области цифровой и культурной трансформации, специалисты в области мышления и поведения людей*, которые, отталкиваясь от понимания выгоды цифровизации для государства, бизнеса и общества, формируют сценарии и стратегии (win-win стратегии) цифровых трансформаций;

– *российские фабрики мысли*, разрабатывающие стратегии, концепции и модели цифровизации в национальных интересах и способные оказывать идейное влияние на лиц, принимающих решения в политике, экономике и государственном управлении;

– *известные российские деятели культуры*, способные активно влиять на сознание массовых аудиторий (убеждения, представления, ожидания, интерпретации происходящих вокруг процессов цифровизации) на ценностно-смысловом уровне.

При этом, как отмечают участники исследования, роль государственных органов в формировании просоциального образа цифрового будущего должна быть определяющей, а роль других обозначенных агентов влияния должна быть несоизмеримо более активной, чем сегодня. Таким образом, эксперты склоняются к необходимости перехода в Российской Федерации к суверенному сценарию формирования образа цифрового будущего при значительной роли иных агентов влияния. При этом следует помнить, что формируемый образ будущего «делает определённые варианты будущего материально возможными и вероятными. Но при этом идёт ограничение количества вариантов будущего, которые потенциально возможны»¹. Это выводит нас на поливариативность образа цифрового будущего.

Для успешного решения задачи по презентации просоциального образа цифрового будущего России необходимо предоставление данным акторам доступа к популярным медиаресурсам, что позволит транслировать объяснительный контент происходящей цифровизации в сознание целевых аудиторий информационного воздействия. Ключевую роль выделенных агентов влияния эксперты видят в следующем:

– популяризация цифровых альтернатив традиционным практикам и ритуалам в ключевых сферах деятельности государства и общества;

¹ Tonkinwise C. Design Away // Design as Future-Making. L.: Bloomsbury Academic, 2014. P. 204.

- продвижение в медиа достижений российских исследовательских групп, связанных с передовыми областями цифровых технологий;
- создание цифрового ландшафта профессиональной коммуникации и вовлечение в него тех пользователей, которые страдают от недостатка обмена идеями и опытом;
- наполнение публичного пространства просоциальными интерпретациями происходящих процессов цифровизации;
- просветительская и популяризаторская деятельность, направленная на формирование просоциальных представлений об образе цифрового будущего;
- формирование понятных и социально одобряемых объяснительных моделей окружающей реальности, связанных с позитивно значимой ролью цифровых трансформаций в жизни людей;
- трансляция в публичном пространстве позитивных кейсов (историй успеха) цифровизации в различных сферах деятельности государства и общества;
- демонстрация взаимосвязи успешности человека с его способностью использовать цифровые технологии в собственных интересах.

В связи с этим для обеспечения гармоничного развития человека, общества и государства в условиях цифровых трансформаций представляется необходимым формирование просоциального образа цифрового будущего, способного консолидировать на национальном уровне представителей общественных, деловых и государственных структур. Просоциальный характер образа будущего способен не только определять рамки альтернатив и возможностей понятного, бесконфликтного цифрового развития в национальных интересах для органов государственной власти, но и обеспечивать консолидированное принятие такого просоциального будущего обществом, подкреплённое соответствующими моделями общественно-политического поведения.

На наш взгляд, формирование в публичном пространстве и репрезентация просоциального образа цифрового будущего являются одними из ключевых задач современной государственной политики, решение которых необходимо для обеспечения успешного, бесконфликтного вхождения в цифровое будущее без деструкции традиционных ценностей общества. Задача формулирования

просоциального образа цифрового будущего России, его идейного содержания занимает особое место в общественно-политической повестке. При этом широкое вовлечение всех заинтересованных сторон (экспертов, граждан, неправительственных организаций) способствует расширению видимости будущего¹. Только в этом случае цифровые технологии будут работать в национальных интересах, на благо общества и каждого отдельного человека.

Однако решение данной задачи не является простым и тривиальным вопросом в силу наличия значительного числа акторов, преследующих собственные разнонаправленные цели и интересы и обладающих необходимыми для формирования в публичном пространстве образов цифрового будущего, согласующихся с их интересами. Ключевым фактором успеха в решении указанной задачи, по нашему мнению, является наличие технологического (цифрового) суверенитета страны, претендующего на отстаивание в настоящем и проецирование в будущее национальных целей и интересов, а также национальных элит, способных сформулировать эти цели и интересы так, чтобы соблюдался баланс жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Как нам представляется, в рамках реализации государственной политики по поддержке цифрового развития российского общества возникает необходимость разработки *видения цифрового будущего* как идеального образа желаемого состояния человека, общества и государства в будущем, которое станет ориентиром для общественного развития. В отличие от образа, *видение* содержит возможные пути и конкретные рекомендации для достижения желаемого идеала, которые можно выработать в рамках методологического подхода, предусматривающего разработку динамических сценариев будущего с учётом стратегий ключевых игроков². Привлекательность будущего состояния общества позволяет рассчитывать на формирование желания у населения искать новые возможности

¹ Nikolova B. The rise and promise of participatory foresight // European Journal of futures research. 2014. Vol. 2. № 1. P. 1–9.

² Chulok A. Applying blended foresight methods for revealing incentives and future strategies of key national innovation system players // Engineering Management in Production and Services. 2021. Vol. 13, № 4. P. 160–173.

Miles I., Saritas O., Sokolov A. Prospectiva para ciência, tecnologia e inovação (NED-New edition). Rio de Janeiro: SciELO — Editora FIOCRUZ. 2021. 387 p.

для повышения эффективности своей деятельности и обеспечить более высокую вероятность успеха в достижении поставленных целей.

Видение пытается создать сценарий будущего, проецируя свои желания (и желания других) вперёд во времени. Видение позволяет как фокусировать внимание стейкхолдеров на единой долгосрочной цели¹, так и согласовывать их образы цифрового будущего страны, что обеспечивает единое понимание перспектив; это в свою очередь обеспечивает общественное развитие России с учётом её перспектив технико-технологического развития. Именно в этом случае видение будущего способно консолидировать заинтересованные стороны цифровой трансформации и мотивировать на достижение просоциального цифрового будущего.

Образ будущего имеет важное значение для общественного развития, поэтому он должен быть представлен в публичном пространстве. Участникам исследования было предложено отдельным пунктом сформулировать свои мнения о том, какие медийные инструменты являются приоритетными в процессах презентации представлений о цифровом будущем России в пространстве публичных коммуникаций.

В целом большинство экспертов придерживается позиции, согласно которой требуются не принципиально новые медийные инструменты как средства для создания, распространения или представления контента в медиaprостранстве, а *кратное повышение интенсивности уже существующих инструментов, обеспечение непрерывной повторяемости информационного воздействия на общественное сознание в рамках формирования и продвижения представлений о цифровом будущем.*

Среди каналов продвижения информации, позволяющей конструировать представления о цифровом будущем, участники исследования в качестве приоритетных выделили социальные сети, новостные ресурсы, транслирующие прежде всего визуальные и аудиальные описания того, к чему следует стремиться и как этого достичь. Также, по мнению экспертов, нельзя игнорировать развитие телевидения и радио в цифровом формате и их проникновение в сеть Интернет. В рамках их сетки вещания необходимо создавать

¹ Байдаков С.Л. Стратегическое видение территории VS «идеальный мир» // Инновации в менеджменте. 2020. № 1(23). С. 16–21.

тематические просветительские программы по профильным темам. Однако для того, чтобы подобные программы были востребованы массовой аудиторией, необходима диагностика актуальных потребностей, интересов, ожиданий и запросов целевых аудиторий воздействия, связанных с цифровой проблематикой. В противном случае, как отмечают участники исследования, медиакорпорации будут продвигать исключительно выгодные им темы.

Помимо уже названных выше медиаинструментов презентации представлений о цифровом будущем, эксперты также выделили кинематограф (фильмы и сериалы о цифровом будущем), мультипликацию, видеоигры, комиксы (графические романы) и др. Кроме того, для участников исследования важным представляется фактор информационного влияния влогеров, стримеров и блогеров, собирающих на сегодняшний день значительные аудитории подписчиков.

Эксперты также считают необходимым использование традиционных способов трансляции информации: создание художественных и научно-популярных произведений профильного характера, публичные выступления популярных экспертов, лидеров общественного мнения, специалистов, учёных и представителей крупного бизнеса в цифровой сфере, в т. ч. в формате ток-шоу и просветительских лекций, освещение реальных успешных кейсов цифровизации («истории успеха»).

Медiateксты могут упрощать сложные технологические концепции, делая их более доступными для общественности и влияя на её восприятие и отношение к цифровой трансформации. Массовая культура, включая кинофильмы, книги и телевизионные шоу, часто представляет разнообразные футурологические сценарии. Образы могут варьироваться от утопических до антиутопических, и каждый из них демонстрирует различный фокус восприятия будущего. Например, изображение продвинутой интеллектуальной системы (искусственного интеллекта) в популярной культуре как повысило осведомлённость о её потенциале, так и вызвало дебаты о её этических аспектах. Такие нарративы могут служить катализатором общественной дискуссии, поскольку подчёркивают потенциальные опасности и риски, а также возможности технологических достижений.

В цифровую эпоху роль массмедиа выходит за рамки подачи новостей. Они превращаются в организаторов интерактивного кон-

структивного публичного пространства коммуникаций, где идёт обсуждение общественно значимых проблем. Традиционные массмедиа могут сыграть решающую роль в формировании просоциальных представлений о цифровом будущем, подготовке информативных и сбалансированных материалов и их представлении в публичном пространстве. Тем самым они могут способствовать формированию более информированных граждан, вовлечённых в процессы решения общественных задач.

С другой стороны, вездесущность цифровых технологий привела к тому, что каждый человек имеет неограниченный доступ к огромным объёмам информации, но при этом ему всё труднее отличить правду от лжи. Требования эпистемической безопасности предполагают обеспечение сохранности знаний, а значит, эта концепция пронизывает все сферы и уровни деятельности как субъекта, так и общества. В эпоху постправды некоторые тенденции создают угрозы эпистемической безопасности, частично совпадающие с угрозами фальшивых новостей¹. К ним относятся дефицит внимания и информационная перегрузка, сформировавшие «экономику внимания»: государства, журналисты и различные участники социальных процессов вынуждены жёстко конкурировать за внимание аудитории. Наиболее эффективной стратегией привлечения внимания стала апелляция к эмоциям и существующим убеждениям, а не к аналитическому анализу. Кроме того, формируется ограниченная рациональность, когда индивиды, погружённые в социальные медиа, начинают извлекать из медиапространства не только информацию для последующего осмысления, но и контент, то есть знания и смыслы, в ущерб собственному осознанию содержания. В этой связи информация играет своего рода паразитарную роль. Таким образом проблемы, связанные с кибербезопасностью и конфиденциальностью данных, меняют ландшафт информационной политики.

В качестве инновационных площадок для конструирования представлений о цифровом будущем и его презентации в публичном пространстве коммуникаций эксперты выделяют метавселенные (например, в рамках функционирования портала «Госуслуги»

¹ Гуров О.Н., Хвесюк Л.М. Угрозы эпистемической (смысловой) безопасности: перспективы образования // Морозовские чтения: международный научно-практический семинар. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2023. С. 38–43.

возможно расширение его функционала до формата метавселенной), а также проактивное развитие автоматизированных систем на основе СНИЛС.

При этом любое информационное воздействие, как отметила значительная часть экспертов, должно быть чётко таргетировано на различные целевые аудитории в силу наличия у них порой принципиально разных и противоречивых представлений, ожиданий и интересов применительно к цифровому будущему.

Особо следует обратить внимание на экспертную позицию, согласно которой можно использовать любые доступные медийные инструменты, но обращения они должны быть в первую очередь *не к будущим его «пользователям», а к обобщённой группе «идеологов» и «разработчиков»* платформ и кроссплатформенных решений, которые будут представлять собой проектируемое «цифровое будущее». Как заметил один из экспертов, принявших участие в исследовании, *«я не вижу принципиальной необходимости конструировать представления будущих пользователей о цифровом будущем в условиях, когда у самих заказчиков и разработчиков упомянутого просоциального цифрового будущего нет чёткого понимания его содержательных контуров»*.

Вследствие этого важным представляется формирование представлений не только в массовых целевых аудиториях «потребителей», но и в целевых аудиториях субъектов цифровых трансформаций, чья деятельность способствует формированию цифрового будущего.

В связи с этим, помимо определения того, кто должен являться агентами влияния в рамках презентации образа цифрового будущего России в публичном пространстве, участникам исследования было предложено определить, на кого должно быть направлено информационное воздействие. Отвечая на вопрос о том, каким целевым аудиториям необходимо презентовать образ цифрового будущего России, участники исследования выделили достаточно широкий спектр таких аудиторий, что свидетельствует о сложности и нетривиальности решения задачи по формированию единых просоциальных представлений о цифровом будущем среди россиян.

В первую очередь наиболее многочисленная часть экспертов выделила такую приоритетную целевую аудиторию, как *молодёжь*,

включив в неё дошкольников, школьников, студентов, а также «молодых взрослых» (18–30 лет). Аргументация выделения данной аудитории является весьма простой, но в то же время достаточно убедительной — именно представители молодых поколений непосредственно столкнутся в своей жизни с тем цифровым будущим, которое сегодня закладывается. В ходе исследований выявляются две проблемы: 1) у молодых людей нет представлений о передовых технологиях; 2) они не осознают своей личной ответственности за будущее цифрового общества¹.

Одновременно с этим эксперты определили и иные аудитории презентации образа цифрового будущего России:

– *идеологи и разработчики* прикладных цифровых платформ и кроссплатформенных решений «цифрового будущего», от действий которых во многом зависит дизайн цифрового будущего;

– *бизнес-сообщество*, представители которого заинтересованы в развитии инноваций, повышении производительности и создании благоприятного бизнес-окружения на основе цифровых технологий;

– *научное и образовательное сообщества*, представители которых являются, по мнению ряда участников исследования, — важная аудитория для представления просоциального образа цифрового будущего. Кроме того, данная социальная группа сама выступает «агентами влияния» при формировании знаний и навыков в области цифровых технологий, демонстрации преимуществ и возможностей цифровизации в разных профессиональных сферах подготовки студентов. Как отметил ряд участников исследования, необходима отдельная качественная работа в вузах — от презентации просоциального образа цифрового будущего России в общем виде до презентации преимуществ и возможностей цифровизации в разных профессиональных сферах подготовки студентов.

– *представители официальных органов власти*, в том числе регулирующие и контролирующие ведомства, в компетенции которых находится регулирование использования цифровых технологий. Кроме того, к данной группе эксперты относят и представителей законодательных органов власти, в компетенции которых находится

¹ Meshcheryakova N., Zeremskaya Yu., Maksimova N. Launching into future // The European proceedings of social & behavioural sciences: International Conference. Vol. 26. — Tomsk: Future Academy, 2017. P. 654–660.

разработка законодательно-нормативной базы использования цифровых технологий, что самым непосредственным образом может влиять на возможности, ограничения и особенности процессов формирования цифрового будущего в России;

– *общественные организации, гражданские активисты и лидеры общественного мнения*, особенно те, кто занимается правами человека, социальными вопросами и устойчивым развитием. Они могут, по мнению ряда экспертов, оказывать на горизонтальном уровне в формате неформальных коммуникаций значительное влияние на настроения граждан и их представления об образе цифрового будущего России.

– *средства массовой информации и блогеры*, для которых важно сформировать систему просоциальных представлений о цифровом будущем, на основе которой они будут готовить материалы и их презентацию в публичном пространстве. Важно предоставить им информацию для создания информативных и сбалансированных материалов о цифровом будущем, а также сформировать у них самих систему просоциальных представлений о цифровом будущем, на основе которой они будут осуществлять интерпретацию информации и её презентацию в публичном пространстве;

– *молодые специалисты, занятые как в сфере информационных технологий, так и в сферах материальных производств*, которые особо заинтересованы в использовании цифровых технологий в рамках своих карьерных и жизненных траекторий. Они способны обеспечить положительную обратную связь при использовании цифровых технологий, сервисов и устройств: удовлетворение их потребности в цифровых новшествах приводит к формированию новой потребности, а рост потребностей постоянно развивает производство, поскольку необходимо производить то, в чём нуждается человек, а далее развитие производства, технологические изменения в обществе расширяют круг желаний человека;

– *убеждённые противники технологий всех возрастов*, которые могут не только игнорировать и саботировать процессы цифровых трансформаций, но и активно препятствовать цифровизации важных сфер общества и государства, формировать протестный потенциал и тем самым оказывать влияние на параметры цифрового будущего страны;

– так называемый *креативный класс*, обладающий значительными асоциальными интенциями и во многом игнорирующий социальные запросы и ожидания основной массы населения.

В итоге участники исследования сформулировали целый спектр ключевых аудиторий презентации просоциального образа цифрового будущего России. При этом следует отметить, что данные аудитории характеризуются отличиями в своих ожиданиях, представлениях, интересах и требованиях в отношении цифрового будущего, что может значительно затруднить информационно-коммуникационную работу по формированию образа цифрового будущего России. Молодёжь особенно заинтересована в использовании цифровых технологий в своей карьере и жизненной траектории. Их взаимодействие с социальными сетями может существенно повлиять на мобилизацию общественного мнения. Однако не все слои общества одинаково восприимчивы к цифровой трансформации. Есть и те, кто является ярким противником технологий, кто может игнорировать, саботировать или активно сопротивляться цифровизации важных общественных и государственных секторов. Такие люди могут формировать протестный потенциал, влияющий на параметры цифрового будущего страны. Такое влияние может быть как положительным, так и отрицательным, в зависимости от того, конструктивно или деструктивно представители этого сегмента взаимодействуют с цифровым сообществом.

Таким образом, на сегодняшний день в общественно-политическом дискурсе существуют различные сценарии формирования в публичном пространстве и репрезентация образа цифрового будущего в массовом сознании населения. К основным из можно отнести **стихийный, мозаичный, суверенный, компульсивный, транснациональный и искусственный сценарии**. Как показывают результаты исследования, эксперты склоняются к необходимости перехода в Российской Федерации к суверенному сценарию формирования образа цифрового будущего, при котором государственные органы должны играть ведущую роль в создании просоциального образа цифрового будущего страны, но роль других агентов влияния не должна нивелироваться, став, напротив, более заметной и деятельной.

Экспертный опрос в сфере академического сообщества и отечественного бизнеса показал, что формируемый просоциальный образ

цифрового будущего должен целенаправленно транслироваться в публичном пространстве коммуникаций, а для конструирования просоциальных представлений о цифровом будущем необходимо использовать различные каналы коммуникации, включая социальные сети, новостные ресурсы, видеохостинги, кинематограф, мультипликацию, видеоигры, комиксы. В качестве инновационных каналов конструирования представлений о цифровом будущем эксперты выделяют метавселенные (цифровые платформы), на которых разворачивается виртуальное социальное взаимодействие человека с интеллектуальными системами (техноакторами). Как отметила значительная часть экспертов, любое информационное воздействие должно быть таргетировано на целевые аудитории из-за различий в представлениях, ожиданиях и интересах применительно к цифровому будущему. Эксперты выделяют в качестве приоритетных целевых аудиторий молодёжь. Но им также представляется актуальным формирование представлений не только в массовых целевых аудиториях «потребителей», но и в целевых аудиториях субъектов цифровых трансформаций и формирования цифрового будущего. Роль государственных органов власти, бизнес-сообщества, образовательных и научных институтов, массмедиа, общественных организаций, лидеров общественного мнения и гражданских активистов, экспертов в области цифровой и культурной трансформации считается важной. Для успешного решения задачи по презентации просоциального образа цифрового будущего России необходимо предоставить данным агентам влияния доступ к популярным медиаресурсам, чтобы они могли проводить просветительскую и популяризирующую деятельность, направленную на формирование просоциального образа цифрового будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ цифрового будущего влияет на восприятие сегодняшнего дня и формирует рамки для цифровой трансформации. Такой образ есть система ожиданий, представлений и предположений о развитии человека, общества и государства в условиях цифровизации. Он является субъективным и может быть трансформирован информационным влиянием, поэтому медиа играют ключевую роль в формировании общественного мнения о перспективах и последствиях цифровой трансформации. Субъективные конструкты, связанные с образом цифрового мира, определяют поведенческие и ролевые модели в настоящем времени, что в конечном счёте приводит к изменениям в реальном мире.

Авторы исходят из предположения, что анализ маркированной информации в пространстве публичных коммуникаций позволяет выявить варианты образа будущего. В качестве *маркеров цифрового общества* были выбраны названия сквозных технологий, в наибольшей мере преобразующих повседневную жизнь человека. Анализ представленности данных маркеров в медиaprостранстве показал, что дискурс об искусственном интеллекте даёт наибольшее количество информационных поводов, формирующих образ цифрового будущего.

Но поскольку простое упоминание цифровых технологий ещё ничего не говорит о коннотации информации о цифровом обществе, то авторы обратились к возможным последствиям разрешения проблемных ситуаций посредством данных технологий. Решение таких ситуаций может идти по двум сценариям — асоциальному или про-социальному, поэтому их можно назвать социальными дилеммами. Для их обнаружения в медиaprостранстве была предложена система маркеров социальной дилеммы (маркеры цифрового общества + маркеры идентификации ситуации).

Вычислительный эксперимент по идентификации социальной дилеммы цифрового общества в медиaprостранстве показал, что наиболее обсуждаемыми проблемами являются: изменение рабочего времени из-за внедрения роботов и искусственного интеллекта, изменение способности человека к мыслительной деятельности за

счёт выполнения соответствующих работ системами искусственного интеллекта, контроль за жизнью городов системами искусственного интеллекта, контроль со стороны государства над человеком при помощи цифровых устройств и сервисов. Таким образом, тематика искусственного интеллекта вызывает повышенный интерес среди пользователей социальных медиа, однако медиатексты о цифровом будущем преимущественно носят нейтральный характер.

Результаты массового социологического опроса российского населения фиксирует противоречивый образ цифрового будущего в общественном сознании в силу сложности и многоаспектности цифровой трансформации общества. Участники исследования высказывают мнение, что цифровизация делает условия жизни более комфортными и безопасными, предоставляет новые технические возможности для жизни человека. Однако многие цифровые сервисы имеют скрытый функционал, способствующий усилению контроля со стороны государства или крупных корпораций над обществом.

Данное исследование показало, что население относится к цифровому будущему с осторожностью, осознавая потенциальные негативные аспекты каждого технологического новшества. Участники исследования выразили опасения по поводу возможных негативных последствий цифровизации, таких как увеличение социального неравенства, снижение когнитивных способностей человека и потенциальные риски чипирования. Они также выразили беспокойство относительно проблем, связанных с цифровой трансформацией, таких как дефицит квалифицированных кадров и низкий уровень цифровой грамотности. Участники исследования также отметили нарастание в будущем проблем системного характера, таких как цифровая бюрократия, недостаточное правовое регулирование и коррупция.

Экспертный опрос представителей академического сообщества и отечественного бизнеса показал, что среди них нет единства в понимании образа цифрового будущего. Они признают важность цифровых трансформаций, но их взгляды на будущее в России различаются от оптимистически просоциальных до пессимистически асоциальных. Экспертами фиксируются различия у ключевых агентов влияния и целевых аудиторий в ожиданиях и представлениях о циф-

ровом будущем. Это позволяет сделать вывод о необходимости концептуализации понятия «образ цифрового будущего» и наполнения его просоциальным содержанием для дальнейшей трансляции в публичном пространстве коммуникаций с целью изменения мышления и поведения, особенно молодёжи.

Вместе с этим исследование показывает, что на данный момент существует широкий спектр проблем, связанных с созданием просоциального образа цифрового будущего России. На наш взгляд, эти проблемы вытекают из-за присутствия в общественно-политическом дискурсе различных сценариев формирования в публичном пространстве и репрезентации образа цифрового будущего в массовом сознании населения. К основным из них можно отнести *стихийный, мозаичный, суверенный, компульсивный, транснациональный и искусственный сценарии*. При этом в сценариях зачастую присутствуют антагонистичные образы цифрового будущего (публичное / частное; анархичное / тоталитарное; суверенное / колониальное и др.). Соответственно, разные группы людей являются носителями различных, противоречивых, сталкивающихся и конкурирующих между собой образов будущего, а следовательно, и различных моделей поведения по отношению к цифровизации. Это очевидным образом не способствует социальной консолидации и создаёт широкий спектр угроз и рисков для общественно-политической стабильности.

Для преодоления ситуации необходимо создание и распространение просоциального образа цифрового будущего в публичном пространстве коммуникаций. Проведённый экспертный опрос показал, что для презентации просоциального образа цифрового будущего надо использовать различные каналы коммуникации, включая социальные сети, новостные ресурсы, видеохостинги, кинематограф, мультипликацию, видеоигры, комиксы, а также такой инновационный канал, как метавселенные (цифровые платформы), где происходит виртуальное социальное взаимодействие человека с техноагентами.

Эксперты подчёркивают важность направленности информационного воздействия в контексте различий между представлениями, ожиданиями и интересами разных целевых аудиторий, отдавая приоритет молодёжи. Они также признают значимость формирования

представлений о будущем не только среди реальных или потенциальных пользователей цифровых технологий, но и среди субъектов цифровых трансформаций, чьими руками создаётся цифровое будущее. Поэтому ключевой признается не только роль государственных органов власти, но и роль бизнес-сообщества, образовательных и научных организаций, общественных организаций, масс-медиа, лидеров общественного мнения и гражданских активистов, экспертов в области цифровой и культурной трансформации. Данным акторам необходимо предоставить доступ к популярным медиаресурсам, чтобы они могли проводить просветительскую и популяризаторскую деятельность, направленную на формирование просоциального образа цифрового будущего. Именно такой подход позволит реализовать умеренно суверенный сценарий формирования и репрезентации образа цифрового будущего, при котором государственные органы будут играть ведущую роль в создании просоциального образа цифрового будущего страны, но роль других агентов влияния не будет нивелироваться, и более того, станет заметнее и значимее.

Проведённое исследование в целом подтверждает нашу гипотезу о том, что цифровая трансформация — это ключевой фактор, который задает тренды в повседневной жизни человека. Исследование также показывает, что формирование образа цифрового будущего есть сложный и многогранный процесс, в котором значимую роль играют медиа.

Список использованных источников

1. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Васильченко В.А. Идеологическая война против России: анализ идей внешних и внутренних акторов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2017. — Т. 13, № 3. — С. 40–56.
2. Ананченко А.Б. Образ будущего как конкретно-историческая, теоретическая и политико-прикладная проблема // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 150–165. — DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-150-165.
3. Андреева А.Д. Образ собственного будущего у старшеклассников и студентов колледжа // Психолого-педагогические исследования. — 2022. — Т. 14, № 2. — С. 3–18. — DOI:10.17759/psyedu.2022140201.
4. Адуло Т.И. Уяснение сущности социальности — ключ к пониманию глобальных проблем современности // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. — 2019. — Т. 4, № 26. — С. 12–43.
5. Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенко Е.Д. Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. — 2022. — № 10. — С. 49-61. — DOI: 10.31857/S013216250020368-7.
6. Анненкова А.В., Таныгина Е.А. Образ России в современных СМИ (на примере материалов русскоязычных новостных онлайн-агрегаторов) // Общество: политика, экономика, право. — 2021. — № 9 (98). — С. 26–31. — DOI: 10.24158/per.2021.9.4.
7. Байдаков С.Л. Стратегическое видение территории VS «идеальный мир» // Инновации в менеджменте. — 2020. — № 1 (23). — С. 16–21.
8. Беляева Е.В. Цифровое общество и возможности его этического регулирования // Освоение ойкумены прикладной этики: эскалация амбиций или критика утопичности. Ведомости прикладной этики. Вып. 52 / под ред. В.И. Бакштановского. — Тюмень : НИИ ПЭ, 2018. — С. 74–82.
9. Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Образ цифрового будущего общества через призму пандемии // Философская мысль. — 2021. — № 2. — С. 11–23. — DOI: 10.25136/2409-8728.2021.2.35169.

10. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Социология цифрового общества. — Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2021. — 226 с.
11. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // *Философия науки и техники*. — 2023. — Т. 28, № 1. — С. 48–65. — DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65.
12. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. — Москва : Прогресс, 1988. — 508 с.
13. Великая Н.М., Зайцева А.А., Ирсетская Е.А. Репрезентация образа будущего России в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества // *Социологическая наука и социальная практика*. — 2023. — Т.11, № 4. — С. 8–29. — DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.1.
14. Вербицкий М.Ю. Технология конструирования образа мегаполиса в сетевых изданиях (на примере Интернет-ресурсов Екатеринбург) // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. — 2023. — Т. 29, № 1. — С. 39–45.
15. Виноградов М.Ю., Джигбилова Е.Г., Попов Н.С., Султанова Г.Д., Фидря Е.С. Образ цифрового мира и восприятие политики цифровизации в общественном сознании россиян // *Журнал политических исследований*. — 2023. — №. 1. — С. 76–90. — DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-76-90.
16. Володенков С.В. Одномерное общество 3.0: от Г. Маркузе к цифровому миру XXI века // *Диалог со временем*. — 2020. — № 71. — С. 49–56. — DOI: 10.21267/AQUILO.2020.71.63587.
17. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. — 2020. — № 53. — С. 188–196. — DOI: 10.17223/1998863X/53/20.
18. Володенков С.В., Зотов В.В., Консон Г.Р. Образ цифрового будущего как модель конституирования реальности: сценарии формирования и репрезентации // *Журнал политических исследований*. — 2023. — Т. 7. № 4. — С. 33–46. — DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-4-33-46

19. Володенков С.В., Зотов В.В., Консон Г.Р., Гуров О.Н. Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка) // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* — 2024. — Т. 49, № 1. — С. 39–51. — DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51.
20. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // *Полис. Политические исследования.* — 2022. — № 5. — С. 40–55. — DOI: 10.17976/jpps/2022.05.04.
21. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* — 2023. — Т. 25, № 1. — С. 113–133. — DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133.
22. Губанов А.В., Зотов В.В. Отражение актуальных общественно значимых проблем региона в информационной повестке социальных медиа // *Социальная коммуникация в современном российском обществе: Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В.А. Мансуров, Т.З. Адамьянц, ред. Е.Ю. Иванова, П.С. Юрьев.* — Москва : Российское общество социологов, 2023. — С. 105–109.
23. Гуров О.Н. *Метавселенные — из сумерек во тьму перелетая?* // *Наука телевидения.* — 2022. — Т. 18, № 1. — С. 11–46. — DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18.1-11-46.
24. Гуров О.Н., Хвесьюк Л.М. Угрозы эпистемической (смысловой) безопасности: перспективы образования // *Морозовские чтения: международный научно-практический семинар, Иваново, 20 декабря 2022 года.* — Иваново : Ивановский государственный университет, 2023. — С. 38–43.
25. Гуров О.Н., Сафонов М.С. *Границы человеческого.* — Москва : Издательский дом «Научная библиотека», 2020. — 226 с.
26. Гуров О.Н. Люди, роботы и Чужие: кто паразит в новой парадигме // *Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе.* — 2021. — № 3. — С. 99–109.
27. Емелин В.А. От неолуддизма к трансгуманизму: сингулярность и вертикальный прогресс или утрата идентичности? // *Философия науки и техники.* — 2018. — Т. 23, № 1. — С. 103–115.

28. Желтикова И.В. Образ будущего: монография. — Орёл : Изд-во «Картуш», 2021. — 164 с.
29. Желтикова И.В. Образ будущего в ситуации Заката культуры: взгляд на современную Россию с позиции О. Шпенглера // Тетради по консерватизму. — 2020. — № 4. — С. 323–334. — DOI: 10.24030/24092517-2020-0-4-323-334.
30. Зимин В.А. «Образ будущего» в политической культуре современной России // Успехи современной науки и образования. — 2016. — Т. 2, № 9. — С. 172–175.
31. Зотов В.В. Информационно-аналитические платформы как основа цифровизации общества // Труды 63-й Всероссийской научной конференции МФТИ. Гуманитарные науки и педагогика. — Москва : МФТИ, 2020. — С. 71–72.
32. Зотов В.В., Асеева И.А., Буданов В.Г. Цифровая сетевая платформа: классификация опасностей социотехнической конвергенции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2021. — Т. 11, № 6. — С. 243–259. — DOI: 10.21869/2223-1552-2021-11-6-243-259.
33. Зотов В.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Белкина В.А. Конвертация опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации // Цифровая социология. — 2022. — Т. 5, № 2. — С. 4–20. — DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-2-4-20.
34. Зотов В.В., Губанов А.В. Представленность в медиапространстве терминологического кластера «цифровое общество» // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции. — Санкт-Петербург : ООО Издательский дом «Сциентиа», 2023. — С. 813–815.
35. Зотов В.В., Кривоухов А.А. Информационно-коммуникационная среда: опасности основных процессов цифровизации // Koinon. — 2022. — Т. 3, № 3–4. — С. 75–87. — DOI: 10.15826/koinon.2022.03.3.4.032.
36. Зотов В.В., Кривоухов А.А. Опасности и риски цифровизации информационно-коммуникационной среды // Социальная политика и социология. — 2022. — Т. 21, № 3 (144). — С. 70–79. — DOI: 10.17922/2071-3665-2022-21-3-70-79.
37. Зотов В.В., Кривоухов А.А., Васильева И.Н. Социально-сетевое взаимодействие в сети Интернет: к определению феномена медиа

- // Коммуникология. — 2022. — Т. 10, № 4. — С. 13–22. — DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-4-13-22.
38. Зотов В.В., Огурцов Д.А., Аментес А.В., Губанов А.В. Образ цифрового будущего в публичном пространстве коммуникаций: анализ тональности медиатекстов на основе социальных дилемм // Речевые технологии. — 2023. — № 4. — С. 54–65.
39. Зубанова Л.Б. Современное медиапространство: подходы к пониманию и принципы интерпретации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2008. — Т. 2, № 14. — С. 6–17.
40. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. — Москва : Издательство Института Гайдара, 2022. — 784 с.
41. Индикаторы цифровой экономики: 2024: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. — Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. — 276 с.
42. Кламер И.Е. Дискурсивное конструирование образа будущего: аксиологический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. — 2023. — № 6(476). — С. 67–72. — DOI: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-67-72.
43. Коленникова Н.Д. Образы «России будущего» в представлениях граждан // Социологические исследования. — 2023. — № 10. — С. 91–103. — DOI: 10.31857/S013216250028307-0.
44. Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. — 2020. — № 1. — С. 45–50.
45. Консон Г.Р. Искусствоведение в контексте других наук: вызовы современности / беседовала Е.В. Никонорова // Обсерватория культуры. — 2019. — Т. 16, № 4. — С. 418–433. — DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-4-418-433.
46. Кравченко С.А. Социология цифровизации. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ», 2021. — 236 с.
47. Кульков В.М. Цифровая экономика: надежды и иллюзии // Философия хозяйства. — 2017. — № 5(113). — С. 145–156.
48. Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. Образ будущего страны в восприятии различных групп российского общества // Известия

- Тулского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2022. — № 3. — С. 39–49. — DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-39-49.
49. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2018. — № 5. — С. 9–21. — DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00001.
50. Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. — 2018. — Т. 26, № 1. — С. 40–46.
51. Малышева Е.Г., Гриднев Н.А. Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске) // Научный диалог. — 2016. — Т. 22, № 60. — С. 134–144.
52. Маслоу А.Г. Мотивация и личность: [перевели с английского Т. Гутман, Н. Мухина]; 3-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2021. — 399 с.
53. Молчанова О.И. Социальное управление процессами конвергенции в современной медиасфере. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. — 241 с. — DOI: 10.12737/monography_5cc060198a5712.81801460.
54. Мусаев А.А., Григорьев Д.А. Обзор современных технологий извлечения знаний из текстовых сообщений // Компьютерные исследования и моделирование. — 2021. — Т. 13, № 6. — С. 1291–1315. — DOI: 10.20537/2076-7633-2021-13-6-1291-1315.
55. Нестеров А.Ю., Дорошин А.В., Никоноров А.В., Сойфер В.А. Эволюция общества в свете философии техники // Философские науки. — 2022. — Т. 65, № 2. — С. 7–32. — DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-2-7-32.
56. Павлов Д.А., Павлова Л.Л. Молодёжь в российском обществе: образ будущего и проблемы социализации // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2019. — № 2(59). — С. 24. — DOI: 10.26105/SSPU.2019.59.2.024.
57. Петрова В.Н. К вопросу о возможности интерпретации содержания образа будущего // Сибирский психологический журнал. — 2010. — № 36. — С. 32–35.
58. Попова Т.И. Актуальные направления исследования медийного интернет-пространства // Медиалингвистика. — 2018. — Т. 25, № 3. — С. 258–272. — DOI: 10.21638/spbu22.2018.301.

59. Рочняк Е.В. Написание сценариев будущего как один из методов футурологии // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. — 2022. — № 3. — С. 68–73.
60. Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. — Москва : Контакт-альфа, 1995. — 384 с.
61. Таюпова О.И. Медiateкст с позиции междисциплинарного подхода // Доклады Башкирского университета. — 2018. — Т. 3. — С. 100–104.
62. Трофимова И.Н. Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус? // Социологические исследования. — 2022. — № 10. — С. 37–48. — DOI: 10.31857/S013216250020843-0.
63. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и её влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. — 2018. — № 10(118). — С. 46–63. — DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-46-63.
64. Хохлов А.А. Представления о будущем в коллективном сознании россиян // Наука. Культура. Общество. — 2023. — Т. 29, № 4. — С. 6–17. — DOI: 10.19181/пко.2023.29.4.1.
65. Хочунская Л.В. Медиаобраз как диалог ценностей. — Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2011. — 246 с.
66. Шарков Ф.И., Силкин В.В. Генезис социологии медиапространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2021. — Т. 21, № 3. — С. 557–566. — DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-557-566.
67. Шютц А. Проблема рациональности в современном мире // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. — Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. — 336 с.
68. Этика и «цифра» — коротко о главном. Робот-врач, робот-учитель, робот-полицейский: социальные риски и отраслевые этические вызовы: аналитическая записка к тому 2 доклада «Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий». — Москва : РАНХиГС, 2020. — 45 с.

69. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. — Москва : Иностранная литература, 1959. — 432 с.
70. Abidi N., El Herradi M., Sakha S. Digitalization and resilience during the COVID-19 pandemic // *Telecommunications Policy*. — 2023. — Vol. 47, № 4. — P. 102522. — DOI: 10.1016/j.telpol.2023.102522.
71. Ahvenharju S., Lalot F., Minkkinen M., Quiamzade A. Individual futures consciousness: Psychology behind the five-dimensional Futures Consciousness scale // *Futures*. — 2021. — Vol. 128. — P. 102708. — DOI: 10.1016/j.futures.2021.102708.
72. Aseeva I., Budanov V. Digitalization: potential risks for civil society // *Економічний часопис-XXI*. — 2020. — Vol. 186, № 11–12. — P. 36–47. — DOI: 10.21003/ea.V186-05.
73. Beckert J., Suckert L. The future as a social fact. The analysis of perceptions of the future in sociology // *Poetics*. — 2021. — Vol. 84. — P. 101499. — DOI: 10.1016/j.poetic.2020.101499.
74. Bury J.B. The idea of progress: an inquiry into its origins and growth. — New York : Dover Publications, 1964. — 194 p.
75. Chulok A. Applying blended foresight methods for revealing incentives and future strategies of key national innovation system players. *Engineering Management in Production and Services*. — 2021. — Vol. 13, № 4. — P. 160–173. — DOI: 10.2478/emj-2021-0038.
76. Domina T., Conley A., Farkas G. The link between educational expectations and effort in the college-for-all era // *Sociology of Education*. — 2011. — Vol. 84, № 2. — P. 93–112.
77. Kohli G., Gourav K. Transforming the Technologies for Resilient and Digital Future During COVID-19 Pandemic // *Machine Intelligence, Big Data Analytics, and IoT in Image Processing* (Eds A. Kumar, M. Bhushan, J.A. Galindo, L. Garg and Y.-C. Hu). — Hoboken, NJ : Beverly, MA : Wiley ; Scrivener Publishing, 2023. — 512 p. — DOI: 10.1002/9781119865513.ch4
78. Kharlamov A.A., Pilgun M. Analysis of the Situation Connotation on the Example of Assessing the Reaction of Society: Social Media Data // *International Journal of Future Generation Communication and Networking*. — 2020. — Vol. 13, № 3. — P. 37–44. — DOI: 10.33832/ijfgcn.2020.13.3.04.

79. Kitchin R. Thinking critically about and researching algorithms // *Information, Communication & Society*. — 2017. — Vol. 20, № 1. — P. 14–29. — DOI: 10.1080/1369118X.2016.1154087.
80. Landheer B. About the Image of the Future // *On the Sociology of International Law and International Society*. — Springer, Dordrecht. 1966. — P. 108–113.
81. Meshcheryakova N., Zeremskaya Yu., Maksimova N. Launching into future // *The European proceedings of social & behavioural sciences: International Conference*. Vol. 26. — Tomsk : Future Academy, 2017. — P. 654–660.
82. Miles I., Saritas O., Sokolov A. *Prospectiva para ciência, tecnologia e inovação (NED-New edition)*. — Rio de Janeiro : SciELO — Editora FIOCRUZ, 2021. — 387 p. DOI: 10.7476/9786557081112.
83. Morgan D. Images of the future: a historical perspective // *Futures*. — 2002. — Vol. 34. — P. 883–893.
84. Nikolova B. The rise and promise of participatory foresight // *European Journal of futures research*. — 2014. — Vol. 2, № 1. — P. 1–9.
85. Plante J.A. *Images of the Future and Their Educational Significance*. — [Washington, D.C.] : Distributed by ERIC Clearinghouse, 1975. — 36 p.
86. Polak F. *The Image of the Future*. — Amsterdam, London, New-York : Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. — 320 p.
87. Poli R. The implicit future orientation of the capability approach // *Futures*. — 2015. — Vol. 71. — P. 105–113. — DOI: 10.1016/j.futures.2015.03.002.
88. Rasa T., Laherto A. Young people's technological images of the future: implications for science and technology education // *European Journal of Futures Research*. — 2022. — Vol. 10, № 1. — P. 4–12. — DOI: 10.1186/s40309-022-00190-x.
89. Rubin A., Linturi H. Transition in the Making. The Images of the Future in Education and Decision-making // *Futures*. — 2001. — Vol. 33, № 3–4. — P. 267–305.
90. Selwyn N. *What is Digital Sociology?* — Cambridge, UK : Polity Press, 2019. — 152 p.
91. Schwartz P. *The Art of the Long View: Planning for the Future in an Uncertain World*. — New York : Currency Doubleday, 1996. — 288 p.

92. Singer B. The Future-Focused Role-Image // Learning for Tomorrow: The Role of the Future in Education (Ed. A. Toffler). — New York : Random House (Vintage Books), 1974. — 421 p.
93. Tonkinwise C. Design Away // Design as Future-Making (Eds. S. Yelavich and B. Adams). — London : Bloomsbury Academic, 2014. — P. 198–213.
94. Van Ooijen C, Ubaldi B, Welby B. A data-driven public sector: enabling the strategic use of data for productive, inclusive and trustworthy governance // OECD Working Papers on Public Governance. — 2019. — № 33. — 59 p.
95. Wilson T.D., Gilbert D.T. Affective forecasting // Advances in experimental social psychology. — 2003. — Vol. 35. — P. 345–411. — DOI: 10.1016/S0065-2601(03)01006-2.
96. Zheltikova I.V. Studies of the future and the place of the concept “image of the future” in them // Philosophical Thought. — 2020. — Vol. 2. — P. 15–32. — DOI: 10.25136/2409-8728.2020.2.32302.
97. Zotov V.V., Konson G.R., Volodenkov S.V., Gubanov A.V. The image of the digital future: formation in media space and representation in the public consciousness // Nauka Televideniya — The Art and Science of Television. 2023. Vol. 19, № 4. P. 63–115. — DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.4-63-115.

Научное издание

ОБРАЗ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО РОССИИ: ФОРМИРОВАНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Под общей редакцией В.В. Зотова, Г.Р. Консона, С.В. Володенкова

Подписано в печать 14.01.2024. Формат 60 × 84/16
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс Новая. Печать офсетная
Усл. печ. л. 8,72 Уч.-изд. л. 9,32
Тираж 1000 экз. Заказ 1419

Отпечатано Акционерное общество «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва,
Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5 к. 6

www.t8group.ru
info@t8group.ru
тел.: +7 (499) 332 38 30